

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел.: факс: 8 (495) 939-46-98

ПОЛЯКОВА Наталья Львовна — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора, г. Москва, Россия, e-mail: polyakova@socio.msu.ru, тел.: +7(495) 939-45-39

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна — сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

ДОВРИНСКАЯ Дарья Егоровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор сайта, г. Москва, Россия, тел.: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

ВЕРШИННИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

СИНЯКОВ Алексей Викторович — заведующий учебной лабораторией по применению ЭВМ и технических средств обучения социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-49, e-mail: alsin@socio.msu.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аверин Юрий Петрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7(495)939-27-95, e-mail: aur@inbox.ru; **Антонов Анатолий Иванович** — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru; **Вельц Франк** — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at; **Бабосов Евгений Михайлович**, доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru; **Водопьянов Павел Александрович**, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии и права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: rva1940@bk.ru; **Данилов Александр Николаевич**, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел.: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by; **Желтов Виктор Васильевич** — доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета, г. Кемерово, Россия, тел.: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru; **Ильхам Мамед-Зале**, доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru; **Кенчи Охаши**, профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккью, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp; **Скворцов Николай Генрихович** — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru; **Тай-Лок Луи** — доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tloukui@eduhk.hk; **Фарро Антимо Луджи** — доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antimolugi.farro@uniroma1.it; **Цинекер Хайрун** — доктор политических наук, профессор Университета Лейпцига, г. Лейпциг, Германия, тел.: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de

Редактор **О.В. ИЛЬИНЫХ**

FOUNDER

Lomonosov Moscow State University

Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Natalya L. POLYAKOVA, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Contemporary Sociology at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-45-39, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

Managing Editor: Olga V. ILINIH, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

Website Editor: Daria E. DOBRINSKAYA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

Editorial board: Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Aleksei V. SINYAKOV, Head of IT Laboratory at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-49, e-mail: alsin@socio.msu.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Yuriy P. Averin, Doctor of Sociology, Professor, Head of Sociological Research Methodology Department at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495)939-27-95, e-mail: aup@inbox.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone:+43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Lui Tai-lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tloukui@eduhk.hk

Viktor V. Zheltov, Doctor of Political Science, Professor at Chair of General History and Socio-Political Sciences (Kemerovo State University), Kemerovo, Russian Federation, phone: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Heidrun Zinecker, Doctor of Political Science, Professor of International Relations at the Institute of Political Science (University of Leipzig), Leipzig, Germany, phone: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de

Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

Том 24 • № 2 • 2018 •

АПРЕЛЬ — ИЮНЬ

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Теория, методология и история социологии

- Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л.* Социально-исторический процесс индивидуализации и механизмы его реализации. Часть II. Становление индивида модерна как “процесс цивилизации” (Окончание). 7
- Сорокина Е.М.* Изучение социальной стратификации и социальной мобильности в современной китайской социологии: три концепции 30
- Вершинина И.А.* Анри Лефевр: от “права на город” к “урбанистической революции” 48
- Батуренко С.А.* “Женский вопрос” в работах русского правоведа и социолога неокантианского направления XIX — начала XX в. В.М. Хвостова 61

Социальная структура, социальные институты и процессы

- Каневский П.С.* Сравнительный анализ моделей лоббизма: теоретические и методологические вопросы изучения групп интересов в политике 75
- Курбанов А.Р.* Социальные эффекты “забытых тропических заболеваний” (на примере “сывороточного кризиса”) 95
- Новосёлова Е.Н.* Социальные аспекты репродуктивного здоровья женского населения России. 121
- Григоренко О.В.* Феномен полиамории в современном обществе: социологический анализ. 139

Социология международных отношений

- Плащинский А.А.* Геополитические основы внешнеполитической стратегии США по установлению нового мирового порядка 156
- Янакова В.Р.* Особенности национальной идентичности в современной Греции 173

Экономическая социология и менеджмент

- Пашко А.И., Семихова М.А., Аликова К.Г., Юрасов А.Д.* Нестандартные формы профессионального развития и самореализации сотрудников: дауншифтинг и предпринимательская деятельность . . 185

Научная жизнь

- Осипова Н.Г., Каневский П.С.* Конференция “Октябрьская революция. Век спустя” в Римском Университете “Сапиенца” 203
- Вершинина И.А., Мартыненко Т.С.* Междисциплинарная конференция по изучению бедности в Университете Зальцбурга 208

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 2 • VOLUME 24 • 2018 •

APRIL — JUNE

Four Issues per Annum

CONTENTS

Theory, methodology and history of sociology

- Kimelev Ju.A., Polyakova N.L.** The social-historic process of individualization and the mechanisms of its realization. Part II. The formation of modern individual as the “process of civilization” (*Ending*) 7
- Sorokina E.M.** The study of social stratification and social mobility in modern Chinese sociology: three concepts 30
- Vershina I.A.** Anri Lefevr: from “the right to the city” to the “urbanist revolution” 48
- Baturenko S.A.** “Women’s issue” in works of the Russian jurist and sociologist of the Neokantian direction XIX the beginnings of the XX century of V.M. Hvostov 61

Social structure, social institutions and processes

- Kanevskiy P.S.** Comparative analysis of lobbying models: theoretical and methodological aspects of interest groups research. 75
- Kurbanov A.R.** Social effects of “neglected tropical diseases” (on the example of “antivenom crisis”) 95
- Novoselova E.N.** Social aspects of reproductive health among the female population in Russia 121
- Grigorenko O.V.** The phenomenon of polyamory in modern society: sociological analysis 139

Sociology of international relations

- Plashchinsky A.A.** Geopolitical foundations of U.S. foreign policy strategy on establishing the new world order 156
- Yanakova V.R.** Features of national identity in modern Greece 173

Economic sociology and management

Pashko A.I., Semikhova M.A., Alikova K.G., Yurasov A.D. Non-standard forms of professional development and self-realization of employees: downshifting and entrepreneurship. 185

Scientific life

Osipova N.G., Kanevskiy P.S. Conference “La Rivoluzione Bolscevica. Un secolo dopo” in Sapienza University of Rome 203

Vershinina I.A., Martynenko T.S. International scientific conference in interdisciplinary poverty research held at the University of Salzburg . . . 208

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-2-7-29

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ И МЕХАНИЗМЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ.

Часть II. Становление индивида модерна как “процесс цивилизации”*

Ю.А. Кимелев, докт. филос. наук, проф., главный научный сотрудник ИНИОН РАН, ул. Кржижановского, д. 15, к. 2, г. Москва, Российская Федерация, 117218**
Н.Л. Полякова, докт. социол. наук, проф. кафедры социологии Социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234***

Процесс индивидуализации является одним из компонентов общего процесса становления обществ модерна наряду с такими процессами, как становление капитализма, индустриализма, процесс демократизации, урбанизации, становление современного политического и государственного-административного порядка. Роль и значение процесса индивидуализации, результатом которого явились становление и развитие современного индивида, очевидно недооценивались в социологии на фоне таких процессов, как становление капитализма или индустриализма, и только предложенный современной социологией диагноз современного общества как “индивидуализированного общества” в полной мере выявил роль и значение процесса индивидуализации.

Статья посвящена исследованию социально-исторического процесса индивидуализации и выявлению базовых социальных механизмов, посредством которых этот процесс осуществляется.

В статье указываются три базовых социальных механизма процесса индивидуализации, результатом развития которого является становление современного индивида. Речь идет о механизмах социальной дифференциации, рационализации и цивилизации. Анализ этих механизмов осуществляется на примере фундаментальных социологических теорий общества и теорий социального развития и изменения, разработанных в рамках как социологической классики, так и современной социологической теории.

Вычленение и реконструкция механизма дифференциации как механизма индивидуализации осуществляются на основе анализа методологи-

* Окончание. Начало статьи в № 1 за 2018 г.

** **Кимелев Юрий Анатольевич**, e-mail: vestnik@socio.msu.ru

*** **Полякова Наталья Львовна**, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

ческих позиций, теории общества и теории социального развития Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля. Фиксируются этапы и принципы функционирования этого механизма, которые можно выявить в процессе аналитической реконструкции механизма дифференциации.

Реконструкция механизма рационализации как ведущего процесса индивидуализации осуществляется в статье на основе анализа социологической теории М. Вебера и концепций Франкфуртской школы, принадлежащих М. Хоркхаймеру и Ю. Хабермасу. Вскрываются исторические этапы процесса индивидуализации, осуществляющегося на основе этого механизма, выявляется его специфика. Анализ теории Хабермаса позволяет продемонстрировать возможность одновременного использования механизмов дифференциации и рационализации для демонстрации исторического осуществления процесса индивидуализации.

Третьим механизмом осуществления процесса индивидуализации является механизм "цивилизации". Этот механизм вскрывается и анализируется в статье на основе работ М. Фуко и Н. Элиаса.

В статье демонстрируется связь соответствующих механизмов дифференциации и рационализации, ведущих процесс индивидуализации, с возможностью осуществления изначально заложенных в идеологии модерна принципов свободы и равенства.

Ключевые слова: индивид, индивидуализация, дифференциация, рационализация, цивилизация, индивидуальная свобода, равенство, модерн.

THE SOCIAL-HISTORIC PROCESS OF INDIVIDUALIZATION AND THE MECHANISMS OF ITS REALIZATION.

Part II. The formation of modern individual as the "process of civilization"

Kimelev Yuriy A., Doct. philos. Sci., Professor, Chief Scientific Officer, INION RAS, Krzhizhanovskogo street, 15-2, Moscow, Russian Federation 117218, e-mail: vestnik@socio.msu.ru

Polyakova Natalya L., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

The process of individualization is a component of the general process of formation of modern societies. The other components are: the formation of capitalism, of industrialism, the process of democratization, urbanization, the formation of modern political and state order. The result of the process of individualization is formation of modern individual. The function and importance of the process is obviously underestimated in sociological theory as compared to the attention given to the processes of formation of capitalism or industrialism. This has become clear as the latest sociology has characterized the contemporary society as "individualized society".

The article is dedicated to the analysis of the social-historic process of individualization. Its aim is to bring to light the basic mechanisms through which

this process was realized. These basic mechanisms are social differentiation, rationalization and civilization. The analysis of the mechanisms of individualization is based on classical and some contemporary sociological theories. The analysis of social differentiation takes the starting point in the analysis of methodological principles of theory of society and theory of social development of E. Durkheim and G. Simmel. The authors strive to point to the fundamentals of the historic process of social differentiation and its main stages.

Rationalization is the main mechanism of the process of individualization. The sociological theories of M. Weber, M. Horkheimer and J. Habermas form the basis of its analysis in the article. This analysis also points to the fundamentals of the process of individualization and to its main stages.

“Civilization” is the third mechanism of the process of individualization. The analysis of this mechanism is based on theories of N. Elias and M. Foucault.

The article shows the interconnections of the mechanisms of differentiation rationalization and civilization in the social-historic process of individualization. The article also strives to show the significance of the principles of individual liberty and equality as fundamental to the modern ideology.

Key words: *individual, individualization, differentiation, rationalization, civilization, individual liberty, equality.*

Еще одним механизмом наряду с дифференциацией и рационализацией (эти механизмы были рассмотрены в Части I) осуществления процесса индивидуализации является механизм “цивилизации”. Цивилизация — это механизм и вместе с тем процесс обретения индивидом определенных свойств и качеств, выступающих как условие возможности его вступления в социальную коммуникацию с другими индивидами в эпоху модерна, получения им признания со стороны других как на межиндивидуальном уровне, так и на уровне общества в целом. Это процесс одновременного обретения индивидом способности к самоконтролю и создание новых внешних механизмов социального контроля со стороны общества.

Теория “процесса цивилизации” Норберта Элиаса

Наиболее полно механизм цивилизации представлен в концепции Норберта Элиаса. Н. Элиас считает, что именно этот механизм сыграл главную роль в оформлении социального индивида модерна.

В отличие от первых двух механизмов — дифференциации и рационализации — механизм цивилизации возникает достаточно поздно, в период протомодерна. Н. Элиас, прежде всего, указывает на систему представлений, восходящих к эпохе Возрождения. Начиная с этой эпохи люди во все большей мере воспринимали и определяли человеческий опыт как “опыт самих себя”, индивидуа-

лизации, обособления своего внутреннего мира от всего внешнего. В социологии эта модель обособленного от мира индивида нашла выражение в понятии действующего “Я”, противопоставленного другим. Именно такая позиция становится объектом критики со стороны Н. Элиаса. Подобный монадологический подход может, по мнению Н. Элиаса, стать моделью для развития социологии только с опорой на решающий шаг, сделанный Г.В. Лейбницем, который заключался в методе дистанцирования от собственного “Я”¹. Это позволяет воспринимать собственное “Я” не как противопоставленное всему прочему миру, а как одну из сущностей, существующую наравне с другими.

“Теория цивилизации, — пишет Н. Элиас, — помогает избавиться от ложного образа человека, возникшего в Новое время и ставшего чем-то само собой разумеющимся... Критика понимания человека, характерного для Нового времени, необходима для понимания процесса цивилизации. Пока мы видим в отдельном человеке некое заданное природой и скрытое какой-то стеной содержимое, то остается непонятным, как возможен процесс цивилизации, проходящий через ряд поколений и меняющий личностные структуры людей, не изменяя при этом их природу”².

Н. Элиас отмечает то обстоятельство, что обращение к истории как к некоторому альбому “стилей” может создать впечатление о некотором процессе движения “человека готики” к “человеку Возрождения”, далее — к “человеку барокко”, а от “придворного человека” — к буржуа. Вместе с тем, исторический и социальный анализ убеждает нас в нерасторжимом единстве типа человека и типа общества, в рамках которого он существует и которое им создается. Задача, по мнению Н. Элиаса, состоит в том, чтобы исследовать индивида и общество не как два порознь существующих объекта, а как хотя и различные, но “нераздельные стороны того же самого человека”³.

Н. Элиас формулирует методологическую позицию, лежащую в основе его теоретических разработок. Эта позиция, прежде всего, предполагает нерасторжимое единство общества и индивида. Он формулирует это следующим образом: “...индивиды образуют общество и... всякое общество — это общество индивидов”⁴. При этом он подчеркивает, что общество — это нечто большее и нечто

¹ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.: СПб., 2001. С. 34.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 12.

⁴ Элиас Н. Общество индивидов. М., 2002. С. 19.

иное, чем просто совокупность отдельных людей. Поэтому главным для исследователя становится вопрос о том «как они образуют “общество” и как получается, что это общество может определенным образом изменяться, что оно имеет историю, которая протекает так, как она действительно протекает, и которая не задумана, не предусмотрена, не запланирована никем из отдельных людей, ее образующих»⁵. И тем не менее, общество развивается только потому, что многие отдельные люди чего-то желают и что-то делают, но при этом его структура и его исторические трансформации все же явно не зависят от воли отдельных людей. Кроме того, Н. Элиас отказывается от “статического” рассмотрения понятий “индивид” и “общество” как каких-то неизменных состояний. Необходимо, по его мнению, рассматривать эти понятия как обозначения процессов и разрабатывать их в тесной связи с эмпирическими исследованиями.

На место образа человека как “закрытой личности” Н. Элиас предлагает поставить образ “открытой личности”, которая обладает известной автономностью в отношении других людей, но эта автономность никогда не является абсолютной. Люди находятся в сети взаимозависимостей. Эта сеть взаимозависимостей, связывающих людей друг с другом, именуется Н. Элиасом “фигурацией”. Фигурация – это “определенная форма связи ориентированных друг на друга и взаимозависимых людей”⁶. Люди от природы, а также благодаря обучению, социализации, воспитанию, потребностям всегда предстают как “плюральности”, поэтому и следует исходить из картины множества взаимозависимых людей, образующих фигурации, группы, или разного рода сообщества. “Тем самым исчезает характерное для прежнего образа человека разделение на индивида (словно есть индивиды без общества) и общество (словно существует общество без людей)”⁷.

Целью Н. Элиаса является, опираясь на заявленные методологические принципы “фигуративной социологии”, создание общей теории становления модерна как процесса “цивилизации”. Ядро такой теории модерна должен, безусловно, составить образ субъекта модерна, т.е. те “разновидности поведения, которые считаются типичными для западного человека”, “стандартом поведения и *habitus*’ом западного человека”. «Понятие “*civilité*”, – пишет Н. Элиас, – стало значимым для западного мира в то время, когда

⁵ Элиас Н. Общество индивидов. С. 19.

⁶ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. Изменения в положении высшего слоя мирян в странах Запада. М.; СПб., С. 43.

⁷ Там же.

были разрушены и рыцарское общество, и единство католической церкви. Оно было воплощением того общества, которое как стадия, как этап специфического характера западных нравов, или “цивилизации”, было не менее важным, чем феодальное общество. Само понятие “*civilité*” является выражением и символом общественной формации, охватывавшей различные национальности, и, подобно церкви, один общий язык – сначала итальянский, а затем все в большей мере французский. Эти языки переняли ту функцию, которую ранее выполняла латынь. Именно в них проявились и европейское единство, построенное на новом социальном фундаменте, и новая общественная формация, как бы образующая его костяк, – придворное общество. Положение, самосознание и характер этого общества и нашли свое выражение в понятии “*civilité*”»⁸.

Таким образом, правомерно заключить, что в концепции Н. Элиаса процесс цивилизации – это процесс становления модерна, который выстраивается как одновременное и сопряженное становление социальных структур и становление субъекта модерна с его психологическими структурами. Ключевым историческим пунктом этого процесса стал переход от “рыцарско-феодальной эпохи” к раннему Новому времени, к “придворному обществу”, превращению рыцарей в придворных.

Подытоживая свои размышления, Н. Элиас не просто отказывается от представления о человеке как о “*homo clausus*”, ибо без такого отказа невозможно постичь исторически разворачивающийся процесс цивилизации, понимаемый прежде всего как трансформация индивидуальных психологических структур. Н. Элиас отказывается и от понимания этого процесса как сознательно конструируемого процесса. «Мы не обнаруживаем, – пишет Н. Элиас, – индивидов, которые намеренно, сознательно и “рационально” осуществляли бы изменения; совершенно очевидно то, что “цивилизация”, как и рационализация, не является продуктом человеческого “рацио” и результатом какого бы то ни было долгосрочного планирования»⁹. Цивилизация, как и история в целом «движется вслепую – за счет собственной динамики сети отношений между людьми, за счет специфических изменений в формах их сосуществования. Но мы вполне в состоянии найти в ней и нечто “разумное” – в том смысле, что мы можем глубже понять этот

⁸ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. С. 111.

⁹ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб., 2001. С. 237.

механизм и заставить его лучше функционировать»¹⁰. Этим “разумным” являются механизмы, лежащие в основе процесса цивилизации, компонентом или стороной которого является и процесс индивидуализации.

Процесс индивидуализации также не является ни процессом рационализации, ни процессом намеренного долгосрочного планирования. В истории нет свидетельств того, считает Н. Элиас, что индивидуализация осуществлялась людьми или группами в форме сознательного воспитания. Процесс индивидуализации — это процесс становления цивилизованного индивида модерна, который осуществляется совсем не по плану, однако обнаруживает известный порядок, несмотря на случайность и даже хаотичность человеческих взаимодействий. Именно этот порядок, содержащийся в хаотичном переплетении планов и действий отдельных людей, определяет ход исторического развития, и именно этот порядок лежит в основании процесса цивилизации и индивидуализации. Речь идет о переплетении человеческих планов и действий, которые встраиваются в систему механизмов, формирующих процесс цивилизации и индивидуализации.

Отвечая на вопрос о формирующихся в процессе совместной жизнедеятельности людей механизмах, которые способствуют развитию процесса цивилизации, Н. Элиас называет прежде всего механизм конкуренции, под давлением которого происходил рост дифференциации общественных функций. Чем интенсивнее шел процесс дифференциации, тем большим становилось число функций, а тем самым и людей, в зависимость от которых попадал каждый конкретный индивид и с которыми он должен был соотносить свое поведение. И тем более строгими становились правила и организация действий.

Индивид в результате этого процесса принуждался ко все более дифференцированному и устойчивому регулированию своего поведения. Это регулирование приобретало характер автоматизма, становилось самопринуждением, хотя и не всегда осознавалось как таковое. Индивиду, как показала история, требуется не только укрепление сознательного самоконтроля, но также и действие аппарата внешнего контроля, работающего автоматически и слепо.

Развитие внутреннего механизма самоконтроля и принуждения происходит на фоне создания механизмов внешнего принуждения — оформления института монопольной организации физического насилия, а также таких более мягких форм внешнего принуждения, как деньги и престиж.

¹⁰ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. С. 239–240.

Все механизмы принуждения – и внутренние и внешние – работают по преимуществу вслепую. Они определяются такими моментами или показателями, как число взаимозависимостей, уровень дифференциации функций и их распределение. При этом следует также помнить, что “процесс цивилизации представляет собой исследование одновременной трансформации психического в целом и социального в целом”¹¹.

Механизмы конкуренции и дифференциации сопряжены с усложнением системы разделения труда, с процессами социального продвижения вверх представителей низших слоев, которые перенимают положение и функции высшего слоя, с уменьшением различий в положении и кодексе поведения низших и высших слоев. Все это Н. Элиас рассматривает как уменьшение контрастов и одновременный рост многообразия, который осуществляется автоматически, поскольку «стремление принадлежать к “высшему” слою и сохранять такое положение оказывает не менее принудительное воздействие на индивида и не в меньшей степени моделирует его поведение, чем стремление находить средства к существованию, проистекающее из простейшей жизненной необходимости»¹².

Одновременно осуществляется процесс психологизации и рационализации индивидуального поведения человека, при этом рационализация характеризует процесс изменения психической структуры целого общества: индивидуализация требует от индивида способности к предвидению и расчету. Н. Элиас пишет, что особое развитие получает то, «что мы называем сегодня “психологическим” подходом к человеку, – точное наблюдение за другими и за самим собой, выявление длинных рядов мотивов и цепочек взаимосвязей. Это обусловлено тем, что непрерывный самоконтроль и тщательное наблюдение за другими сделались элементарной предпосылкой сохранения своего общественного положения»¹³.

Возрастание самоконтроля, самопринуждения приводило к формированию «специфического “Сверх-Я”, которое постоянно регулирует аффекты человека, подавляет и трансформирует их в соответствии с потребностями общества»¹⁴. Существенным механизмом контроля в этих изменениях являются страх, стыд и чувство неприятного. Это единая констелляция психических чувств, которые осуществляют процесс индивидуализации. “Вместе с взаимозависимостью усиливается и наблюдение друг за другом; чувствительность, а тем самым и запреты, становятся все более дифференци-

¹¹ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. С. 255.

¹² Там же. С. 271.

¹³ Там же. С. 277.

¹⁴ Там же. С. 249.

рованными, всеобъемлющими и многообразными. Иной способ сосуществования порождает иной набор представлений о том, что должно вызывать стыд и ощущаться как неприятное в поведении других”¹⁵.

По мнению Н. Элиаса, моделирование влечений, называемое стыдом или чувством неприятного, не в меньшей степени характеризует поведение, чем рационализация. Смещение порога стыда и чувствительности оформляется в *habitus*'е западного человека одновременно с рационализацией поведения. Н. Элиас указывает, что процесс индивидуализации, связанный с изменением порога стыдливости, приводит к изменению схемы самопринуждения и росту принудительной схемы самоконтроля. Чувство стыда — это не просто результат конфликта индивида с общественным мнением. Это конфликт с “той частью его самости, что репрезентирует это общественное мнение. Мы имеем здесь дело с конфликтом в собственной душе человека — он сам признает себя низким”¹⁶.

Что касается страха, то непрестанный социальный страх за свой статус, престиж, за свое социальное положение является сильнейшим стимулом для строгого контроля над собой и над другими. Этот контроль над другими и самоконтроль осуществляются в различных формах: от личного искусства общения и утонченности манер до современных объективированных форм социального престижа, таких как профессия и деньги, а также различного рода “игр на выбывание”, связанных с социальной конкуренцией.

Страх является универсальным: индивиды боятся потерять работу, страшатся зависимости от более сильного, боятся голода и нищеты — эти страхи преобладают в низших слоях. В средних и высших слоях такую же роль играет страх перед социальным падением, потерей или уменьшением собственности, утратой независимости или высокого престижа. Именно страхи перед утратой социальных отличий, унаследованного или обретенного престижа играли решающую роль в формировании господствующего кодекса поведения. «Именно они в большей мере становились из внешних внутренними... упрочивались... начиная действовать автоматически, уже без контроля со стороны других людей и выступая как давление со стороны “Сверх-Я”»¹⁷.

Главное направление трансформации, таким образом, состоит в том, что вместе с дифференциацией социальной сети более дифференцированным становится аппарат психического самоконтроля и самопринуждения. Индивид контролирует и сдерживает свою

¹⁵ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. С. 296.

¹⁶ Там же. С. 293.

¹⁷ Там же. С. 323.

агрессию, вспышки эмоций и страстей, формирует механизм регулирования влечений и самообладания. Эта трансформация и эта реорганизация человеческих отношений имели непосредственное значение для изменения человеческого habitus'a, создавая форму того, что Н. Элиас называет “цивилизованным поведением и чувствованием”, оформляющими процесс индивидуализации.

Таков его ответ на вопрос о том, что представляет собой индивид модерна, оформившийся в процессе индивидуализации, «как и почему в ходе тех длительных и определенным образом направленных общих процессов трансформации общества, за которыми у нас закрепился технический термин “развитие”, одновременно происходят определенным образом направленные изменения в аффективном поведении, в человеческом опыте, в регулировании аффектов посредством внешнего принуждения и самопринуждения, а тем самым в известном смысле и во всей структуре человеческой экспрессии»¹⁸, которые обычно именуют процессом цивилизации индивидов, становления цивилизованных индивидов (в отличие от варваров), процессом индивидуализации.

Теория индивидуализации и становления субъекта модерна, осуществленная в рамках теории “процесса цивилизации” Н. Элиаса, стала фундаментальной разработкой, тематически посвященной индивиду в рамках классической социологии первой половины XX в. Эта теория, однако, в полной мере была оценена только во второй половине XX в.

Индивид и дисциплинарная власть: Мишель Фуко

Подход Н. Элиаса к концептуализации процесса индивидуализации и становления индивида как процесса, осуществляющегося главным образом посредством оформления механизмов самоконтроля, фактически нашел продолжение в теории становления индивида и процесса индивидуализации Мишеля Фуко с той разницей, что теория последнего выстраивается как теория внешнего контроля и соответствующих внешних механизмов, формирующих индивида модерна.

Концепцию индивидуализации М. Фуко можно считать центральным моментом его теории становления обществ модерна. Становление модерна М. Фуко относит к XVII–XVIII вв. и рассматривает его как переход от “зрелищного общества”, от “цивилизации зрелищ” с их архитектурой храмов, цирков, театров, публичных казней и т.п., в которых “вместе со зрелищем главенствовали об-

¹⁸ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. С. 5.

шественная жизнь, празднества, чувственная близость, бурлила кровь, общество черпало новые силы и образовывало на миг одно огромное тело”¹⁹, к дисциплинарному обществу, “основные элементы которого уже не община и общественная жизнь, а отдельные индивиды, с одной стороны, и государство — с другой”. Эти два полюса взаимосвязаны — государство предназначено для одновременного надзора за огромным множеством людей, а надзор наиболее эффективно может осуществляться только за атомизированными индивидами. “Наше общество, — продолжает М. Фуко, — общество надзора, а не зрелища. Под поверхностным прикрытием надзора, оно внедряется в глубину тел”²⁰ и производит атомизированных индивидов посредством применения различных дисциплинарных практик.

М. Фуко рассматривает становление обществ модерна в дуальности надзора и дисциплинарных практик, с одной стороны, и индивида — с другой. При этом безусловно приоритетным и первичным значением обладают институциональные дисциплинарные практики надзора. Именно они дисциплинируют и индивидуализируют индивидов как отдельные тела. Надзор имеет рациональный, систематический, методический, дисциплинарный характер, обращенный на индивида и формирующий его.

Образование современного общества связано с рядом широких исторических процессов и оформляющихся в их рамках институтов — экономических, юридическо-политических и научных. В рамках каждого из этих процессов осуществляется методическая работа по дисциплинарному формированию индивидов. Но распространение дисциплинарных институтов было, по мнению М. Фуко, лишь видимым аспектом более глубоких процессов, которые во все большей мере становятся техниками “изготовления полезных индивидов”. Налицо также “роение” дисциплинарных механизмов — дисциплинарные заведения множатся, их механизмы проявляют тенденцию к пересечению институциональных границ. Оформляется всеобъемлющий государственный контроль над дисциплинарным механизмом, постоянный учет поведения индивидов.

Дисциплина производит подчиненные и управляемые тела, “послушные” тела — в армии, в монастырях, в образовательных учреждениях, на фабриках. Она распределяет и организует пространство, распределяет время, детализирует действия во времени, коррелирует тело и жест, осуществляет связь тела с объектом — в целом дисциплина осуществляет контроль над деятельностью и

¹⁹ Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 2015. С. 264.

²⁰ Там же. С. 264.

над жизнью в целом. Роль дисциплины громадна и первична в производстве индивидов. М. Фуко подчеркивает при этом, что нельзя сказать, будто в дисциплинарном обществе “прекрасная целостность индивида ампутируется, подавляется и искажается нашим общественным порядком, — скорее индивид заботливо производится в нем с помощью особой техники сил и тел”²¹.

Вместе с тем, механизм надзора и применения дисциплинарных техник контроля — это только одна сторона процесса оформления индивида модерна в теории М. Фуко. Вторая сторона этого процесса — изоляция и атомизация индивида. Дисциплинарные техники надзора, их возникновение и становление связаны с задачами индивидуальной изоляции. Одним из исторических эпизодов, на примере которого М. Фуко объясняет, как начинается оформляться современный надзор, является дисциплинарная техника изоляции, связанная с эпидемиями чумы. М. Фуко противопоставляет два исторических явления — проказу, которая породила “ритуалы исключения”, предопределившие модель и общую форму “Великого Заключения” — карцера, — чуме, которая породила дисциплинарные изоляционные схемы: “Полное заключение — с одной стороны, выверенная муштра — с другой”²². Изгнание прокаженного — это мечта о чистой общине, дисциплинарная изоляция в случае заболевания чумой — мечта о дисциплинированном обществе. Это разные способы отправления власти над людьми, разные способы контроля над их отношениями. Однако эти схемы не являются несовместимыми, и “выверенная муштра” вобрала в себя предшествующую форму контроля — изоляции, создав соответствующую процедуру контроля.

Такой процедурой контроля является “паноптизм”. М. Фуко пишет в связи с этим: “Мы гораздо меньше греки, чем мы думаем. Мы находимся не на скамьях амфитеатра и не на сцене, а в паноптической машине, мы захвачены проявлениями власти, которые доводим до себя сами, поскольку служим колесиками этой машины”²³. Будучи помещены в “паноптическую машину”, мы атомизированы и изолированы. Мы существуем как изолированные индивиды. Индивидуализация есть условие возможности надзора и дисциплины, она есть механизм паноптической власти обществ модерна.

Паноптическая машина М. Фуко — это образ “Паноптикона” И. Бенгама, который М. Фуко использует для демонстрации изоляции, подконтрольности индивида, формируемого посредством соответствующих дисциплинарных техник надзора. “Паноптикон”

²¹ Фуко М. Указ. соч. С. 265.

²² Там же. С. 241.

²³ Там же. С. 265.

И. Бентама – архитектурный образ, который позволяет продемонстрировать одиночество, индивидуализированность и полную поднадзорность человека. Каждый индивид находится на своем месте, заперт в камере, его видит надзиратель, но сам индивид не может установить контакт ни с надзирателем, ни с соседями. “Толпа – плотная масса, место множественных взаимодействий, схождения индивидуальностей и коллективных проявлений – устраняется и заменяется собранием отдельных индивидуальностей. С точки зрения охранника, толпа заменяется исчислимым и контролируемым множеством, с точки зрения заключенных – изоляцией и поднадзорным одиночеством”²⁴. Основная цель “Паноптикона” – сделать надзор постоянным и вовлечь заключенных в ситуацию власти, носителями которой они сами выступают. Тот, кто помещен в такое поле наблюдения и знает об этом, подчеркивает М. Фуко, сам принимает на себя ответственность за принуждение, внешняя власть становится началом собственного внутреннего подчинения индивида.

“Паноптизм” означает, что модерновое общество, по М. Фуко, – это дисциплинарное общество, основание которого составляет индивидуализация. Но сам процесс индивидуализации осуществляется под влиянием внешних индивиду сил – дисциплинарных техник надзора, техник тела как объекта и мишени власти, различных техник послушания. Многочисленные дисциплинарные методы существовали издавна – в монастырях, армиях и ремесленных цехах. Но в XVII–XVIII вв. дисциплина стала общей формулой господства. «Исторический момент дисциплин – момент, когда рождается искусство владения человеческим телом, направленное не только на увеличение его ловкости и сноровки, не только на усиление его подчинения, но и на формирование отношения, которое в самом механизме делает тело тем более послушным, чем более полезным оно становится, и наоборот. Тогда формируется политика принуждений – работы над телом, рассчитанного манипулирования его элементами, жестами, поступками. Человеческое тело вступает в механизмы власти... Рождается “политическая анатомия”, являющаяся одновременно “механикой власти”»²⁵.

Паноптизм – это общий принцип новой “политической анатомии”, объектом которой являются отношения дисциплины. Паноптическое устройство “задает, на уровне элементарного и легко передаваемого механизма, программу базового, низового функцио-

²⁴ Фуко М. Указ. соч. С. 244.

²⁵ Там же. С. 168.

нирования общества, вдоль и поперек пересеченного дисциплинарными механизмами”²⁶.

В целом, – резюмирует М. Фуко, – можно говорить, следовательно, об «образовании дисциплинарного общества в этом движении, соединившем закрытые дисциплины, своего рода социальный карантин, и бесконечно распространяемый механизм “паноптизма”»²⁷, который представляет собой “абстрактную формулу совершенно реальной технологии, технологии производства индивидов”²⁸.

В многообразном творчестве М. Фуко мы выделили ту линию, которая соотносится с процессом индивидуализации в эпоху модерна. В качестве важнейших особенностей понимания индивидуализации у М. Фуко можно указать следующие. Положение индивида рассматривается в неразрывной связи с формированием современных социальных институтов. Более того, однозначно утверждается приоритет этих структур по отношению к индивиду. Вместе с тем, в этом структуралистском по существу видении индивид не исчезает и не растворяется в структурах. Иначе не было бы смысла вообще вести речь об индивидуализации у М. Фуко.

Еще одной особенностью теории М. Фуко можно считать фактически негативистское и пессимистическое восприятие индивидуализации. Несмотря на широкое использование понятия “субъект” в работах М. Фуко²⁹, говорить в привычном позитивном смысле о субъекте модерна неправомерно. В этом смысле видение М. Фуко модерна, субъекта модерна скорее вписывается в ту традицию, которая в свое время носила название “критика культуры” и пессимистические философии истории.

Осуществленный в статье анализ социологических теорий индивидуализации и оформления индивида модерна, типологизация этих теорий на основе содержащегося в них механизма процесса индивидуализации – дифференциации, рационализации и цивилизации – указывает на нерасторжимое и историческое, и теоретическое единство индивида и общества даже тогда, когда предметом исследования становится процесс вычленения и высвобождения индивида из социального целого.

Исследуемый нами процесс индивидуализации демонстрирует правоту и заставляет согласиться с позициями всех представленных здесь мыслителей, которые помешают рассмотрению судьбы

²⁶ Фуко М. Указ. соч. С. 255.

²⁷ Там же. С. 263.

²⁸ Там же. С. 306.

²⁹ См., например: *Foucault M. L'herméneutique du sujet. P., 2001.*

индивида в перспективу рассмотрения общего развития обществ модерна.

Реконструированные нами теории индивидуализации в последние десятилетия образовали существенный компонент интенсивных философских и социально-научных дебатов относительно природы модерна и его исторических судеб. В этих концепциях исторический анализ тесно связан с анализом актуального социального состояния, со стремлением предложить социологический диагноз современной эпохи.

В связи с этим в заключение мы обратимся к концепции Алена Турена, поскольку Алэн Турен наиболее полно стремится представить актуальное значение исторического анализа процесса индивидуализации в эпоху модерна.

В теоретических построениях А. Турена модерн предстает не как исчерпавшая себя или ушедшая в прошлое эпоха. Модерн продолжает свое историческое существование и, более того, должен, трансформировавшись, иметь будущее. Такое будущее должно предстать как реализация социального потенциала модерна прежде всего с опорой на потенциал индивида и в его аспекте. Фактически в роли единственного ориентира желательной социальной трансформации предстает реализация идеи субъекта эпохи модерна.

Индивид как вновь поставленная историческая задача: Алэн Турен

В теории А. Турена можно выделить несколько фундаментальных тезисов, касающихся теории субъекта модерна. *Во-первых*, речь идет о концептуализации социологического содержания модерна. “Идея модерна, — пишет А. Турен, — в своей наиболее амбициозной форме заключается в утверждении о том, что человек есть то, что он сам из себя сделает; в утверждении о существовании тесной связи между производством, становящимся все более эффективным благодаря использованию науки, технологии и управления, организацией общества, опирающейся на закон, с одной стороны, и жизнью индивида, руководствующегося интересом и желанием освободиться от всяких ограничений — с другой. Такое соответствие между научной культурой, упорядоченным обществом и свободными индивидами должно базироваться на торжестве разума”³⁰. Таким образом, обращение к вопросу об индивиде модерна неотделимо от вопроса об идее модерна.

Во-вторых, идея модерна тесным образом связана с идеей рационализации. Отрицание одной из них влечет за собой отрицание другой. В то же время специфика западной мысли заключается

³⁰ Touraine A. Critique de la modernité. P., 1992. P. 11.

как раз в том, что от идей рационализации она перешла к гораздо более широкой идее “рационального общества”, в котором разум не ограничивается сферой научной и технической деятельности и должен стать принципом управления людьми и вещами. Рационализация воспринимается как единственный принцип организации индивидуальной и коллективной жизни, этот принцип увязывается также с секуляризацией, т.е. с отстранением от всяких “последних целей”.

Запад мыслил и реализовывал модерн как революцию, поскольку не признавалось значение традиции и вообще чего-либо унаследованного. В течение столетий социальная мысль стремилась к какой-то “естественной” модели научного познания общества и личности — будь то механицистская, органицистская или кибернетическая модель. И все поиски такой модели опирались на убеждение в том, что необходимо избавиться от прошлого, освободить людей от унаследованного неравенства и невежества. “Главной целью такой этики и такой эстетики не является создание какого-то образа человека. Она заключается в устранении всяких образов человека... и в стремлении утвердить натуралистическое видение человека”³¹.

В-третьих, в течение долгого времени модерн определяли лишь через указание на эффективное воплощение в нем инструментальной рациональности, покоряющей мир посредством науки и техники. И, как подчеркивает А. Турен, ни в коем случае нельзя отказываться от подобного рационалистского видения, поскольку оно предохраняет от всякого холизма, тоталитаризма и интегризма. Однако такое видение не дает полной “идеи модерна”, более того, оно “скрывает половину идеи модерна: появление субъекта как свободы и творчества”³². Не существует одного единственного образа модерна. Можно говорить о двух образах, соотносящихся друг с другом — образах *рационализации* и *субъективации*, т.е. оформления и утверждения субъекта. Драма европейского модерна заключается в том, что он развивался в своеобразной борьбе с “половиной самого себя”, преследуя субъекта во имя науки, отвергая всякий вклад христианства. Те, кто отождествляет модерн с рационализацией, сводят субъект к разуму, деперсонализируют его, приносят “Я” в жертву, растворяют субъект в безличностном порядке природы или истории.

³¹ Touraine A. Op. cit. P. 29.

³² Ibid. P. 240.

В действительности мир модерна соотносился также с “субъектом, который есть свобода”. Это означает, что в качестве благого принципа утверждается тот контроль, который индивид способен осуществлять над своими действиями и своей ситуацией, а также позволяет индивиду воспринимать свои действия как часть собственной личностной жизни и воспринимать себя как актора. “Субъект – это воля действовать и быть признанным в качестве актора”³³.

Вместе с тем сами по себе “субъект” и “движение субъективации” не могут служить единственным объединяющим принципом “нового модерна”. Таким принципом может быть только “сочетание субъекта и разума”. Не следует закрывать глаза на то, что общество массового производства и потребления, общество предприятий и рынков движимо инструментальным разумом. В то же время в нем действительны индивидуальные желания и коллективная память, мотивы жизни и смерти, мощным фактором является также поиск коллективной идентичности. Необходимо, подчеркивает А. Турен, противостоять тому, чтобы один из компонентов модерна поглотил другой. Исключительное преобладание инструменталистского мышления ведет к угнетению людей, а преобладание субъективизма – к ложному сознанию.

“Новый модерн” должен объединить разум и субъект. “Разорванный модерн” отвергал и подавлял одну из своих половин, превратившись в завоевательную и революционную модернизацию. Соответственно, такой модерн можно определить лишь как “связь и напряжение” между рационализацией и субъективацией. Отсутствие интеграции двух указанных принципов модерна не только задает характер модерна, но и ставит под вопрос “идею общества”, разрушает “идею общества”.

Субъект можно определить только через отношение – отношение одновременно и оппозиции, и дополнительности – с рационализацией. Лишь триумф инструментального действия, расколдовывающего мир, делает возможным появление субъекта. Субъект не может существовать в анимистском, магическом мире.

В то же время лишь через отношение к другому как к субъекту индивид перестает быть только элементом функционирования социальной системы и становится творцом самого себя, а также становится созидателем общества. Те, кто потребляет общество вместо того, чтобы созидать и трансформировать его, подпадают под власть тех, кто направляет экономику, политику и информацию.

³³ Touraine A. Op. cit. P. 242.

Четвертый момент, на который следует обратить внимание в теории А. Турена, — это тезис о том, что “субъект существует только как социальное движение, как оспаривание логики порядка, принимает ли это утилитаристскую форму или является просто поиском социальной интеграции”³⁴. Рационализация ведет к усилению логики социальной интеграции. Суть истории модерна — это история перехода от борьбы субъекта против “священного порядка” к другой борьбе, а именно к борьбе против рационализаторских моделей. Эта борьба вдохновляется стремлением защититься от мощи и напора модернизации, ориентированной на полное изменение общества и человека.

Буржуа потому и является центральной фигурой модерна, что предстает как агент одновременно и рационализации, и субъективации. Эту фигуру можно противопоставить фигуре капиталиста, поскольку в случае с буржуа речь идет о человеке приватной жизни, человеке, наделенном совестью, человеке семьи и благочестия. Именно буржуазия, а не капитализм, отстаивала собственность и права человека, превратив собственность в наиболее важное из этих прав. Буржуазия, борясь с абсолютной монархией, сформировала *модерновый индивидуализм*, который она связала с социальной борьбой против установленного порядка и его религиозных оснований. Возвращение к субъекту есть отчасти возвращение к буржуазному духу, а также к духу рабочего движения — и все это вопреки “духу тотальности”, который на протяжении двух столетий от Французской революции до Русской революции господствовал в истории.

Функционирование современного общества, его исторические трансформации и его конкретное единство уже не имеют, как кажется, какого-либо смысла, не соотносятся с какими-либо ценностями, нормами, политическими проектами. Между сферой объективного и сферой субъективного образуются социальные пустоты. Различным действующим способам социальной и культурной интеграции следует противопоставить идею субъекта, который порвал с законом социальной полезности и логикой социальных аппаратов. Субъект определяется отношением индивида к самому себе, а не соотношением с какой-либо сущностью или сообществом.

“Общество”, как и сам разум, было “деистическим выражением” старого религиозного духа, новой формой союза между человеком и вселенной. Этот союз уже не может существовать, и данное обстоятельство заставляет нас войти в “полный модерн”. Мораль уже не может быть связана с конформизмом, она должна призывать

³⁴ *Touraine A.* Op. cit. P. 273.

каждого брать на себя ответственность за свою жизнь, отстаивать свободу, далекую, как полагает А. Турен, от индивидуализма, который в действительности открыт для различных форм социального детерминизма.

Социальный субъект должен предстать как организатор своей среды, которая в настоящее время уже не регулируется ценностями, нормами или даже конвенциями. Такой подход оживляет традицию критической социологии. Параллельно социология модернизации должна стать социологией действия, противопоставляющей ценности свободы и ответственности ценностям системы. Наконец, социология действия должна стать социологией субъекта, в полной мере освободившись от историцистских примесей.

А. Турен подчеркивает, что отстаивает модерн, поскольку утверждает, что социальная жизнь конструируется посредством битв и переговоров, организуемых вокруг воплощения различных культурных ориентаций, которые в своей совокупности можно назвать историчностью. Сегодня в пост-индустриальном обществе, которое А. Турен называет “программируемым”, борьба разворачивается не вокруг социального использования техники, это борьба вокруг производства и массового распространения социальных представлений, информации. Это означает заполнение пустоты, образовавшейся между экономикой и культурой.

Субъект полагает себя через противопоставление логике системы. Субъект и система не представляют собой отдельные универсумы, это “антагонистические социальные движения” социальных и политических субъектов. Вообще общество — это “поле конфликтов, переговоров и посредничеств между рационализацией и субъективацией, представляющих собой две дополнительные и противоположные стороны модерна”³⁵. Люди сами творят свою историю, но делают это через конфликты и с опорой на культурные ориентации.

Социальные субъекты уже не определяются только своим социальным положением, как это было в классовом обществе. Их следует понимать как “социальные движения”. Один может говорить о стратегии, об адаптации к изменениям и требованиям рынка, а другой будет говорить о субъекте, о свободе, о желании индивида быть субъектом. Эти люди противостоят друг другу, но они едины в том, что устремлены к творческому движению и потому — к “*гипермодерну*”. Общество как на мировом уровне, так и на уровне каждой из индустриальных стран являет противоположные тенденции — как к конструированию “новой системы исторического

³⁵ Touraine A. Op. cit. P. 412.

действия”, так и к разрушению, проявляющемуся в дуализме экономики и культуры. Наблюдается напряжение между экономистским и культуралистским видением, фиксирует А. Турен. Первое возвращается к идее гомо экономикус, а второе отвергает модерн и ищет прибежище в каком-то мифическом прошлом. В то же время в этих двух позициях следует видеть фрагменты нового этапа модерна.

Как считает А. Турен, в оценках и действиях следует исходить из того, что период двух последних столетий представляет собой “ограниченный модерн”. Если модерн – это представление о том, что общество есть продукт нашей деятельности, то модерн до сих пор был таковым лишь отчасти. Этот модерн не порвал до конца связь, которая привязывает общество к порядку мира. Он верил в историю, как другие до модерна верили в творенье Божье или в миф о создании общества. Наряду с этим модерн искал основание добра и зла в полезности или вредности действия для общества. Таким образом человечество, освобожденное от подчинения закону универсума или Бога, оставалось в подчинении у закона Истории, Разума или Общества. “Сеть соответствий между человеком и универсумом не была разрушена, – утверждает А. Турен. – Такой полумодерн все еще мечтал создать некий естественный мир как рациональный мир”³⁶. В конце XX в. модерн исчез, он сводится к некоему “ускоренному авангардизму”, превращающемуся в *дезорientированный постмодерн*. Из такого кризиса рождается – наряду с играми постмодерна и ужасами тоталитарного мира – более *полный модерн*, в который мы входим.

Сегодня общество модерна оказывается перед следующим выбором. Оно может полностью подчиниться логике инструментального действия и требований рынка, довести секуляризацию до полного подавления всякого представления о Субъекте, ограничиться сочетанием инструментальной рациональности и массового потребления с памятью о традициях и с сексуальностью, освобожденной от социальных норм. Другой путь состоит в сочетании рационализации и субъективации, эффективности и свободы. Этот второй путь следует в равной мере отделять от крайнего утилитаризма и от навязчивого поиска идентичности. Разум не сводится ни к интересу, ни к рынку, а Субъект не сводится к общине, коллективному “Мы”.

В статье были рассмотрены основные базовые механизмы оформления и реализации процесса индивидуализации как важнейшего компонента общей истории модерна. Эти механизмы

³⁶ Touraine A. Op. cit. P. 421.

продолжают действовать и сегодня. С ними связано не только прошлое, настоящее, но и будущее модерна. Нам представляется, что исследование актуального и будущего состояния модерна в перспективе индивидуализации должно быть связано с углубленным изучением этих механизмов. Сама судьба процесса индивидуализации как важнейшего компонента модерна будет, на наш взгляд, определяться теми формами, в которых будут реализовываться эти механизмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.
- Вебер М.* История хозяйства. Прага, 1923.
- Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
- Вебер М.* Избранное. Образ общества. М., 1994.
- Добренков В.И., Осипова Н.Г.* История западной социологии (20–60-е гг. XX в.). М., 2012.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990.
- Зиммель Г.* Избранное. Т. 1. Философия культуры. М., 1996 (а).
- Зиммель Г.* Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996 (б).
- Кимелев Ю.А.* “Субъект” и “субъективность” в современной западной социальной философии. М., 2006.
- Кимелев Ю.А.* Методология социальных наук. М., 2011.
- Кимелев Ю.А.* Философия социальных наук. М., 2013.
- Кимелев Ю.А.* Философия и социологическая теория. Сферы взаимодействия. М., 2016.
- Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л.* Социологические теории модерна, радикализованного модерна и постмодерна. М., 1996.
- Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л.* Философия социальных наук // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 1. С. 20–46.
- Полякова Н.Л.* Теория общества Макса Вебера // История социологии XIX – середины XX века. М., 2004. С. 368–401 (а).
- Полякова Н.Л.* XX век в социологических теориях общества. М., 2004 (б).
- Полякова Н.Л.* Социологическая теория Георга Зиммеля // История социологии (XIX – середина XX века). М., 2004. С. 309–339 (в).
- Турен А.* Возвращение человека действующего: очерк социологии. М., 1998.
- Фуко М.* Интеллектуалы и власть. Ч. 1. М., 2002.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 2015.
- Хоркхаймер М.* Затмение разума: к критике инструментального разума. М., 2011.
- Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб., 1997.
- Элиас Н.* Общество индивидов. М., 2001 (а).

Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах запада. М.; СПб., 2001 (б).

Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб., 2001 (в).

Яцино М. Культура индивидуализма. X., 2012.

REFERENCES

Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [Individualized society]. М., 2002 (in Russian).

Bedos-Rezak B., Logna-Prat D. (dir). L'individu au Moyen Âge. P., 2005.

Dobren'kov V.I., Osipova N.G. Istoriya zapadnoj sociologii (20–60-e gg. XIX v.) [The history of Western sociology (20–60-s of XX century)]. М., 2012 (in Russian).

Donaggio E. Individuo e società // Storia della filosofia occidentale. Vol. 6. Bologna, 2015. P. 165–194.

Dyurkgejm E.H. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii [On the division of social labor. Method of sociology]. М., 1990 (in Russian).

Ehlias N. Obshchestvo individov [Society of Individuals]. М., 2001 (a) (in Russian).

Ehlias N. O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovaniya. T. 1. Izmeneniya v povedenii vysshego sloya miryan v stranah zapada [About the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic studies. T. 1. Changes in the behavior of the upper strata of the laity in the countries of the west]. М.; СПб., 2001 (b) (in Russian).

Ehlias N. O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovaniya. T. 2. Izmeneniya v obshchestve. Proekt teorii civilizacii [About the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic studies. T. 2. Changes in the society. The project of the theory of civilization]. М.; СПб., 2001 (c) (in Russian).

Foucault M. L'hermeneutique du sujet. P., 2001.

Fuko M. Intellekтуалы i vlast'. CH. 1 [Intellectuals and Power. Part 1]. М., 2002 (in Russian).

Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tyur'my [Supervise and punish: the birth of a prison]. М., 2015 (in Russian).

Habermas J. Theorie des Kommunikativen Handelns. Frankfurt a/M., 1985. Bd. 1. Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung (a).

Habermas J. Theorie des Kommunikative Handelns. Frankfurt a/M., 1985. Bd. 2. Zur Kritik der funktionalischen Vernunft (b).

Horkkhajmer M. Zatmenie razuma: k kritike instrumental'nogo razuma [Eclipse of reason: to criticism of instrumental reason]. М., 2011 (in Russian).

Horkkhajmer M., Adorno T. Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragment [Dialectics of Enlightenment. Philosophical fragments]. М.; СПб., 1997 (in Russian).

Kimelev Yu.A. "Sub'ekt" i "sub'ektivnost'" v sovremennoj zapadnoj social'noj filosofii ["Subject" and "subjectivity" in modern Western social philosophy]. М., 2006 (in Russian).

- Kimelev Yu.A.* Metodologiya social'nyh nauk [Methodology of social sciences]. M., 2011 (in Russian).
- Kimelev Yu.A.* Filosofiya social'nyh nauk [Philosophy of Social Sciences]. M., 2013 (in Russian).
- Kimelev Yu.A.* Filosofiya i sociologicheskaya teoriya. Sfery vzaimodeystviya [Philosophy and sociological theory. Spheres of interaction]. M., 2016 (in Russian).
- Kimelev Yu.A., Polyakova N.L.* Sociologicheskie teorii moderna, radikalizirovannogo moderna i postmoderna [Sociological theories of modernity, radical modernity and postmodernity]. M., 1996 (in Russian).
- Kimelev Yu.A., Polyakova N.L.* Filosofiya social'nyh nauk [Philosophy of Social Sciences] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science]. 2014. N 1. S. 20–46 (in Russian).
- L'individu aujourd'hui / Sous la direction de Ph. Corcuff, Chr. Le Barth, F. De Singly. Rennes, 2010.
- Polyakova N.L.* Teoriya obshchestva Maksa Vebera [Theory of Max Weber's Society] // Istoriya sociologii XIX – serediny XX veka [History of Sociology of the XIX – the middle of the XX century]. M., 2004. S. 368–401 (a) (in Russian).
- Polyakova N.L.* XX vek v sociologicheskikh teoriyakh obshchestva [XX century in the sociological theories of society]. M., 2004 (b) (in Russian).
- Polyakova N.L.* Sociologicheskaya teoriya Georga Zimmelya [Sociological theory of Georg Simmel] // Istoriya sociologii (XIX – seredina XX veka) [History of sociology (XIX – middle of XX century)]. M., 2004. S. 309–339 (c) (in Russian).
- Searle J.R.* Making the social world. N.Y., 2010.
- Simmel G.* Soziologie. Frankfurt a/M., 1992.
- Toffler A.* The third wave. N.Y., 1980.
- Touraine A.* Critique de la modernité. P., 1992.
- Turen A.* Vozvrashchenie cheloveka dejstvuyushchego: ocherk sociologii [Return of the person acting: essay of sociology]. M., 1998 (in Russian).
- Veber M.* Istoriya hozyajstva [History of the economy]. Praga, 1923 (in Russian).
- Veber M.* Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. M., 1990 (in Russian).
- Veber M.* Izbrannoe. Obraz obshchestva [Selected. The image of society]. M., 1994 (in Russian).
- Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1972.
- Yacino M.* Kul'tura individualizma [Culture of individualism]. H., 2012 (in Russian).
- Zimmel' G.* Izbrannoe. T. 1. Filosofiya kul'tury [Selected. 1. Philosophy of Culture]. M., 1996 (a) (in Russian).
- Zimmel' G.* Izbrannoe. T. 2. Sozercanie zhizni [Selected. T. 2. Contemplation of life]. M., 1996 (b) (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-2-30-47

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: ТРИ КОНЦЕПЦИИ

Е.М. Сорокина, соискатель кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

В данной статье рассматриваются современные концепции социальной стратификации и социальной мобильности в КНР. Анализируются подходы современных китайских социологов Лу Сюэи, Ли Цяна и Гу Хуэй, которые принадлежат к разным поколениям ученых. Каждый из них выдвигает свою уникальную концепцию, опираясь на большое количество статистических данных и социологических подходов.

В ходе рассуждений Лу Сюэи, Ли Цян и Гу Хуэй рассматривают различные социальные проблемы, которые возникают в результате изменений процессов социальной мобильности и реформирования социальной структуры, вызывающих недовольство части населения. Современное китайское общество отнюдь нельзя назвать стабильным. Одной из основных проблем Лу Сюэи называет отставание социального развития от экономического развития, что порождает социальные кризисы. Ли Цян анализирует барьеры, препятствующие вертикальной мобильности, среди которых выделяет систему регистрации по месту жительства, неравный доступ к образованию и рабочим местам. Гу Хуэй в своих исследованиях обращает внимание на то, что китайская модель стратификации и социальной мобильности становится все более закрытой, подчеркивается важность семейного происхождения, увеличивается закрытость перехода между социальными классами, особенно переход в высший класс.

Независимо друг от друга вышеназванные ученые приходят к мнению, что со времени проведения политики реформ (1978) коэффициент социальной мобильности в Китае возрос, увеличились и возможности для осуществления мобильности, однако перемещение по каналам социальной мобильности не всегда является беспрепятственным, появляется феномен закрепления социальной структуры современного общества.

Ключевые слова: Китай, социальная стратификация, социальная мобильность, современное китайское общество, социальная структура, модернизация общества, Лу Сюэи, Ли Цян, Гу Хуэй.

* Сорокина Екатерина Михайловна, e-mail: ekaterinamsorokina@yandex.ru

THE STUDY OF SOCIAL STRATIFICATION AND SOCIAL MOBILITY IN MODERN CHINESE SOCIOLOGY: THREE CONCEPTS

Sorokina Ekaterina M., post-graduate student of Department of history and theory of sociology of Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiy Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ekaterinamsorokina@yandex.ru

This article examines modern concepts of social stratification and social mobility in China. The approaches of modern Chinese sociologists Lu Xueyi, Li Qiang and Gu Hui, who belong to different generations of scientists, are analyzed. Each of them puts forward his unique concept, relying on a large number of statistical data and sociological approaches.

In the course of reasoning, Lu Xueyi, Li Qiang and Gu Hui are examining various social problems that arise as a result of changes in the processes of social mobility and the reform of the social structure that cause dissatisfaction among part of the population. Modern Chinese society can not be called stable. One of the main problems of Lu Xueyi calls the lag of social development from economic development, which generates social crises. Li Qiang analyzes the barriers to vertical mobility, among which is the registration system for the place of residence, unequal access to education and jobs. Gu Hui in his studies draws attention to the fact that the Chinese model of stratification and social mobility is becoming increasingly closed, emphasizes the importance of family origin, increases the closure of the transition between social classes, especially the transition to the upper class.

Independently from each other, the aforementioned scholars come to the conclusion that since the reform policy (1978) the coefficient of social mobility in China has increased, and the opportunities for mobility have also increased, however, moving along social mobility channels is not always unhindered, the phenomenon of securing the social structure of modern society occurs.

Key words: *China, social stratification, social mobility, modern Chinese society, social structure, modernization of society, Lu Xueyi, Li Qiang, Gu Hui.*

Китайская Народная Республика с конца XX в. переживает масштабные преобразования в экономической, социальной и культурной сферах. Китай неизменно изменился после 1978 г. — отправной точки современных реформ. Такие изменения, как стремительное развитие экономики, урбанизация и превращение китайцев в нацию главным образом горожан, бурный прогресс отрасли высокоскоростных железных дорог и авиaperевозок и многое другое, находятся в центре внимания исследователей со всего мира, поскольку Китай превратился в одну из сверхдержав современного мира. Внимание китайских же исследователей направлено, помимо названного, и на реформирование общественной системы, политический курс, изменение отношений между социальными груп-

пами. Адекватный социологический анализ является непременным условием осуществления успешных реформ в современном Китае.

Особую роль при изучении современного китайского общества играют концепции социальной стратификации и социальной мобильности, поскольку высокая динамика современного китайского общества обуславливает постоянные перемещения индивидов, групп индивидуумов, целых страт в социальном пространстве современного Китая. В настоящей статье мы хотим обратиться к анализу концепций, принадлежащих трем видным представителям современной китайской социологии.

Исследование Лу Сюэи

Наиболее известным исследователем социальной мобильности современного китайского общества является Лу Сюэи (кит. 陆学艺, 1933–2013), уроженец г. Уси провинции Чжэцзян. Лу Сюэи окончил философский факультет Пекинского университета, обучался в аспирантуре Института философии Китайской академии наук. С 1985 г. Лу Сюэи являлся заместителем директора Института развития деревни Китайской академии общественных наук (КАОН), в 1988–1998 гг. возглавлял КАОН, с 1993 г. участвовал во Всекитайском собрании народных представителей восьмого и девятого созывов. Лу Сюэи – соавтор более сорока книг и автор более сорока статей, самыми значимыми из которых считаются “Социальная трансформация современной деревни” (1993), “Социальная мобильность в современном Китае” (2004), “Отчет о социальном развитии КНР” (2007).

Лу Сюэи является создателем оригинального подхода к изучению современного китайского общества. Концепция Лу Сюэи нацелена на поиск реальных проблем и подходов к их эффективному разрешению. Лу Сюэи, помимо прочего, занимался исследованиями, посвященными изучению проблем деревень и крестьянства¹; интерес представляют его разработки в области социального неравенства. Необходимо отметить, что концепция Лу Сюэи вобрала в себя марксистские импульсы, хотя по своим идейным истокам она является довольно противоречивой. Лу Сюэи опирается на работы К. Маркса и перенимает у него многие взгляды, которые можно соотнести с проблемами современного китайского общества. Например, в статье “Марксистская теория кооперации и система от-

¹ До 2010 г. Китай являлся аграрной страной. В 2011 г. доля городского населения впервые в истории КНР превысила долю сельского населения.

ветственности подряда за производство”² (1984) Лу Сюэи рассматривает возникновение производственных отношений в деревне в связи с земельной реформой, проведенной сразу после образования КНР.

В своих работах Лу Сюэи поднимает вопрос о значении теоретического и практического изучения социальной мобильности. По мнению Лу Сюэи, существующая социальная структура Китая не является справедливой, открытой и рациональной, она не согласуется с процессом современной социалистической модернизации, в ней присутствуют факторы, порождающие социальный кризис. Самым главным противоречием, существующим в КНР, Лу Сюэи считает отставание социального развития от экономического. Общество и экономика развиваются рассогласованно, негармонично, как подчеркивают многие китайские ученые, из-за чего возникают различные социальные проблемы. Среди серьезных социальных проблем стоит назвать ослабление общественного порядка, стабильно высокий уровень преступности, коррупцию, которую не удастся устранить никакими мерами, высокий уровень миграции населения, что приводит к взрывному росту населения городов за счет притока переселенцев из малых городов, а это в свою очередь приводит к массе социальных проблем, асоциальному образу жизни внутренних мигрантов, “праздности и расточительству”³, т.е. к ориентации части населения на нетрудовой и потребительский образ жизни, к распространению азартных игр и наркомании.

Лу Сюэи констатирует, что работа в сфере общественного управления и социального развития в КНР была начата слишком поздно. Анализируя международный опыт, Лу Сюэи утверждает, что общественное развитие должно идти в ногу с экономическим, так как в таком случае оно может стимулировать и дальнейшее экономическое развитие; и наоборот, в случае, когда социальное развитие отстает от экономического, возникает ситуация, когда существует развитие, но нет роста; при таком исходе неизбежно возникновение социальной нестабильности и препятствий на пути роста экономики. В течение более чем 20 лет блестящие успехи китайской экономики вызывали в мире восхищение, повсеместно улучшились условия и повысился уровень жизни населения, однако в сфере общественного развития осталось еще достаточно проблем, вызывающих недовольство части населения, и китайский социум отнюдь нельзя назвать стабильным. В условиях существования подобной

² *Lu Xueyi*. *Makesi zhuyide hezuo lilun he lianchan chengbao zerenzhi*: [The Marxist theory of cooperation and the system of responsibility for production]. Beijing, 1984.

³ *Lu Xueyi*. *Yanjiu shehui liudongde yiyi*: [The importance of studying social mobility]. Beijing, 2004.

структуры общества экономическая модернизация, по мнению Лу Сюэи, непременно столкнется с трудностями, и даже если общество будет быстро развиваться, все равно его структура останется настолько нестабильной и непрочной, что сохранится угроза регресса. Поэтому дисбаланс в развитии экономики и социума требует пристального внимания.

Относительно социальной структуры в статье “Исторические трансформации социальной структуры КНР” (2006)⁴ Лу Сюэи проводит анализ переписей населения КНР. Он констатирует, что на момент образования КНР (1949) Китай являлся аграрной страной с сельским населением, составлявшим 89,4%, на момент начала проведения политики реформ и открытости (1978) удельный вес доли занятых в сельском хозяйстве – 70,5%, во втором секторе экономики – 17,3%, в третьем секторе – 12,2%. На момент исследования (2004) доля занятых в первом, втором и третьем секторах экономики составляла 46,9, 22,5, 30,6% соответственно, что означает, что к 2004 г. доля занятых в сельском хозяйстве стала составлять меньше половины экономически активного населения.

В настоящее время в КНР формируется современная социальная структура, для которой характерно то, что доля среднего класса является незначительной, а доля бедных, включая обитателей социального дна, велика. При оптимизации социальной структуры усилия общества должны быть нацелены на увеличение среднего класса и сокращение разрыва между богатыми и бедными. В данном контексте Лу Сюэи ввел в оборот новый социологический термин – “оливковидная структура общества” (кит. 橄榄形社会结构)⁵, в которой средний класс должен стать основой общества. Лу Сюэи описывает такую структуру как “незначительную сверху и снизу и массивную посередине”.

Попутно отметим, что концепция социальной мобильности Лу Сюэи, испытала влияние концепции не только К. Маркса, но и П.А. Сорокина и Т. Парсонса, хотя имена этих ученых в работах Лу Сюэи не упоминаются. В статье “Решение главного социально-экономического противоречия” (2007)⁶ Лу Сюэи отмечает, что основная причина несоответствия социальной структуры модернизированному обществу состоит в том, что функционирование каналов социальной мобильности не является безупречным. Сохра-

⁴ Lu Xueyi. Woguo shehui jiegoude lishixing bianhua: [Historical transformations of the social structure of China]. Beijing, 2006.

⁵ Lu Xueyi. Dangdai Zhongguo shehui jiegou: [The modern social structure of China]. Beijing, 2010.

⁶ Lu Xueyi. Jiejue jingji shehui fazhan bu xietiaode zhuyao maodun: [The solution of the main socio-economic contradiction]. Beijing, 2007.

нившиеся со времен дореформенного периода (до 1978 г.) социальные барьеры плановой экономики по-прежнему мешают населению осуществлять восхождение по социальной лестнице. Современная система социальной мобильности демонстрирует двойственность сосуществования двух механизмов социальной мобильности, нередко противоречащих друг другу. Один из них связан с социализмом, второй возник в последние десятилетия и связан с рыночными механизмами. По мнению Лу Сюэи, оба эти механизма не согласуются с развитием современного китайского общества, а справедливый и разумный механизм социальной мобильности по-прежнему не сформирован.

В работе “Теория и практика общественного строительства” (2008)⁷ Лу Сюэи рассматривает этапы социальной мобильности, утверждая, что если первые 30 лет с момента образования КНР характеризуются тягостными поисками в строительстве основ государственного строя, а последующие 30 лет являются успешной практикой экономического строительства, то реализация “общественного строительства” (кит. 社会建设), стимулирование развития гармоничного общества становятся главным направлением развития Китая в последующие 30 лет.

Целью “общественного строительства” в Китае, как утверждает Лу Сюэи, является модернизация общества, основанная на стремлении человечества к идеалу. Идеальное общество, по мнению Лу Сюэи, – это “общество гармонии”, в котором будут свободно функционировать каналы социальной мобильности и разрешаться социальные противоречия.

В работе “Общественное строительство в современном Китае” (2013)⁸ он выдвигает проект социальных преобразований. Лу Сюэи разделил реализацию проекта “общественное строительство” на три этапа. Первый этап – охрана и улучшение материального состояния народа. Наиболее реалистичными и насущными требованиями на данном этапе будут улучшение социального строительства, решение проблем трудовой занятости, школьного образования, медицинского обслуживания, социального обеспечения, жилищных проблем, пенсионных проблем и других социальных вопросов. Начиная с укрепления инновационного социального управления, постепенно будут решаться проблемы, влияющие на социальную гармонию и стабильность, разрешаться социальные противоречия в обществе, что будет способствовать укоренению социальной

⁷ *Lu Xueyi*. Guanyu shehui jianshede lilun yu shijian: [Theory and practice of social construction]. Beijing, 2008.

⁸ *Lu Xueyi*. Dangdai Zhongguo shehui jianshe: [Social building in modern China]. Beijing, 2013.

справедливости. Второй этап приходится на конец двенадцатой пятилетки (2011–2015). Необходимой мерой второго этапа является стимулирование структурной социальной реформы, создание новой политики в социальной области, более совершенного общественного управления. На этом этапе поощряется урбанизация нового типа, начинает преодолевать противопоставление дуалистической структуры города и деревни, интенсифицируются связи между ними. Должны быть расширены каналы социальной мобильности, средний класс должен набрать силу и масштабы. В результате будет построена рациональная, открытая, толерантная социальная структура, скоординированная с экономической структурой. Другими словами, двенадцатая и тринадцатая (2016–2020) пятилетки – это критический период реформирования социальной системы и общественного строительства. Третий этап начнется после 2020 г. и будет посвящен совершенствованию структурной реформы и укреплению системы общественного управления. В этот период уже будут свободно действовать каналы социальной мобильности, расширится спектр общественных организаций, будет оптимизирована социальная структура. Сформированная структура будет соответствовать системе социалистической рыночной экономики, гармонично сочетаясь с экономической структурой, что создаст хорошую социальную почву для комплексного, устойчивого, согласованного развития науки.

Необходимо отметить, что для Лу Сюэи общественное строительство является практическим действием – реализацией конкретных задач по модернизации общества. Лу Сюэи разработал комплексный план по реализации реформирования общества, включающий в себя девять направлений.

Исследование Ли Цяна

Видный китайский исследователь социальной мобильности и стратификации Ли Цян (кит. 李强, род. 1950) родился в Пекине, работал десять лет в строительных войсках китайской армии, после чего поступил в Народный университет (кит. 中国人民大学, г. Пекин, КНР), где получил степень бакалавра, а затем магистра. В 1985–1999 гг. Ли Цян работал в Народном университете Китая, постепенно поднимаясь по карьерной лестнице. Занимал должность декана факультета социологии. В 1990-е гг. Ли Цян повышал квалификацию в западных университетах – в Великобритании (Бристольский университет) и США (Мичиганский университет), читал курсы лекций в нескольких американских, британских и японских университетах, в том числе в Гарвардском университете, Йельском

университете, Университете Уэльса, Университете Рицумейкан и др. С 1999 г. работает в Университете Цинхуа (кит. 清华大学, г. Пекин, КНР), с 2013 г. занимает должность директора Института социологии Университета Цинхуа. Главными областями исследований Ли Цяна являются социальная стратификация, социальная мобильность, урбанизация. Ли Цян – автор более тридцати книг и более двухсот статей по социологии. Среди его главных трудов можно выделить монографии “Социальная мобильность и социальная стратификация в современном китайском обществе” (1993), “Социальная стратификация и разрыв между богатыми и бедными” (2000), “Рабочие-мигранты из деревни и социальная стратификация” (2012).

Ли Цян является приверженцем системно-функционального подхода. В работе “Социальные изменения в китайском обществе за последние тридцать лет” он подробно излагает принципы своей исследовательской деятельности. Он считает, что “поскольку общество представляет собой комплексную систему, то социальные трансформации также являются отражением общественной целостности, поэтому в ходе реформирования общества необходимо уделять внимание изменениям всеобщего характера”⁹. В своих работах Ли Цян нередко обращается к творчеству Э. Гидденса, сравнивая социальную стратификацию современного китайского общества с тем, что описывает Э. Гидденс в своих произведениях, и находит много общего.

Ли Цян также считает, что социологи должны уделять внимание групповому составу общества, рассматривать общество как совокупность групп, разделенных по классовому, возрастному, половому, доходному критериям. Кроме того, по мнению Ли Цяна, необходимо исследовать изменение интересов и социального статуса различных групп. Так, в книге “Социальная стратификация и разрыв между богатыми и бедными” (2000) Ли Цян призывает рассматривать китайское общество с точки зрения трех основных групп: сельские жители, городские жители и мигранты из деревень, живущие в городах¹⁰.

В монографии “Социальная мобильность и социальная стратификация в современном китайском обществе” (1993)¹¹ Ли Цян описывает структуру китайского общества и раскрывает его основ-

⁹ *Li Qiang*. Zhongguo shehui bianqian 30 nian (1978–2008): [Social changes in Chinese society in the last thirty years]. Beijing, 2008.

¹⁰ *Li Qiang*. Shehui fengceng yu pinfu chabie: [Social stratification and the gap between rich and poor]. Xiamen, 2000.

¹¹ *Li Qiang*. Dangdai Zhongguo shehui fengceng yu liudong: [Social mobility and social stratification in modern Chinese society]. Beijing, 1993.

ные противоречия. Со времен аграрного общества в Китае крестьяне были главной опорой общества, доля крестьянского населения составляла более 90%, поэтому с точки зрения социальной структуры традиционное китайское общество всегда представляло собой “пирамиду”. Крайне малое количество людей принадлежало к верхушке общества – сословию служивших императору, а многочисленное крестьянское население представляло собой общественные низы, поэтому все проблемы, возникавшие в социальной структуре, являлись результатом противоречий между верхними и нижними слоями.

С 1980-х гг. в Китае быстрыми темпами развивается индустриализация, и в настоящее время доля населения, реально занимающегося сельским хозяйством (земледелием, лесоводством, животноводством и рыболовством), составляет примерно 40%, что отражает значительное снижение этого показателя в сравнении с данными предыдущих периодов. Следовательно, возрастает доля среднего класса. В статье “Существует ли средний класс в китайском обществе?” (2001)¹² Ли Цян утверждает, что с точки зрения структуры в китайском обществе никогда не было условий для формирования среднего класса и никогда средний класс не был основой для ромбовидной структуры общества. Однако на данный момент в крупных городах количество “белых воротничков” увеличивается очень быстро: например, в Пекине и Шанхае даже наблюдается феномен превышения профессиональной группы “белых воротничков” над “синими”.

Интересными являются рассуждения Ли Цяна о составе среднего класса КНР, представленные в статье “Новые тенденции в изменении социальной стратификации КНР” (2004)¹³. По мнению Ли Цяна, средний класс КНР состоит из четырех групп. Первая группа – интеллектуальная элита, которая состоит из государственных чиновников и руководителей предприятий (их доля составляет 1,67%) и из профессионально-технических работников, доля которых составляет 5,7%. Вторая группа – “новый средний класс”, под которым Ли Цян подразумевает относительно молодых людей, обладающих знаниями в новых сферах, в том числе обладающих компьютерной грамотностью и знанием иностранных языков, и в основном работающих в транснациональных компаниях. Доля “нового среднего класса” составляет примерно 1–2% (по данному вопросу нет актуальных исследований). К третьей группе

¹² *Li Qiang*. Zhongguo you meiyou zhongjian jieceng huo zhongchan jieji: [Is there a middle class in Chinese society?]. Quanzhou, 2001.

¹³ *Li Qiang*. Dangqian woguo shehui fenceng jigou bianhuade xin qushi: [New trends in changing the social stratification of China]. Nanjing, 2004.

относятся сотрудники успешных государственных или полугосударственных предприятий, их доля составляет 3–4%. Четвертая группа состоит из владельцев собственных предприятий в сельской или городской местности. Доля этой группы составляет 5–6%. Таким образом, доля всего среднего класса в структуре китайского общества на данный момент составляет менее 15%.

В статье “Научный подход к реформированию процесса социальной мобильности” Ли Цян описывает тенденции, которые происходили в китайском обществе на протяжении последних десятилетий. Первичный сектор экономики, по мнению Ли Цяна, стремительно преобразуется во второй, а второй сектор экономики переходит в третий. В процессе современной социальной мобильности сельские работники в большинстве своем становятся работниками промышленных предприятий, а городские фабричные и заводские рабочие, получая должности технических специалистов, управляющих, продавцов, офисных служащих и т.д., постепенно занимают места в рядах “белых воротничков”. С точки зрения развития общества социальная мобильность в современном китайском обществе находится на довольно высоком уровне, поскольку у большинства социальных групп есть возможности для осуществления вертикальной восходящей мобильности¹⁴. Ли Цян констатирует, что коэффициент перемещения людей в обществе в современном Китае можно назвать относительно высоким. По подсчетам, социальный поток между двумя поколениями родителей и детей в современном Китае приближается к аналогичному показателю в США, который на международном уровне считается относительно высоким.

Для вертикальной мобильности наиболее типичным является перемещение населения в различных районах, в котором наибольшую долю составляет приток рабочих-мигрантов из сельской местности в города. Важным показателем горизонтальной мобильности является перемещение групп “белых воротничков” между городами. По подсчетам, сегодня общее количество мигрантов в Китае равно по меньшей мере 150 миллионам человек, среди которых большую часть занимают мигранты, переселяющиеся из одной провинции в другую. По мнению Ли Цяна, для того чтобы построить гармоничное общество, необходимо надлежащим образом разрешить большинство социальных противоречий и социальных проблем, принесенных огромным миграционным потоком.

¹⁴ *Li Qiang*. Shixian kexue youxude shehui liudong: [The scientific approach to reforming the process of social mobility]. URL: <http://news.sina.com.cn/o/2004-11-30/05074385027s.shtml>

В период трансформации общества из традиционного в современное увеличилось количество социальной мобильности, большое количество людей получило возможность подняться по социальной лестнице. В статье “Возможности восходящей вертикальной мобильности для каждого человека” (2013)¹⁵ Ли Цян сравнивает данные трех переписей населения в Китае (1990, 2000, 2010). Применяя метод расчета Международного социально-экономического индекса (ISEI), автор исследует тенденцию снижения количества и доли групп людей, относящихся к социальной группе с низким показателем индекса, и тенденцию повышения количества и доли групп людей, относящихся к социальной группе со средним показателем индекса. Соответственно, с точки зрения макроперспектив, изменения в структуре китайского общества действительно отражают факт роста возможностей восходящей вертикальной мобильности. Поэтому можно констатировать, что одно из крупнейших изменений, произошедших за тридцать лет политики реформ и открытости, – колоссальное увеличение возможностей для развития.

Говоря о факторах, влияющих на восходящую вертикальную мобильность, Ли Цян разделяет их на личностные факторы и факторы социальной структуры. Личностные факторы делятся на три категории. Во-первых, это “фактор лично заработанных наград”, например, поступление в вуз благодаря своим стараниям, победа в крупных соревнованиях благодаря упорным тренировкам, старательная работа, усердное управление предприятием и т.д. В данном случае человек добивается чего-либо благодаря своему упорству и победе в честной конкуренции. Во-вторых, личные особенности человека, к которым относятся пол, возраст, рост, цвет кожи, внешний облик, IQ, физическая сила и прочие характеристики человека, которые не имеют прямой связи с усердием людей. Такие природные данные невозможно изменить. В-третьих, кровные узы и кровное родство. Данная категория отражает генеалогические наследственные связи. Возможности восходящей вертикальной мобильности в данном случае связаны с получением наследства или семейными связями на основе кровных уз. Ли Цян отмечает, что в современном обществе возможности восходящей мобильности, приобретенные лишь благодаря кровным узам, вызывают негодование общества, и наоборот, возможности, приобретенные благодаря упорству или таланту, вызывают восхищение и стимулируются.

К факторам социальной структуры, влияющим на восходящую вертикальную мобильность, Ли Цян относит общественные связи,

¹⁵ *Li Qiang*. Gei mei yige ren shangsheng liudongde jihui: [The possibility of upward vertical mobility for each person]. Beijing, 2013.

социальные принципы, социальные нормы, привычки, социальную систему и т.д. Он замечает, что несмотря на то, что успех каждого человека зависит от личностных факторов, сила социальной структуры на макроуровне также велика и на пути личностной борьбы нельзя пренебрегать сдерживающей силой общества. Важно понять, каким образом создать такого рода социальные принципы, социальные нормы, социальный механизм, социальную систему, которые позволили бы каждому человеку в обществе принять участие в разделении возможностей, и важно понять, каким образом можно добиться справедливости при решении данного вопроса.

Решение вопроса о равномерном совместном пользовании общественными ресурсами Ли Цян видит в создании “конкурентных платформ распределения ресурсов” (кит. 竞争型资源共享平台)¹⁶. Такого рода платформы обеспечивают механизм конкуренции, благодаря которому, только приняв участие в борьбе, можно добиться успеха. В качестве примера Ли Цян приводит экзаменационную систему удостоверения различного рода профессиональных навыков: квалификационные экзамены на получение статуса юриста, технического специалиста, государственного служащего, бухгалтера и т.д. Такого рода удостоверения профессиональных навыков, по мнению Ли Цяна, предоставляют всем возможности для трудоустройства и карьерного роста. Это путь достижения успеха в честной конкуренции. Необходимо создавать больше “конкурентных платформ”, расширять каналы проникновения людей на данные платформы, чтобы еще большему количеству участников, принадлежащих к разным социальным классам и разным социальным группам, предоставить возможности проникновения на платформу, а также ликвидировать барьеры для участия людей в системе конкуренции.

Барьерам, препятствующим вертикальной мобильности, Ли Цян посвящает несколько статей¹⁷. Одним из основных барьеров он считает систему регистрации по месту жительства. На настоящий момент наблюдается дискриминация граждан по данному признаку. По мнению Ли Цяна, нужно добиваться равноправия в данной

¹⁶ *Li Qiang*. Shehui fenceng yu shehui kongjian lingyude gongping, gongzheng: [Justice in the field of social stratification and social space]. Beijing, 2012.

¹⁷ *Li Qiang*. Ruhe shuli gongping helide zeye daoxiang: [How to make employment rational]. Beijing, 2010; *Li Qiang*. Chuangzao tiaojian shi gengduo ren shixian shangsheng liudong: [To increase the mobility of the population, it is necessary to create conditions for more people]. Beijing, 2010; *Li Qiang*. Chengshiqun beijingxia shehui fengxian zonghe fenxi kuangjia chutan: [Analysis of social risk in urban agglomerations]. Guangzhou, 2012.

сфере: независимо от того, какой пропиской обладает человек, ему должны быть предоставлены равные возможности в получении образования, равные социальные блага, социальное обеспечение и прочие общественные ресурсы.

Следующим барьером Ли Цян считает неравный доступ к образованию. Коэффициент доходности образования¹⁸ в КНР непрерывно растет. Так, в 1990 г. этот коэффициент составлял 2,43%, в 2003 г. – 9,3%, в 2010 г. данный показатель превысил 10%¹⁹. Однако Ли Цян обращает внимание на то, что систему образования в целом и систему единых государственных экзаменов в КНР необходимо реформировать.

Третьим барьером является неравный доступ к рабочим местам и некоторым профессиям. В статье “Каким образом сделать трудоустройство рациональным”²⁰ Ли Цян выделяет несколько факторов, в связи с которыми доход в разных компаниях может варьироваться: уровень используемой техники, уровень ответственности, уровень прямых и косвенных расходов компании, аренда и др. Однако даже при учете всех вышеуказанных факторов разница доходов не должна превышать среднюю заработную плату по стране в 4–10 раз, как это на данный момент происходит в Китае, поэтому Ли Цян предлагает уменьшить влияние монополий и регулировать отношения в сфере занятости и трудоустройства.

Важным барьером, препятствующим вертикальной мобильности, Ли Цян называет отставание развития социального пространства городской среды²¹. В связи с тем, что уровень урбанизации стал довольно высоким, в китайских городах идет серьезная борьба за социальное пространство. При развитии городской среды Ли Цян считает важным решить следующие вопросы: какое социальное пространство можно считать справедливым, как именно нужно развивать городскую среду, чтобы это могло послужить интересам наибольшего количества жителей, как нивелировать разницу в развитии различных районов городов.

¹⁸ Усредненный показатель, отражающий отношение доходов людей, получавших образование на год дольше, к доходам людей, получавших образование на год меньше.

¹⁹ *Li Qiang*. Chuangzao tiaojian shi gengduo ren shixian shangsheng liudong: [To increase the mobility of the population, it is necessary to create conditions for more people]. Beijing, 2010.

²⁰ *Li Qiang*. Ruhe shuli gongping helide zeye daoxiang: [How to make employment rational]. Beijing, 2010.

²¹ *Li Qiang*. Shehui fenceng yu shehui kongjian lingyude gongping, gongzheng: [Justice in the field of social stratification and social space]. Beijing, 2012.

Исследование Гу Хуэй

Видный представитель молодого поколения социологов и исследователей социальной стратификации и мобильности КНР Гу Хуэй (кит. 顾辉, род. 1979) родился в провинции Аньхой. Он получил степени бакалавра и магистра в Аньхойском университете, в Шанхайском университете получил степень доктора наук. На данный момент является научным сотрудником кафедры социологии и руководителем лаборатории городской социологии Института общественных наук в провинции Аньхой. Автор более 30 статей, специализируется на изучении социальной стратификации, социальной мобильности и общественного неравенства. Гу Хуэй относится к молодому поколению исследователей и представляет совершенно новый взгляд на социальную мобильность в современном китайском обществе.

Особое внимание в своих работах Гу Хуэй уделяет замедлению социальной мобильности и консервации существующей социальной структуры Китая. По мере того как реформы продолжают углубляться, возникает тенденция к ограничению методов распределения социальных ресурсов и изменению социальной структуры. Несмотря на процесс развития рыночной экономики, высокие темпы урбанизации, индустриализации и постиндустриализации, китайская модель стратификации и социальной мобильности становится все более закрытой, подчеркивается важность семейного происхождения, увеличивается закрытость перехода между социальными классами, особенно переход в высший класс, т.е. роль человеческого капитала в сфере образования и на пути к получению социального статуса исчезает. В сфере социальной мобильности главным образом возникают трудности перемещения между социальными слоями, усиливается преемственность поколений, ослабляется вертикальная социальная мобильность, статус каждого человека определяется статусом его семьи, а вся социальная структура в целом закрепляется.

Гу Хуэй выделяет несколько факторов замедления социальной мобильности. В статье “Становление нового класса промышленных рабочих в современном Китае” (2008)²² он уделяет внимание проблеме государственного распределения. В период плановой экономики социальная мобильность населения определялась государственной политикой, что привело к изменению вида социальной мобильности. Такого рода распределение тесно связано с семейным происхождением человека, его местом регистрации

²² *Gu Hui*. Dangdai Zhongguo xin chang gongrende xingcheng: [The formation of a new class of industrial workers in modern China]. Hefei, 2008.

(в городе или деревне), местом в системе организаций, ее формой собственности. После проведения реформ открытости в связи с высокими темпами урбанизации и индустриализации непрерывно увеличивались новые возможности трудоустройства населения, в результате появились новые возможности для его социальной мобильности. После 1990-х гг. роль рыночных механизмов в распределении ресурсов также возросла, механизм социальной мобильности стал постепенно переходить к ориентированному на рынок, но государственное распределение вовсе не исчезло, а наоборот, появились новые, альтернативные формы такого распределения. Таким образом, параллельно существуют система распределения, построенная на официальных институциональных механизмах, и система, ориентированная на рыночную экономику, что порождает отклонения в социальной мобильности.

Вторым фактором, замедляющим скорость социальной мобильности, Гу Хуэй считает социальный капитал. Данному вопросу он посвятил статью “Изменение структуры социальной стратификации провинции Аньхой после проведения политики реформ” (2009)²³. Гу Хуэй утверждает, что социальный капитал – неинституциональный фактор, оказывающий своеобразное влияние, что выражается в изменении социальной структуры. В процессе реформирования произошло завладение культурного, политического и совокупного социального капитала объединением элит. Через взаимопроникновение и объединение элитарных групп данное объединение элит смогло успешно вытеснить неэлитарные группы и, наладив процесс свободного межпоколенческого обмена, получить возможность для воспроизводства. Таким образом, пространство и каналы для социальной мобильности все больше и больше сужаются.

Третьим фактором является неравный доступ к образованию. В основе структуры современного общества лежит механизм межпоколенческой наследственности, в основном через передачу образования, что проявляется в применении методов государственных мер по распределению образования, которые выполняют функции макроэкономического регулирования в отношении межпоколенческого отбора. Данные исследования Гу Хуэя показали²⁴, что после реформ открытости образование стало фактором социальной мо-

²³ *Gu Hui*. Gaige yilai Anhui shehui jieceng jiegou bianqian: xianzhuang, wenti yu duice: [Changes in the social stratification structure in Anhui prov. after the implementation of the reform policy]. Beijing, 2009.

²⁴ *Gu Hui*. Gaige yilai Anhui shehui jieceng jiegou bianqian: xianzhuang, wenti yu duice: [Changes in the social stratification structure in Anhui prov. after the implementation of the reform policy]. Beijing, 2009.

бильности между классами, в частности перемещения из низших слоев в высшие. Но в последние годы несмотря на изменения в системе государственного образования роль образования в качестве стимулятора социальной мобильности ослабла, образование в определенной степени повысило неравноправное воспроизводство социальных слоев общества. Особенными привилегиями пользуются представители элитарных классов, а образование стало закрытым социальным механизмом²⁵.

В интернете и различных средствах массовой информации все чаще стали встречаться такие выражения, как “дети богатых родителей” (“золотая молодежь”), “дети чиновников”, “дети бедняков” и др., отражающие проблему снижения мобильности по причине межпоколенческой преемственности и закрепления социальной структуры. В своей последней работе, «Исследование новых тенденций социальной мобильности Китая. Обзор феномена “дети второго поколения X”» (кит. X二代)²⁶, Гу Хуэй выделил несколько закрытых групп в высших и низших слоях социальной структуры. Так, он сгруппировал “детей поколения X” элитарных групп по следующим подгруппам: “дети богатых”, “дети чиновников” и “дети интеллигенции”. Гу Хуэй считает, что межпоколенческая мобильность в данных группах неодинакова и эти подгруппы не могут рассматриваться вместе как некая “единая элита”. По его мнению, среди представителей класса интеллигенции и технических специалистов достаточно сильна межпоколенческая наследственность, тем не менее благодаря механизму мобильности между поколениями наряду с влиянием системы государственного распределения все большую роль играет фактор индивидуальных усилий. Поэтому у “детей интеллигенции” межпоколенческое наследование социального статуса своей семьи намного ниже, чем у “детей чиновников” и “детей богатых”.

Рассматривая низшие слои социальной структуры, Гу Хуэй утверждает, что с точки зрения социальной мобильности замкнутость низших слоев общества указывает на то, что их возможности перемещения вверх малы. Межпоколенческая наследственность у этой группы сильна, в результате чего возникают такие феномены как “дети крестьян” и “дети бедных”. Хотя эти группы достаточно маргинальны в социальной структуре, их возможности в перемещении вверх в социальной структуре день ото дня сокращаются,

²⁵ *Gu Hui*. Jiaoyu guochengzhongde shehui jiceng zaizao: [Resumption of hierarchical structure through education]. Hefei, 2002.

²⁶ *Gu Hui*. Shehui liudong shijiaoxiade “X er dai” yanjiu: [Study of new trends in China’s social mobility. Overview of the phenomenon of “children of the second generation X”]. Hefei, 2016.

что еще больше отражает закрепление социальной структуры современного общества.

Исходя из концепций Лу Сюэи, Ли Цяна и Гу Хуэй, можно сделать вывод, что изменения в социальной структуре китайского общества происходят стремительно, скорость социальной мобильности возрастает. На сегодняшний день перед молодым поколением открыто такое количество возможностей, которое старшему поколению трудно представить. Поэтому можно констатировать, что одно из крупнейших изменений, произошедших за 30 лет политики реформ и открытости, — колоссальное увеличение возможностей для развития людей. Однако перемещение по каналам социальной мобильности не является беспрепятственным. Лу Сюэи, Ли Цян и Гу Хуэй независимо друг от друга приходят к мнению, что в современном китайском обществе сохраняется много социальных барьеров для осуществления социальной мобильности.

Исследование феномена социальной мобильности, в частности каналов социальной мобильности, в современном Китае имеет колоссальное значение для современной социологии и комплекса социальных наук в целом, поскольку оно предоставляет нам возможность увидеть то, каким китайское общество будет завтра и, следовательно, какую роль будет играть Китай в современных условиях глобализации.

Именно поэтому изучение проблем современного развития каналов социальной мобильности имеет чрезвычайно важное значение, которое заключается в том, что изучение социальной мобильности (и ее механизмов) на примере Китая, население которого составляет 1,5 миллиарда человек, в большой мере обогатит социологическую науку и проложит новые пути для исследований.

REFERENCES

Gu Hui. Jiaoyu guochengzhongde shehui jieceng zaizao: [Resumption of hierarchical structure through education]. Hefei, 2002.

Gu Hui. Dangdai Zhongguo xin change gongrende xingcheng: [The formation of a new class of industrial workers in modern China]. Hefei, 2008.

Gu Hui. Gaige yilai Anhui shehui jieceng jigou bianqian: xianzhuang, wenti yu duice: [Changes in the social stratification structure in Anhui prov. after the implementation of the reform policy]. Beijing, 2009.

Gu Hui. Shehui liudong shijiaoxiade “X er dai” yanjiu: [Study of new trends in China’s social mobility. Overview of the phenomenon of “children of the second generation X”]. Hefei, 2016.

Gu Hui. Jin shinian lai Zhongguo shehui liudong yanjiude xin jinzhan: [New trends in the study of social mobility of China in the last decade]. URL: http://www.360doc.com/content/15/0130/22/13432762_445107741.shtml (дата обращения 29.10.2017).

- Li Qiang.* Dangdai Zhongguo shehui fenceng yu liudong: [Social mobility and social stratification in modern Chinese society]. Beijing, 1993.
- Li Qiang.* Shehui fenceng yu pinfu chabie: [Social stratification and the gap between rich and poor]. Xiamen, 2000.
- Li Qiang.* Zhongguo you meiyou zhongjian jiecheng huo zhongchan jieji: [Is there a middle class in Chinese society?]. Quanzhou, 2001.
- Li Qiang.* Xin pingbi zhidu bi huji geng gongping youxiao: [A new fair registration system in contradiction to household registration]. Beijing, 2002.
- Li Qiang.* Dangqian woguo shehui fenceng jigou bianhuade xin qushi: [New trends in changing the social stratification of China]. Nanjing, 2004 (a).
- Li Qiang.* Shixian kexue youxude shehui liudong: [The scientific approach to reforming the process of social mobility]. URL: <http://news.sina.com.cn/o/2004-11-30/05074385027s.shtml> (accessed: 29.10.2017) (b).
- Li Qiang.* Zhongguo shehui bianqian 30 nian (1978–2008): [Social changes in Chinese society in the last thirty years]. Beijing, 2008.
- Li Qiang.* Chuangzao tiaojian shi gengduo ren shixian shangsheng liudong: [To increase the mobility of the population, it is necessary to create conditions for more people]. Beijing, 2010 (a).
- Li Qiang.* Ruhe shuli gongping helide zeye daoxiang: [How to make employment rational]. Beijing, 2010 (b).
- Li Qiang.* Chengshiqun beijingxia shehui fengxian zonghe fenxi kuangjia chutan: [Analysis of social risk in urban agglomerations]. Guangzhou, 2012 (a).
- Li Qiang.* Shehui fenceng yu shehui kongjian lingyude gongping, gongzheng: [Justice in the field of social stratification and social space]. Beijing, 2012 (b).
- Li Qiang.* Gei mei yige ren shangsheng liudongde jihui: [The possibility of upward vertical mobility for each person]. Beijing, 2013.
- Lu Xueyi.* Makesi zhuyide hezuo lilun he lianchan chengbao zerenzhi: [The Marxist theory of cooperation and the system of responsibility for production]. Beijing, 1984.
- Lu Xueyi.* Yanjiu shehui liudongde yiyi: [The importance of studying social mobility]. Beijing, 2004.
- Lu Xueyi.* Woguo shehui jigoude lishixing bianhua: [Historical transformations of the social structure of China]. Beijing, 2006.
- Lu Xueyi.* Jiejue jingji shehui fazhan bu xietiaode zhuyao maodun: [The solution of the main socio-economic contradiction]. Beijing, 2007.
- Lu Xueyi.* Guanyu shehui jianshede lilun yu shijian: [Theory and practice of social construction]. Beijing, 2008.
- Lu Xueyi.* Dangdai Zhongguo shehui jigou: [The modern social structure of China]. Beijing, 2010.
- Lu Xueyi.* Dangdai Zhongguo shehui jianshe: [Social building in modern China]. Beijing, 2013.

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-2-48-60

АНРИ ЛЕФЕВР: ОТ “ПРАВА НА ГОРОД” К “УРБАНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ”

И.А. Вершинина, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматриваются работы французского философа и социолога Анри Лефевра, посвященные городской проблематике. Представлена эволюция идейно-теоретических оснований подхода А. Лефевра к пониманию особенностей развития городов и его ключевые характеристики. Раскрыто представление А. Лефевра о природе города, проанализировано понятие кризиса современного города и факторы, определяющие его. Особое внимание уделяется концепции “права на город”, которую в современной урбанистике развивает Д. Харви. Проанализированы предпосылки урбанистической революции в трактовке А. Лефевра, ее движущие силы и желаемые результаты.

Ключевые слова: социология города, производство пространства, право на город, урбанистическая революция, сегрегация, агломерация.

ANRI LEFEVR: FROM “THE RIGHT TO THE CITY” TO THE “URBANIST REVOLUTION”

Vershinina Inna A., PhD Sci., Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: urbansociology@yandex.ru

The article deals with the works of the French philosopher and sociologist Henri Lefebvre, devoted to urban problems. The evolution of the ideological and theoretical foundations of Lefebvre’s approach to understanding the features of urban development and its key characteristics is presented. The presentation of A. Lefevre on the nature of the city is disclosed, the concept of the crisis of the modern city and the factors that determine it are analyzed. The main attention is paid to the concept of “the right to the city”, which D. Harvey continues to develop in modern urban studies. The prerequisites of the urban revolution and its desired results are analyzed.

Key words: urban sociology, production of space, the right to the city, an urban revolution, segregation, agglomeration.

Анри Лефевр (1901–1991) – французский мыслитель, которого чаще всего называют философом или социологом, поскольку он

* Вершинина Инна Альфредовна, e-mail: urbansociology@yandex.ru

с 1930 г. занимал должность профессора философии, а с 1961 г. — профессора социологии. Однако сам А. Лефевр не считал себя ни философом, ни социологом¹. Он предпочитал, чтобы его характеризовали как представителя марксизма, поскольку это отражало его мировоззренческие установки и позволяло понять суть его основных идей вне зависимости от того, к какой области их отнести — к философии или к социологии.

Процесс урбанизации и социальные проблемы городов становятся одной из центральных тем творчества А. Лефевра во второй половине 1960-х гг. Некоторые исследователи полагают, что обращение к проблемам пространства было спровоцировано обретением независимости бывшими французскими колониями². Это привело к изменениям не только географических карт, но и социального пространства, следствием чего стали существенные политические, экономические и социальные трансформации, которые, конечно же, гораздо более значимы для социологов, чем изменение государственных границ.

Как говорил сам французский ученый, его труды изменились, потому что изменился мир³. Хотя, возможно, интерес к данной теме был связан с тем, что А. Лефевру предложили занять должность директора Института городской социологии (*Institut de Sociologie Urbaine*) в Нантере, неподалеку от Парижа, которое он принял в 1965 г.⁴

Символично, что первая работа А. Лефевра, в название которой были вынесены проблемы городов — “Право на город”⁵, была опубликована в 1968 г., когда в Париже шли студенческие волнения, массовые беспорядки и всеобщая забастовка. Конечно же, работа была написана до этих событий (в 1967 г., как говорит сам автор, к столетию публикации “Капитала”), но своевременность заявления о том, что каждый из жителей обладает “правом на город” и может его отстаивать, по всей видимости, и способствовала появлению серии публикаций, посвященных данной теме. Наиболее значимыми работами А. Лефевра в данной области являются “Урбанистическая революция”⁶ и “Производство пространства”⁷.

Исследователи его творчества высказывают предположение, что “Урбанистическая революция” была написана во многом под

¹ Elden S. Understanding Henri Lefebvre: theory and the possible. L.; N.Y., 2004. P. 4.

² Kofman E., Lebas E. Lost in transposition — time, space and the city // Henri Lefebvre: Writings on Cities / Ed. by E. Kofman, E. Lebas. Oxford, 1996. P. 14.

³ Elden S. Op. cit. P. 3.

⁴ Kofman E., Lebas E. Op. cit. P. 16.

⁵ Lefebvre H. Le droit à la ville. 3-e édition. P., 2015.

⁶ Lefebvre H. La révolution urbaine. P., 1970.

⁷ Lefebvre H. La production de l'espace. 4-e édition. P., 2000.

влиянием политического кризиса 1968 г. во Франции и волнений, проходивших в разных странах мира, которые потребовали переосмысления социальных процессов и явлений. Н. Смит, написавший предисловие к англоязычному переводу данного произведения, считает, что термин “революция” также не случайно оказался вынесен в название и указывает на то, что именно города становятся аренами для разного рода революций⁸. А. Лефевр приходит к выводу, что основные проблемы капиталистического общества второй половины XX в. – это проблемы преимущественно городские, и начинает пристально их изучать.

А. Лефевр интерпретирует идеи К. Маркса, пытаясь понять, насколько они применимы к анализу социальной реальности второй половины XX в. Опираясь на постулаты исторического материализма, французский ученый активно использует терминологию классического марксизма, рассматривая процесс производства, производственные отношения, эксплуатацию, классы, капитализм, революции и т.д. Однако А. Лефевр не только воспроизводит тезисы К. Маркса, но и критикует классика и его последователей. В частности, А. Лефевр считает, что К. Маркс, рассматривая процессы индустриализации, формирования и функционирования капиталистического общества, уделил недостаточно внимания городскому вопросу⁹. Лишь Ф. Энгельс обозначил жилищную проблему рабочего класса¹⁰, однако, городские проблемы гораздо шире, нежели просто жилищные.

Наибольшую известность из всех произведений, посвященных городской тематике, получила работа А. Лефевра “Производство пространства”, поскольку в 1991 г. она была переведена на английский язык. Прочитать эту работу на русском языке стало возможно с 2015 г.¹¹ Другие произведения А. Лефевра по городской тематике были переведены лишь на английский и только в начале XXI в.: англоязычная версия “Урбанистической революции” была опубликована в 2003 г., “Права на город” – в 2006 г. При этом многие исследователи творчества французского социолога полагают, что последняя из упомянутых выше работ является основополагающей для понимания его теории. Уже в “Праве на город” А. Лефевр формулирует те идеи, которые будут позднее более подробно рассмотрены в “Производстве пространства”: город является результатом творения (*oeuvre*), производства и воспроизводства социальных

⁸ Smith N. Foreword / Lefebvre H. The Urban Revolution. Minneapolis; L., 2003. P. VII.

⁹ Lefebvre H. Le droit à la ville. P. 78.

¹⁰ См., например: Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. СПб., 1906.

¹¹ Лефевр А. Производство пространства. М., 2015.

отношений¹². Любой город имеет свою историю и одновременно сам является частью истории, поскольку создается и совершенствуется своими жителями в определенном историческом и событийном контексте.

Западный средневековый город был результатом творения торговцев и банкиров, которые, создав город, им и управляли. А. Лефевр считает, что итальянские, фламандские, английские и французские торговцы, рассматривая города как продукт собственного производства, любили их и украшали произведениями искусства. Однако желание украсить город сосуществовало с желанием получить прибыль, вследствие чего они управлялись “циничной властью золота”¹³. Подобная модель города, созданная несколько веков назад, по мнению французского социолога, сохранилась до сих пор. Город существует как совокупность нематериальных (знания, культура и т.п.) и материальных объектов, произведенных людьми. Соответственно, история города пишется как книга, в ней находят свое отражение идеологии, ценности тех людей, которые участвовали в его создании, т.е. производстве.

Каждый тип общества и способ производства предполагают формирование особого типа города, производят особый тип физического и социального пространства¹⁴. Изменение способа производства неминуемо должно привести к изменению пространства. Если революция не заканчивается трансформацией пространства, производством его нового типа, то А. Лефевр считает ее несостоявшейся, проигранной¹⁵. Если не изменилось пространство, то и жизнь его обитателей осталась прежней, обновились лишь идеологические надстройки, институты или политический аппарат.

Восточный город — причина и результат азиатского способа производства. Армии защищают и одновременно подавляют сельскохозяйственные территории, которые управляются городом, в котором проходят военные парады и религиозные процессии. Центром не только города, страны, но и мира является дворец правителя, который является конечной и начальной точкой для всех подданных. Это священная территория, доступ на которую ограничен, но с которой в разные стороны распространяется власть и могущество суверена. Это пространство бунтов и неизбежно следующих за ними репрессий.

В центре античного города находится не хорошо охраняемый дворец, а наоборот, открытое пространство — агора или форум.

¹² *Lefebvre H. Le droit à la ville. P. 44.*

¹³ *Ibid. P. 45.*

¹⁴ *Ibid. P. 119–121.*

¹⁵ *Lefebvre H. La production de l'espace. P. 66.*

Это место предназначено для городских собраний и принятия политических решений. Хотя А. Лефевр настаивает на том, что между форумом и агорой были весьма серьезные различия.

В центре средневековых городов оказался рынок, в непосредственной близости от которого находится церковь. Произошла коммерциализация центра, из политического он превратился в экономический. Церковь благословляет торговлю, создавая предпосылки для развития капитализма.

Капиталистический город создается как центр потребления, причем характер потребления двоякий: в капиталистическом городе существует не только пространство потребления, но и происходит потребление пространства. Приходя в центр города, в котором сосредоточены люксовые магазины, люди оплачивают не только стоимость товаров, но и стоимость аренды в историческом месте, которое является наиболее престижным, а потому — дорогим.

В неокapиталистическом городе в центре должно оказаться не потребление, а принятие решений. Товары и люди должны быть вытеснены из центра знаниями и данными. В новом городе функциональная роль центра должна быть пересмотрена. В центре должна оказаться игра (*ludo*), понимаемая в самом широком смысле: от спорта до театра. Очевидно, что эта идея была сформулирована А. Лефевром во многом под влиянием работы Ги Дебора “Общество спектакля”, вышедшей в 1967 г.¹⁶ Ожидается, что главным субъектом игры А. Лефевр называет рабочий класс, считая, что у него эта способность развита в значительно большей мере, чем у всех остальных¹⁷. Рабочий класс в наибольшей степени стал жертвой сегрегации, поэтому он больше других заинтересован в разрыве с прежней морфологией и может покончить с идеологией потребления, которая способствует обнищанию его повседневной жизни. Далее французский социолог приходит к заключению, что утопия “общества игры” имеет много общего с социализмом вследствие ведущей роли, которая в нем принадлежит рабочему классу.

Идеальный город “общества игры” будет недолговечным и мимолетным, в него изначально будет заложен процесс перманентного устаревания. Этот эфемерный город будет результатом постоянного творения своих жителей, а потому будет подвержен изменениям. А. Лефевр не сомневается, что быстро развивающиеся технологии сделают возможной подобную изменчивость.

А. Лефевр предлагает два определения города, которые, по его мнению, дополняют друг друга. Во-первых, город — это “проекция общества на земле, то есть не только определенное местопо-

¹⁶ Debord G. La société du spectacle. P., 1967.

¹⁷ Lefebvre H. Le droit à la ville. P. 123.

ложение, но особое пространство, воспринимаемое и постигаемое с помощью мысли, которая определяет материальную и социальную составляющие”¹⁸. Во-вторых, город – это совокупность различий между городами¹⁹. А. Лефевр считает необходимым предложить второе определение, так как первое не учитывает особенностей городов, ставших результатом их исторического развития, последствий разделения труда между городами и взаимоотношений с близлежащими территориями, которые предполагают возможность существенных различий между паттернами городской жизни. Интересен тот факт, что А. Лефевр не отвергает других определений и говорит о том, что возможно рассматривать город и с других позиций, и называет еще один вариант трактовки этого понятия, который в последующих произведениях будет проанализирован значительно подробнее: он пишет о городе как о пространстве для конфронтации, конфликтов, борьбы и даже революций.

Город рассматривается как пространство несоответствия между желаемым и возможным, что особенно ярко проявляется в обществе потребления и приводит к относительной депривации. Причем влияние города может распространяться за его пределы. Современный город, став центром принятия решений, аккумулируя капитал, является “желанным местом”, вследствие чего может позволить себе эксплуатировать все общество в целом, заставляя его работать на себя.

А. Лефевр считает, что интенсивный период параллельных процессов урбанизации и индустриализации подрывает основы традиционного города и способствует формированию тех проблем, с которыми сталкиваются города в середине XX в. Проблемы настолько усугубились, что приблизили очередную критическую точку в процессе урбанизации, настолько значимую, что А. Лефевр сравнивает ее прохождение с преодолением звукового барьера²⁰. Изначально сельская местность была системообразующей для социума, поскольку в аграрном обществе производство связано с землей. Однако в индустриальных странах город начинает серьезное наступление на традиционный образ жизни. Мы наблюдаем урбанизированные деревни, утратившие свою специфику вследствие агрессивного наступления городов. Таким образом, можно говорить об урбанизации всего общества²¹, причем этот процесс можно наблюдать в разных странах мира. Кризис, связанный с приближением к опасной точке урбанизации, А. Лефевр также

¹⁸ *Lefebvre H. Le droit à la ville. P. 54.*

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *Ibid. P. 70.*

²¹ *Ibid. P. 71.*

называет глобальным, как и сам процесс урбанизации. Ситуация отличается в зависимости от политических режимов и уровня экономического развития стран, но повсеместно можно наблюдать деструктивные процессы функционирования городов.

Урбанизация представляет собой пример перехода количества в качество, когда чрезмерное расширение и экспансия в результате промышленного производства (пространства, объектов и продуктов) привели к доминированию техники над природой и кардинальному преобразованию места проживания горожан, причем не только физическому, но и социальному. Урбанизированное общество живет по законам рынка, в основе которых лежит “логика денег”²². Однако эта логика вступает в конфликт со стремлением к творческой продуктивности.

В условиях промышленного роста во всех городах, вне зависимости от того, какая политика проводится властями, наиболее острым вопросом становится жилищный. Темпы жилищного строительства повсеместно оказываются ниже, нежели это необходимо для обслуживания потребностей индустриального предприятия, в которое превращается город. Город низводится до уровня “де-вайса”, необходимого для организации производства и потребления. Превратившись в механизм для производства и потребления, инструмент организации этих процессов, города утратили свою социальную составляющую, она была полностью поглощена материальной. А. Лефевр считает, что города всего мира объединяет конфликтная природа социальных взаимоотношений, сложившихся в них²³, которая ведет к исчезновению как традиционной деревни, так и традиционного города. На их обломках происходит формирование урбанизированного общества, переход к которому и будет обозначать преодоление критической, или кризисной, точки в развитии городов.

При этом роль городов в промышленном обществе, с точки зрения А. Лефевра, стала менее значимой, чем ранее. В прошлом города были источником разума и рациональности, позиционировали себя как их носители в противопоставлении с сельской местностью, жители которой были более склонны к вере в священное и сверхъестественное. Не случайно процесс секуляризации начинается именно в городах, это вполне ожидаемый шаг на пути ко все большей рациональности. Но в результате промышленной революции города стали терять свое право на обладание рациональностью, поскольку принятие многих решений происходит на более высоких уровнях — национальном и региональном, а города

²² *Lefebvre H.* Le droit à la ville. P. 79.

²³ *Ibid.* P. 72–73.

воспринимаются как инструменты и средства достижения целей. Город зачастую управляется издалека, людьми, не принадлежащими к городскому сообществу и не понимающими особенностей его функционирования: город, или то, что от него осталось, строится или перестраивается, реконструируется как простая комбинация безличных функциональных элементов²⁴. Как следствие, города становятся безликими, похожими друг на друга, утрачивают творческую составляющую, которая была присуща им прежде и придавала индивидуальность.

Жители постепенно отдаляются от города, чему способствуют возросшая мобильность, распространение автомобильного транспорта и влияние средств массовой информации, которые с легкостью переносят аудиторию в отдаленные уголки планеты. В прошлое уходит и такое явление, как соседство, поскольку, не чувствуя привязанности к месту (пребывание может оказаться мимолетным), горожане становятся безразличнее и к окружающим, связи с которыми уже не воспринимаются как значимые. Кроме утраты традиционного города А. Лефевр констатирует повсеместное производство и распространение презрения, ментальной и социальной нищеты²⁵. Они стали неизбежными спутниками бедной повседневной жизни, в которой символы традиционного города ушли в прошлое, но ничто не пришло им на смену. Государственные власти и влиятельные экономические субъекты предлагают городам только одно направление развития — путь к девальвации, деградации и разрушению городского сообщества. Таким образом, кризис городов связан не с кризисом рациональности как таковой, ведущей свое происхождение из философской традиции, а с вполне определенными формами рациональности: государством, бюрократией и экономикой, главной целью которой является обеспечение постоянного дохода системе и ее аппарату. Кризис городов — это, во многом, кризис местных (муниципальных) институтов, которые оказались подвержены воздействию двух мощных сил — государства и промышленных предприятий. Подобное деструктивное воздействие неизбежно рождает противодействие со стороны городского сообщества.

А. Лефевр отмечает рост тенденций к сегрегации во всех странах мира. Причем усиление сегрегации социальных групп, этнических групп, страт и классов противоречит интересам государств, они предпринимают действия, направленные на борьбу с нею. Однако сегрегация проявляется повсеместно, пусть и не всегда в явных формах. Наиболее ярким проявлением сегрегации А. Лефевр

²⁴ *Lefebvre H. Le droit à la ville. P. 75.*

²⁵ *Ibid.*

называет гетто. Причем он считает, что элитные кварталы также являются их разновидностью, поскольку состоятельные люди изолируют себя от других в гетто своего благополучия. Хотя главной жертвой сегрегации французский социолог считает рабочий класс²⁶.

Несмотря на мощную идеологию, направленную против сегрегации (базирующуюся на либеральном гуманизме и понимании города как единого организма), практика показывает, что вопреки воле власть имущих сегрегация усиливается. Классы (сознательно или неосознанно) стремятся к сегрегации. Однако А. Лефевр указывает на то, что в демократических странах власти не могут открыто признаться в стремлении к сегрегации, потому что опираются на гуманистическую идеологию, которая превратилась в утопию и приводит к демагогии. Но в реальности несмотря на различие интересов и даже конфликты государства и частного бизнеса по ряду вопросов их объединяет заинтересованность в сегрегации, поэтому неудивительно, что этот процесс интенсивно развивается. Следовательно, сегрегация, которая является разрушительной для города и его социальной жизни, не может быть преодолена.

Государство и частные корпорации присваивают себе функции города, узурпируют их и тем самым разрушают его. В этом и заключается институциональный глобальный кризис городов и муниципального управления. Перед нами предстают разобщенные и инертные элементы социальной жизни. Повседневная жизнь оказалась разделена на множество отдельных частей: работа, транспорт, частная жизнь, досуг²⁷. Аналитическое разложение на части изолировало их друг от друга как самостоятельные ингредиенты или химические элементы. Синтез, который мы пытаемся производить в повседневной жизни, представляет собой лишь комбинацию этих отдельных элементов. А комбинация не является и никогда не сможет стать синтезом.

А. Лефевр задается вопросом, может ли городская жизнь быть восстановлена через усиление своих способностей к интеграции и участию, которые оказались практически полностью утеряны. Он отвергает возможность реконструкции старого города, считая, что в других условиях, в изменившихся обществах можно лишь пытаться сконструировать новый город на новых основаниях. Традиционный город не может быть возрожден, но и бесформенная агломерация не кажется А. Лефевру оптимальным вариантом развития²⁸. Он предлагает рассмотреть город как виртуальный объект,

²⁶ *Lefebvre H.* Le droit à la ville. P. 94.

²⁷ *Ibid.* P. 91.

²⁸ *Ibid.* P. 97.

будущее которого открыто, и предпринимает попытку его смоделировать.

Чтобы город опять стал продуктом совместного творения, он должен претерпеть революционные изменения. Говоря о стратегиях городского развития, мы должны понимать, что существует спектр возможностей, которые могут быть реализованы при наличии силы, которая сможет этому способствовать. В качестве подобной силы А. Лефевр рассматривает социальные группы, а именно, классы, способные на революционную инициативу и реализацию тех проектов, которые помогут решить проблемы городов. Это те социальные и политические силы, которые будут способствовать обновлению города и превращению его вновь в творение. Первым шагом на пути этого обновления должен стать кардинальный пересмотр стратегий развития, которые привели к сегрегации. Стратегия городского обновления должна быть революционной по отношению к существующему порядку. Единственной силой, которая может способствовать обновлению города и положить конец сегрегации, А. Лефевр считает рабочий класс²⁹. Пока рабочий класс хранит молчание, он далек от выполнения своей исторической миссии.

А. Лефевр полагает, что реализацию революционных инициатив следует начать с двух предложений³⁰:

1. Политическая программа городского реформирования, основанная на всестороннем изучении существующих реалий, которая может быть предложена левым партиям и будет отражать интересы рабочего класса. Но она должна быть основана на знании, поэтому должна формулироваться, как ни парадоксально, не самими рабочими, а представителями науки, которые впоследствии смогут контролировать ее реализацию (видимо, А. Лефевр считал себя одним из них). Наука о городе должна представить теоретические и критические основания реализации проекта.

2. Тщательно продуманные проекты городского планирования, которые предложат модели структурирования пространства, вне зависимости от того, насколько они на первый взгляд покажутся осуществимыми или утопическими. Главное, по мнению А. Лефевра, чтобы они не основывались на изучении существующих городских реалий, наоборот, чем дальше от них окажутся новые проекты, тем выше будет вероятность их реализации. Утопия, контролируемая диалектическим разумом, необходима для предотвращения появления предположительно научных фикций и сбившихся с пути мечтаний. Реализация проекта нового города возможна лишь в ре-

²⁹ *Lefebvre H. Le droit à la ville. P. 103.*

³⁰ *Ibid. P. 104.*

зультате диалектического взаимодействия между наукой и политической властью, диалог между которыми должен актуализировать отношения между теорией и практикой.

А. Лефевр предлагает быть смелее и ничего не бояться при разработке программы построения нового города и урбанистического общества: цели могут быть возможными и невозможными; и те, и другие имеют право на существование, потому что то, что сегодня кажется недостижимым, завтра может оказаться вполне реальным³¹. По мнению А. Лефевра, одной из составляющих “миссии рабочего класса” является гарантия признания и соблюдения различных прав, превращение их в социальные практики.

Право на город включает в себя совокупность прав: на свободу, на творение, на участие и т.п.³² Это свобода от каких-либо репрессий, предоставляющая возможности для творчества и созидания. По словам А. Лефевра, право на город — это “лозунг и требование”³³, которые “бродят окольными путями ностальгии и путешествий”. Потребность в природе и право на нее вступают в противоречие с правом на город. Претензия на природу, лишённую шума и усталости, и желание насладиться ею вытесняют право на город.

Право на город нельзя трактовать просто как возвращение к традиционным городам. Это обновлённое право на городскую жизнь, на борьбу за формирование урбанистического общества на основе синтеза науки и искусства, право, которое должен реализовать рабочий класс. А. Лефевр призывает рабочий класс, как и столетие назад, вспомнить о своих интересах и бороться за построение общества и городов для своих жителей³⁴. Причём французский социолог исключает представителей буржуазии из категории жителей. По его мнению, они не обрели права на город, поскольку они живут везде и нигде, кочуя от отеля к отелю, или даже осуществляя командование с палубы яхты.

Право на город должны предъявить те, для кого он является частью их повседневной жизни: молодежь, студенты, интеллектуалы, армии рабочих, возможно, включающие “белых воротничков”, жители пригородов, т.е. все, кого в той или иной мере поработила буржуазия. А. Лефевр считает необходимым открыть глаза на бедность своего существования всем собратям по несчастью, которые ежедневно покидают свои жилища, устремляясь к станциям переполненного метро, чтобы добраться до места работы, а вечером проделать тот же путь в обратном направлении, восстановить

³¹ *Lefebvre H.* Le droit à la ville. P. 113–114.

³² *Ibid.* P. 125.

³³ *Ibid.*

³⁴ *Ibid.* P. 108.

свои силы и повторить все то же самое на следующий день³⁵. Именно они являются настоящими жителями города и должны предъявить право на него. Если этого не произойдет, нас может ждать довольно печальное будущее. Одним из возможных сценариев, по мнению А. Лефевра, является сюжет фантастического романа А. Азимова “Основание”³⁶: город-планета Трантор, аккумулирующая знания и власть, является столицей и центром принятия решений в Галактической империи³⁷. А. Лефевр предостерегает нас: во что-то подобное могут превратиться и наши города, уже ставшие центрами принятия решений и потребления.

Главная опасность реализации негативных сценариев, по мнению французского социолога, заключается в том, что ученые и интеллектуалы начали соперничать друг с другом в погоне за славой и другими ценностями, а не сотрудничать. Живя в интеллектуальных гетто – наукоградах и университетских кампусах, они оказались далеки от масс. И то, что сейчас кажется утопией, неожиданно может стать реальностью, если прозрение придет слишком поздно.

А. Лефевр предлагает признать тот факт, что урбанизация является конечной точкой процесса индустриализации, а следовательно, их нельзя рассматривать отдельно друг от друга. Но городская жизнь не должна быть подчинена промышленному росту, зависеть от него, иначе индустриализация и урбанизация утрачивают свой смысл. Оба эти процесса должны быть контролируемы и управляемы, если мы хотим построить урбанистическое общество, которое и должно стать конечной целью индустриализации и урбанизации. Город должен прекратить свое существование как пассивное вместилище для производства и его продуктов. Он должен стать центром принятия решений жителями, в том числе, и касающихся средств производства.

Произведения А. Лефевра по городской тематике были высоко оценены современниками, хотя подвергались и критике, в частности, со стороны М. Кастельса³⁸. Хотя долгое время познакомиться с произведениями А. Лефевра можно было лишь на французском языке. Перевод “Производства пространства”, а затем “Урбанистической революции” и “Права на город” на английский язык привели к ренессансу идей А. Лефевра, которые востребованы и в XXI в. Д. Харви активно популяризирует его идею о праве на город³⁹, хотя и предлагает свою ее трактовку.

³⁵ *Lefebvre H.* Le droit à la ville. P. 108.

³⁶ *Asimov I.* Foundation. Garden City. N.Y., 1951.

³⁷ *Lefebvre H.* Le droit à la ville. P. 109.

³⁸ *Castells M.* The urban question: a Marxist approach. L., 1977. P. 86.

³⁹ *Harvey D.* The right to the city // *Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003* / Ed. by R. Scholar. Oxford, 2006.

В 2003 г. была опубликована работа, автор которой, Д. Митчелл, указывает, что проблемы, поднятые А. Лефевром, не утратили своей актуальности. Стараясь подчеркнуть преемственность идей, Д. Митчелл называет свое произведение “Право на город: социальная справедливость и борьба за общественное пространство”⁴⁰, тем самым, отсылая нас к одной из самых известных работ А. Лефевра. В 2014 г. вышла коллективная монография, также заставляющая вспомнить об одном из произведений А. Лефевра — “Урбанистическая революция сегодня”⁴¹. Таким образом, можно сделать вывод о том, что А. Лефевр оказал серьезное влияние на последующее развитие социологической урбанистики, которое ощущается вплоть до наших дней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лефевр А. Производство пространства. М., 2015.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. СПб., 1906.

REFERENCES

Asimov I. Foundation. Garden City. N.Y., 1951.

Castells M. The urban question: a Marxist approach. L., 1977.

Debord G. La société du spectacle. P., 1967.

Ehngel's F. Polozhenie rabocheho klassa v Anglii [The situation of the working class in England]. SPb., 1906 (in Russian).

Elden S. Understanding Henri Lefebvre: theory and the possible. L.; N.Y., 2004.

Harvey D. The right to the city // Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003 / Ed. by R. Scholar. Oxford, 2006.

Kofman E., Lebas E. Lost in transposition – time, space and the city / Henri Lefebvre: Writings on Cities / Ed. by E. Kofman, E. Lebas. Oxford, 1996.

Lefebvre H. La production de l'espace. 4-e édition. P., 2000.

Lefebvre H. La vallée de Campan – etude de sociologie rurale. P., 1963.

Lefebvre H. La révolution urbaine. P., 1970.

Lefebvre H. Le droit à la ville. 3-e édition. P., 2015.

Lefevr A. Proizvodstvo prostranstva [Production of space]. M., 2015 (in Russian).

Mitchell D. The right to the city: social justice and the fight for public space. N.Y., 2003.

Smith N. Foreword / Lefebvre H. The Urban Revolution. Minneapolis; L., 2003.

Urban revolution now: Henri Lefebvre in social research and architecture / Ed. by L. Stanek, C. Schmid, A. Moravánszky. Ashgate, 2014.

⁴⁰ *Mitchell D.* The right to the city: social justice and the fight for public space. N.Y., 2003.

⁴¹ Urban revolution now: Henri Lefebvre in social research and architecture / Ed. by L. Stanek, C. Schmid, A. Moravánszky. Ashgate, 2014.

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-2-61-74

“ЖЕНСКИЙ ВОПРОС” В РАБОТАХ РУССКОГО ПРАВОВЕДА И СОЦИОЛОГА НЕОКАНТИАНСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ XIX – НАЧАЛА XX в. В.М. ХВОСТОВА

С.А. Батуренко, канд. социол. наук, доц. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

На основании анализа первоисточников в статье рассматривается развитие феминистских идей в работах представителя неокантианского направления русской социологии XIX – начала XX в. Вениамина Михайловича Хвостова. В настоящее время предметная область феминистской социологии активно развивается, обсуждается и критикуется. Проблема положения женщин вызвала живой интерес у представителей самых разных направлений социологической науки в России в период ее становления. Одним из наиболее актуальных вопросов и одновременно наименее изученным является рассмотрение перспективы зарождения феминистских идей в рамках неокантианского направления русской социологии. Автор приходит к выводу о том, что неокантианское направление в социологии, ведущая роль в котором принадлежала ученым правоведом и историкам, привело к переориентации социальной мысли в целом и позволило открыть новые возможности для развития научного познания и преобразования общественных отношений. Одной из важнейших проблем этих общественных отношений была проблема положения женщин.

Ключевые слова: женский вопрос, русская социология, неокантианское направление, неравенство, феминистская социология, социальное положение женщины, В.М. Хвостов.

“WOMEN’S ISSUE” IN WORKS OF THE RUSSIAN JURIST AND SOCIOLOGIST OF THE NEOKANTIAN DIRECTION XIX – THE BEGINNINGS OF THE XX CENTURY OF V.M. HVOSTOV

Baturenko Svetlana A., Cand. Sci (Sociol.), Assoc. Prof. of Department of history and theory of sociology of Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: level_s@rambler.ru

The study “women’s issue” is considered in this article, on the basis of the analysis of primary sources in works of the famous jurist, representative of the neokantian direction of the Russian sociology of XIX – the beginnings of

* Батуренко Светлана Алексеевна, e-mail: level_s@rambler.ru

the XX century of Veniamin Mikhaylovich Hvostov is considered (1868–1920). “Women’s issue” as a complex of social problems is an object of research in a modern western and domestic scientific thought, especially actively developed in the framework of feministic sociology. Now the subject area of feminist sociology developed, discussed and criticized. It is considered to be that for the first time this question arises in the Western European social thought. In this article the author pays attention that the problem of a provision of women attracted a keen interest of representatives of the most different directions of sociological science in Russia during its forming. Statement of a problem of inequality, overcoming a dependency of the woman, providing her rights in Russia differs from western in special specifics. These specifics are caused by historical and social development of society, formation of a system of law, religious consciousness. One of the most pressing issues and at the same time the least studied is consideration of the prospects of the birth of feminist ideas within neokantianism schools of Russian sociology. The author comes to a conclusion that the neokantian direction in sociology, the leading role in which belonged to scientific jurists and historians, led to reorientation of a social thought in general and allowed to open new opportunities for development of scientific knowledge and transformation of the public relations. One of the most important problems of these public relations was the problem of a women’s provision. V.M. Hvostov raises a number of important issues in the development of the problem, in particular we are talking about the possibility of a radical change of women in connection with a radical change in the conditions of life and activities. Under the influence of such progressive thinkers as V.M. Hvostov changes the look on social reality in general.

Key words: *women’s issue, Russian sociology, neokantian direction, inequality, feministic sociology, social status of the woman, V.M. Hvostov.*

Интерес к “женскому вопросу” и феминизм как политическое и социальное движение, берущее начало еще в конце XVIII в. в Европе, имеют долгую историю. По мнению некоторых специалистов, началом этого явления следует считать более ранний период времени, а именно XIV в., время возникновения “спора о женщинах” в работе французского поэта, писательницы и историка Кристины Пизанской “Книга о граде женском” (1405 г.). Феминистская социология как современное направление появляется во второй половине XX в. Являясь новой междисциплинарной областью социологического знания, она активно развивается, ее предметная область обсуждается. Известно, что в социологии первые работы, посвященные истории женских движений, в том числе и истории российского движения принадлежат западным ученым. Вместе с тем, многие современные дискуссии этого направления получили развитие и в отечественной социологии. В советской период в отечественной социологии такой научный интерес развивался слабо, что можно объяснить преобладанием марксистско-ленинской идеологии, в соответствии с которой освобождение женщин связывалось с неиз-

бежной сменой капиталистического строя социалистическим. Таким образом, до 90-х гг. XX в. “женский вопрос” не являлся в строгом смысле серьезной научной проблемой. Принято считать, что только с 1990-х гг. отечественные социологи обратились к этой теме. Однако следует отметить, что проблема положения женщин вызывала живой интерес у представителей самых разных направлений социологической науки в России еще в период ее становления в XIX – начале XX в.: позитивистского, неопозитивистского, субъективной социологии, генетической, неокантианской, марксистской, географического направления.

Содержание отечественных социологических исследований данного периода остается недостаточно изученным в силу специфического пути развития социологии в России. На наш взгляд, следует обратить особое внимание на проблему развития феминистских идей в работах социологов самых разных направлений и социологических школ. Среди тех, кто уделял много внимания теме феминизма, можно назвать Афанасия Прокопьевича Шапова (1831–1876), представителя географического направления в социологии¹, представителя субъективной социологии Сергея Николаевича Южакова (1849–1910)², основателя генетической социологии Максима Максимовича Ковалевского (1851–1916)³, представителей марксистского направления Александру Михайловну Коллонтай (1872–1952) и Владимира Ильича Ленина (1870–1924)⁴, представителя неопозитивистской социологии Питирима Александровича Сорокина (1889–1968)⁵. Среди представителей неокантианского направления, уделявших внимание данной проблеме, следует вспомнить имена таких

¹ *Шапов А.П.* Влияние общественного мирозерцания на социальное положение женщины в России // Шапов А.П. Соч. Т. 2. СПб., 1906. С. 55–104; *Шапов А.П.* Значение народной женщины в антропологическом и социальном развитии русской народности // Шапов А.П. Соч. Т. 2. СПб., 1906. С. 31–55; *Шапов А.П.* Мирозерцание, мысль, труд и женщина в истории русского общества // Шапов А.П. Соч. Т. 3. СПб., 1908. С. 431–605; *Шапов А.П.* Положение женщины в России по до-петровскому воззрению // Шапов А.П. Соч. Т. 2. СПб., 1906. С. 105–154.

² *Южаков С.Н.* Социологические этюды. М., 2008; *Южаков С.Н.* Женщина-избирательница (К вопросу о реформе русского избирательного права). М., 1906.

³ *Ковалевский М.М.* Высшее женское образование // Вестник Европы. 1910. № 6; *Ковалевский М.М.* Можно ли закрывать женщинам доступ в университеты? // Союз женщин. 1908. № 7–8; *Ковалевский М.М.* Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 2014.

⁴ *Коллонтай А.М.* Из моей жизни и работы. М., 1974; *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909; *Ленин В.И.* Великий почин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39. 1919; *Ленин В.И.* О задачах женского рабочего движения в Советской республике. Речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин о женском вопросе. М., 1978. С. 97–103.

⁵ *Сорокин П.А.* Система социологии. М., 2008.

ученых, как Лев Иосифович Петражицкий (1867–1931)⁶, Вениамин Михайлович Хвостов (1868–1920).

В данной статье нам бы хотелось остановиться на проблеме неравенства между полами и женской эмансипации, разработанной в рамках неокантианского направления русской социологии одним из ее представителей – В.М. Хвостовым. Вениамин Михайлович Хвостов (1868–1920) – известный русский историк и правовед, социолог неокантианского направления, является автором работ по теории права, теории исторического процесса, по женскому вопросу, вопросам духовной культуры, этики, методологии социального познания. Область научных интересов В.М. Хвостова была обширной: общая теория права, римское право, методология истории, психология, политика, этика, закономерности общественной жизни, теория и метод в социологии. Большое значение ученый придавал необходимости соединения эмпирических и теоретических разработок, и сам принимал активное участие в конкретных социологических исследованиях, которые проводились Институтом социальной психологии, созданным в 1910 г. После Февральской революции В.М. Хвостов преподавал на Высших женских курсах и Высших женских юридических курсах в Народном университете А.Л. Шаняевского, читал лекции по женскому вопросу и проблемам эмансипации, выражая свои либеральные взгляды. Русский социолог являлся непримиримым критиком позитивистских направлений в науке, к которым причислял и марксизм. Критическое отношение к позитивизму и марксизму было характерно и для первых представителей феминистской теории в социологии на Западе, что объединяет западных социологов с русскими социологами неокантианского направления. Для В.М. Хвостова социология была одной из наук “о духе”, поскольку, по его мнению, социальный мир состоит из психических взаимодействий. Общество и личность, по убеждению социолога, следует рассматривать в их жизненном единстве, в котором решающую роль играет духовное.

Особый интерес для социолога представляла проблема эмансипации женщин, описанная преимущественно в работах “Женщина накануне новой эпохи”, “О равноправии женщин”, “Женщина и человеческое достоинство” и “Женщина в обновленной культуре”⁷. В этих работах социолог обосновал законность эмансипации жен-

⁶ *Петражицкий Л.И.* О женском равноправии. Речь, произнесенная в Государственной Думе 6 июня 1906 г. Пг., 1915; *Петражицкий Л.И.* О пользе политических прав женщин. СПб., 1907.

⁷ *Хвостов В.М.* Женщина накануне новой эпохи (Два этюда по женскому вопросу). М., 1906; *Он же.* О равноправии женщин. М., 1911; *Он же.* Женщина и человеческое достоинство: исторические судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос. М., 1914; *Он же.* Женщина в обновленной культуре. М., 1917.

щин, выступая при этом против морали “двойных стандартов”. Рассматривая личность как социокультурное образование, ученый утверждал, что общество и культура формируют даже такую физиологическую характеристику человека, как пол. Будучи последовательным идеалистом, соответствующим образом он трактовал различные материальные стороны и условия общественной жизни, все, что сам называл “телом общества”: географическую территорию и ресурсы, половые и расовые особенности человека, материальную культуру и технику. В.М. Хвостов являлся одним из прогрессивных мыслителей своего времени, отмечавших необходимость исправления социальной несправедливости, связанной с положением женщин в обществе. Ученый начинает исследование данной проблемы с анализа исторических причин подчиненного положения женщин.

В.М. Хвостов считал, что в общественных науках в целом “женскому вопросу” отводится недостаточно внимания при обсуждении современного положения вещей. “Что касается меня, то я считаю вопрос о равноправии женщин одним из самых важных социальных вопросов нашего времени, даже важнейшим, стоящим наряду с вопросом о положении рабочих классов”⁸. И далее: “...все другие вопросы, выдвигаемые современностью, стоят в более или менее непосредственной зависимости от разрешения женского вопроса”⁹.

Ученый исходит из рассмотрения объективных причин подчиненного положения женщин, вытекающих, по его мнению, из самой “природы вещей”. Сочетание определенных социально-экономических условий предопределяло существующее положение. Однако поводом к пересмотру служит изменение данных условий, обстоятельств, социальных причин и формирование новых отношений. В.М. Хвостов анализирует два основных обстоятельства, повлиявших на становление подчиненного положения женщин. Во-первых, это экономическая система и соответствующие ей социальные отношения, в которых главное значение имели физическая сила и храбрость. Две основных составляющих социальной жизни указывают на этот факт — физический характер труда и война с необходимой функцией защиты. Женщина оказывалась в подчиненном положении как более слабая по природе, вынужденная уступить мужчине. Но в начале XX в. условия изменились в связи с развитием промышленности, техники, усовершенствованием способов решения конфликтов без войн, расширением возможности доступного для всех передвижения. Все это способство-

⁸ Хвостов В.М. О равноправии женщин. С. 3.

⁹ Хвостов В.М. Женщина в обновленной культуре. С. 16.

вало усилению влияния общественного мнения. Во всем этом В.М. Хвостов подчеркивает выдвигание на первый план духовного фактора, складывающегося под влиянием силы мысли и убеждения, и более сплоченного общественного мнения. Общая тенденция развития предстает как утрата значения физической силы и рост значения силы духовной, а вместе с тем исчезает и одна из основ длительного подчиненного положения женщин.

Другой социальной причиной, по мнению В.М. Хвостова, стали существующие политические условия. Население, состоящее из “подданных”, а не из “граждан”, не было активным участником политических процессов, а в большей мере это касалось женщин, которым отводилась роль воспитателей таких “подданных”, выполняющих свою функцию в пределах дома. Изменение политического режима неравенства и несвободы на режим конституционный, бессловесный способствовало разрушению еще одного основания подчиненного положения женщин. Российский социолог подчеркивал особое несправедливое положение женщин в обществе по сравнению с положением мужчин, несоответствующее их достоинству как человеческих личностей. Речь при этом шла не только о женщинах в России, но и о женщинах во всех других странах. К такому выводу ученый приходит на основании анализа политической и гражданской правовой сферы различных стран. Отсутствие полного равноправия между мужчинами и женщинами вуалируется внушаемыми женщинам убеждениями об их опосредованном влиянии на политическую жизнь через обаяние и интриги, что в реальности не всегда соответствует действительности и противоречит их человеческому достоинству. По мнению ученого, состояние политического и гражданского права в известной степени отстает от изменившейся социальной реальности, оставаясь под влиянием пережитков прежних времен, что сказывается на общественном положении женщин и является слишком заметной несправедливостью.

Отдельного внимания заслуживает такой вопрос, как положение женщин в сфере труда и образования. В начале XX в. эта проблема привлекала внимание наиболее прогрессивных мыслителей не только неокантианского направления, отмечающих гендерное неравенство в этой сфере. В.М. Хвостов писал о меньшем, в сравнении с мужчинами, количестве профессий, открытых для женщин, а также о неравенстве вознаграждения в сфере труда. Анализируя ситуацию в системе образования в различных странах, российский ученый замечает преимущественное положение мужчин, поддерживаемое правительствами государств. В качестве примера профессий,

имеющих ограничения для женщин рассматриваются юридические (нотариусы, адвокаты), журналистские (редакторы), медицинские¹⁰. Вместе с тем, складывается противоречивая ситуация, поскольку государства выстраивают одинаковую политику по отношению к обязанностям мужчин и женщин, например, в системе налогообложения и уголовной ответственности.

Являясь большим специалистом в области права, В.М. Хвостов отмечает и особый взгляд законодателей на женщину, приводя в пример различие в отношении к женщинам-бродягам и высказываниях о них, а также двойную мораль и двойные стандарты в области супружеских отношений (измены, убийства супругов)¹¹. Ученый подчеркивает, что выступает за признание женщин полноправными гражданками, за уничтожение несправедливых законодательных норм, а не за устранение всех возможных различий между полами и установление полной идентичности между мужчинами и женщинами. Автор убежден в том, что “свободная женщина будет ценить достоинства, присущие специально женской психике, ведя в то же время упорную борьбу с женскими недостатками. Она не будет отказываться от своего пола, но, напротив, будет настаивать на признании своей самобытности и на движении к ней”¹².

Следует рассмотреть трактовку ученым “женского характера” и вообще половых ролей и отличий, тщательно разработанную в его трудах. В.М. Хвостов признает, что на протяжении веков в политической и культурной сфере преобладало влияние мужчин, при этом деятельность женщины не выходила за пределы семейной, бытовой, родовой сферы. Вместе с тем всегда наблюдалось заметное желание женщин изменить существующее положение вещей. Уже в начале XX в. такие действия оценивались двояко. С одной стороны, были те, кто выступал за сохранение господства мужчин, считая эмансипацию противоестественным явлением, действие которого обречено на неудачу, поскольку реализация этого действия, как утверждалось, предполагает снижение качества культурного развития. С другой стороны, были активные сторонники равноправия, подчеркивавшие отсутствие важного социологического значения анатомического и физиологического различия полов. Представители этой точки зрения в качестве причин отмечали исключительно исторические условия, способствующие преобладанию грубой силы и права сильного в общественных отношениях,

¹⁰ Хрестоматия по курсу “Основы гендерных исследований” / Отв. ред. О.А. Воронина. М., 2000. С. 207.

¹¹ Там же. С. 208.

¹² Хвостов В.М. Женщина в обновленной культуре. С. 31.

прогнозируя в будущем завоевание женщинами полного равноправия.

По мнению В.М. Хвостова, обе эти точки зрения не являются верными и даже приемлемыми направлениями для размышлений. Ученый утверждал, что для социологической науки, изучающей общественную жизнь, главным является не анатомические и физиологические отличия индивидов, а базирующиеся на них различия психические и духовные. Именно различия духовные и психические представляются основной причиной неодинаковой роли полов в исторической жизни. Специфические социальные роли складываются на основе формирования психического характера женщины, связанного с функциями деторождения и воспитания детей. Данные процессы постоянно воспроизводятся и свидетельствуют о том, что и в будущем психический характер и роль женщины не могут быть и не будут идентичными характеру и роли мужчины.

Отмечая огромную зависимость и подчиненное положение женщины в общественной жизни – ограничение в правах на наследство, сложности в получении образования, отсутствие политических прав и другие, – В.М. Хвостов утверждает, что женщина внесла огромный вклад в появление и распространение культуры, значение которого очевидно. Признается, что именно женщина впервые занялась земледелием, изобрела кулинарию и гончарное дело, в первобытный период была врачом и воспитателем детей. Ученый предполагал, что в будущем объем женских ролей в общественной, политической и культурной жизни расширится, усматривая в этом объективную тенденцию. Он полагал, что непременно усилится значение женского элемента, что преобразует культуру, до того бывшую по преимуществу мужской, и превратит ее в культуру общечеловеческую. Социолог был убежден в том, что феминизация культуры означает ее новое обогащение.

Одним из центральных понятий в области данной проблемы у социолога является понятие “женский характер”. Под характером вообще он понимает совокупность индивидуальных психических особенностей, которые базируются на общебиологической основе и определяют жизнь данного человека. В работе “Женщина и человеческое достоинство”, за которой последовал ряд других работ, например, “Женщина в обновленной культуре”, автор пишет о поляризации женского и мужского характера. Описывая мужской характер, В.М. Хвостов замечает, что мужчина в человеческом роде является преимущественно представителем сознательного логического мышления, в то время как женщину отличает

импульсивное, эмоционально-чувственное начало, основанное часто на мнимом подсознательном фундаменте, фантазиях и даже мистических суевериях¹³. Автор подчеркивает при этом единство человеческой психики, тождественность действия законов психической деятельности у женщин и мужчин, поясняя, что речь идет о выявленных статистических тенденциях и предрасположенностях. Особое внимание ученый обращает на необходимость учета этих тенденций социологами, поскольку не представляется возможным раскрыть социальную жизнь во всей ее полноте, без сочетания абстрактного мышления и чувственно-эмоционального. “Наша современная культура, созданная по преимуществу руками мужчин, несомненно, грешит чрезмерной абстрактностью и рассудочностью. Мы создаем абстрактные схемы и планы, мы пишем абстрактные законы, и увлекаясь этой деятельностью, часто не замечаем реальной жизни с ее особенностями, которые отказываются вложиться без остатка в сухие схемы интеллекта, которая мучается и страдает в наложенных на нее тисках абстрактных построений. Упоенные часто только кажущейся мощью интеллекта, мы слишком мало считаемся с голосом чувства, и в конце концов сооружаем культурное здание, по внешности ослепляющее своим великолепием, но на самом деле холодное и неприятное для человеческой души, жаждущей любви и сострадания. Наступивший на наших глазах и разрешившийся мировой войной кризис культуры сам по себе достаточно подтверждает и иллюстрирует все эти мысли”¹⁴. Активное участие женщин в общественно-культурной работе внесет заметные коррективы и будет способствовать качественному улучшению социальной жизни в целом. В законах, например, несмотря на их суть как общих правил, предполагающих известную схематизацию жизни, увеличится элемент гибкости, дающей возможность при их применении в большей степени считаться с конкретными свойствами отдельных отношений.

Таким образом, основной вывод заключается в том, что главной детерминантой общественной жизни являются не анатомические, физиологические отличия и не историческое положение индивидов, а характер, в том понимании, которое предлагает русский социолог. Благодаря разработкам В.М. Хвостова был поставлен и ряд вопросов, требующих дальнейших логических размышлений и научных наблюдений. Если для “женского характера” свойственны определенные наблюдаемые черты, такие как высокая эмоциональ-

¹³ *Хвостов В.М.* Женщина и человеческое достоинство: исторические судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос.

¹⁴ *Хвостов В.М.* Женщина в обновленной культуре. С. 23–24.

ность, склонность к фантазиям, суевериям, преобладание подсознательной сферы и тому подобное, то возникает ряд вопросов. Например, насколько основные составляющие “женского характера” являются специфическими только для женщин, вопрос о возможности их изменения во времени, о проявлениях этих качеств в различных культурах и народах, об их внеисторичности и возможности трансформаций под влиянием различных условий и т.д.

Следует отметить, что социологическая мысль того периода не была единой в оценке этих свойств, высказывая сомнение в возможности четкого разделения некоторых психических качеств в соответствии с полом, что ставило под сомнение научность таких категорий как “женский характер”, “душа женщины”. Вопрос о психологических и социальных особенностях между мужчинами и женщинами становится одним из актуальных как в психологии, так и в социологии. Тем не менее, в начале XX в. научные данные в этой области были недостаточными и во многом противоречивыми. Возникали определенные сложности даже в изучении и интерпретации установленных наукой фактов, например, о большей агрессивности мужчин по сравнению с женщинами, поскольку требовался учет социально-исторических факторов, таких, например, как неравенство в разделении труда между полами в разных обществах и эпохах, накладывающее отпечаток на психические особенности полов и на образ их жизни.

В.М. Хвостов, изучая еще одну область данной проблемы, криминальную статистику, приходит к выводу о сравнительно меньшем распространении преступности среди женщин, чем среди мужчин. Также ученый замечает более высокий уровень женской преступности в промышленных странах, чем в слаборазвитых, а также в городах по сравнению с деревней. Опираясь на свои наблюдения, В.М. Хвостов приходит к выводу о возможном повышении уровня женской преступности, обусловленном выходом женщин за жесткие рамки семейной жизни в другие сферы общественной жизни. Приведенные наблюдения и выводы ставят под вопрос историчность и социальность “женского характера” и некоторые внеисторические утверждения в концепции русского социолога.

Одним из важнейших прогнозов ученого было предположение о наступающей “феминизации культуры”. В.М. Хвостов писал: “Женское влияние в культуре скажется неизменно шире и всесторонне и это поведет к большему выявлению в содержании культуры принципа любви, без которого никакая культура не имеет нравственной ценности”¹⁵. Также ученый ставит вопрос и о возможно-

¹⁵ Хвостов В.М. Женщина в обновленной культуре. С. 27.

сти кардинального изменения женщины в связи с радикальной переменой в условиях жизни и деятельности. Тенденции изменения описываются автором как положительные, что связано с предоставлением женщинам большей свободы, имеющей облагораживающее воздействие. При этом социолог подчеркивает неизменность сути женской природы, как природы эмоциональной.

Прогнозы ученого, сделанные сто лет назад, частично оправдались, однако в настоящее время происходят процессы, которые трудно было предвидеть в начале прошлого столетия. Речь идет не только об изменении принципов разделения труда с учетом пола, носящим в настоящее время более гибкий характер или отношений в семье, характеризующихся большим равноправием. Заметное значение приобрела и проблема трансформации норм поведения и культурных стереотипов, особенностей и последствий процессов маскулинизации женщин и феминизации мужчин.

В 90-е гг. XIX в. в русской социологии активно развивается неокантианское направление. В качестве предпосылок распространения этого научного направления можно говорить, во-первых, об общественных изменениях, начавшихся еще в середине века, во-вторых, об изменениях научного знания и философской мысли. Социология оказалась перед необходимостью разработки новой методологии социального познания. Решение возникающих проблем происходило через пересмотр средств, предлагаемых позитивизмом и классическим идеализмом. Натуралистические теории общества подвергаются критике, как и прежние представления об эволюции и прогрессе. Главной задачей для ученых-социологов становится преодоление кризиса культуры и науки. Кризису позитивистской методологии в социологии в значительной степени способствовало развитие исторической науки во второй половине XIX в. Одной из проблем, требующих решения в рамках социологии, становится проблема смысла истории. Широкий спектр вопросов складывается в сфере правовой деятельности и правовых отношений. Особенно актуальной областью социальных исследований в России становятся отношения между правом и нравственностью и связанная с этим разработка ряда фундаментальных категорий: природа права, как социального института, обеспечивающего свободу индивида, автономия личности.

Ученые историки и юристы неокантианского направления (П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Л.И. Петражицкий, А.С. Лаппо-Данилевский, В.М. Хвостов) обращаются к изучению естественного права как к форме выражения базовых универсаль-

ных условий существования человека¹⁶. Под влиянием этих прогрессивных мыслителей происходит изменение взгляда на социальную реальность, которую они определяют как процесс психического взаимодействия индивидов. Категория общественного идеала наполняется новым смыслом и рассматривается в качестве абсолютного нравственного образования, существующего вне зависимости от исторических и социальных обстоятельств. Неокантианское направление в социологии, ведущая роль в котором принадлежала ученым правоведам и историкам, способствовало переориентации социальной мысли в целом и позволило открыть новые возможности для развития научного познания и преобразования общественных отношений. Одной из важнейших проблем этих общественных отношений и являлась проблема положения женщин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голосенко И.А. Субъективно-нормативная концепция П.И. Новгородцева и В.М. Хвостова // Социологическая мысль в России. Л., 1978.

Кареев Н.И. Русские юристы-социологи: В.М. Хвостов // Кареев В.М. Основы социологии. М., 1996.

Ковалевский М.М. Высшее женское образование // Вестник Европы. 1910. № 6.

Ковалевский М.М. Можно ли закрывать женщинам доступ в университеты? // Союз женщин. 1908. № 7–8.

Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 2014.

Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995.

Петражицкий Л.И. О женском равноправии. Речь, произнесенная в Государственной Думе 6 июня 1906 г. Пг., 1915.

Петражицкий Л.И. О пользе политических прав женщин. СПб., 1907.

Сорокин П.А. Система социологии. М., 2008.

Хвостов В.М. Женщина накануне новой эпохи (Два этюда по женскому вопросу). М., 1906.

Хвостов В.М. О равноправии женщин. М., 1911.

Хвостов В.М. Женщина и человеческое достоинство: исторические судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос. М., 1914.

Хвостов В.М. Женщина в обновленной культуре. М., 1917.

Хрестоматия по курсу “Основы гендерных исследований” / Отв. ред. О.А. Воронина. М., 2000.

Щапов А.П. Влияние общественного мирозерцания на социальное положение женщины в России // Щапов А.П. Соч. Т. 2. СПб., 1906. С. 55–104.

¹⁶ *Голосенко И.А.* Субъективно-нормативная концепция П.И. Новгородцева и В.М. Хвостова // Социологическая мысль в России. Л., 1978.

Щапов А.П. Значение народной женщины в антропологическом и социальном развитии русской народности // Щапов А.П. Соч. Т. 2. СПб., 1906. С. 31–55.

Щапов А.П. Положение женщины в России по до-петровскому воззрению // Щапов А.П. Соч. Т. 2. СПб., 1906. С. 105–154.

Щапов А.П. Миросозерцание, мысль, труд и женщина в истории русского общества // Щапов А.П. Соч. Т. 3. 1908. С. 431–605.

Южаков С.Н. Женщина-избирательница: к вопросу о реформе русского избирательного права. М., 1906.

Южаков С.Н. Социологические этюды. М., 2008.

REFERENCES

Golosenko I.A. Sub#ektivno-normativnaja koncepcija P.I. Novgorodceva i V.M. Hvastova [Novgorodtsev and V. M. Hvastov's subjective and regulatory concept] // Sociologicheskaja mysl' v Rossii 1978. [Sociological thought in Russia]. Leningrad, 1978 (in Russian).

Hvastov V.M. Zhenshhina i chelovecheskoe dostoinstvo: istoricheskie sud'by zhenshhiny. Priroda zhenshhiny. Zhenskij vopros [Woman and human dignity: Historical destinies of the woman. Woman's nature. Women's issue]. М., 1914 (in Russian).

Hvastov V.M. O ravnopravii zhenshhin [About equality of women]. М., 1911 (in Russian).

Hvastov V.M. Zhenshhina nakanune novej jepohi (Dva jetjuda po zhenskomu voprosu) [The woman on the eve of a new era (Two etudes on a women's issue)]. М., 1906 (in Russian).

Hvastov V.M. Zhenshhina v obnovlennoj kul'ture [The woman in the updated culture]. М., 1917 (in Russian).

Hrestomatija po kursu "Osnovy gendernyh issledovanij" / Otv. red. O.A. Voronina [Anthology of the course "Bases of Gender Researches"]. М., 2000 (in Russian).

Juzhakov S.N. Zhenshhina-izbiratel'nica: k voprosu o reforme russkogo izbiratel'nogo prava [Female voter: to a question of reform of the Russian electoral right]. М., 1906 (in Russian).

Juzhakov S.N. Sociologicheskie jetjudy [Sociological etudes]. М., 2008 (in Russian).

Kareev N.I. Russkie juristy-sociologi: V.M. Hvastov [Russian lawyers-sociologists: V. M. Hvastov] // Kareev V.M. Osnovy sociologii [Fundamentals of sociology]. М., 1996 (in Russian).

Kovalevskij M.M. Mozhno li zakryvat' zhenshhinam dostup v universitety? [Whether women can close access to universities?] // Sojuz zhenshhin [Union of women]. SPb., 1908. N 7–8 (in Russian).

Kovalevskij M.M. Oчерк proishozhdenija i razvitija sem'i i sobstvennosti [Sketch of an origin and development of a family and property]. М., 2014 (in Russian).

Kovalevskij M.M. Vysshee zhenskoe obrazovanie [The higher female education] // Vestnik Evropy. 1910 [Messenger of Europe]. 1910. N 6 (in Russian).

Kozlovskij V.V. Istorija ruskoj sociologii XIX–XX vv. [History of the Russian sociology of the 19–20th centuries]. M., 1995 (in Russian).

Petrazhickij L.I. O pol'ze politicheskikh prav zhenshin [About advantage of the political rights of women]. SPb., 1907 (in Russian).

Petrazhickij L.I. O zhenskom ravnopravii. Rech', proiznesennaja v Gosudarstvennoj Dume 6 ijunia 1906 g. [About female equality. The speech delivered in the State Duma on June 6, 1906]. Pg., 1915 (in Russian).

Shhapov A.P. Polozhenie zhenshhiny v Rossii po do-petrovskomu vozzreniju. Sochinenija. [Position of the woman in Russia on pre-Pertine view] // Shhapov A.P. Sochinenija [Compositions]. T. 2. SPb., 1906. P. 105–154 (in Russian).

Shhapov A.P. Vlijanie obshhestvennogo mirosozercanija na social'noe polozhenie zhenshhiny v Rossii [Influence of a public world view on a social position of the woman in Russia] // Shhapov A.P. Sochinenija [Compositions]. T. 2. SPb., 1906. P. 55–104 (in Russian).

Shhapov A.P. Znachenie narodnoj zhenshhiny v antropologicheskom i social'nom razvitii ruskoj narodnosti [Value of the national woman in anthropological and social development of the Russian nationality] // Shhapov A.P. Sochinenija [Compositions]. T. 2. SPb., 1906. P. 31–55 (in Russian).

Shhapov A.P. Mirosozercanie, mysl', trud i zhenshhina v istorii russkogo obshhestva. Sochinenija [A world view, thought, work and the woman in the history of the Russian society] // Shhapov A.P. Sochinenija [Compositions]. T. 3. SPb., 1908. P. 431–605 (in Russian).

Sorokin P.A. Sistema sociologii [System of sociology]. M., 2008 (in Russian).

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-2-75-94

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ЛОББИЗМА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ В ПОЛИТИКЕ

П.С. Каневский, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматриваются особенности сравнительного анализа групп интересов и лоббизма. Это относительно новое направление для политической социологии и политической компаративистики, которое лишь начинает обретать теоретико-методологические очертания. Тем не менее, несмотря на то что сравнительный анализ групп интересов и лоббизма вышел за рамки американской политической науки и американистики, в научном сообществе все еще не хватает целостной дискуссии о том, на каких основаниях должны проводиться подобные исследования. Переменные для сравнительного анализа, которые предлагаются в данной работе, основаны на ревизии взглядов Габриэля Алмонда, а также на концепциях, которые используются в изучении лоббизма в последние два десятилетия. Автором показано, что подход Г. Алмонда к сравнительному анализу групп интересов и систем групп интересов не потерял актуальности, но требует актуализации в условиях современного этапа развития политических систем. В итоге в качестве базовых критериев предлагается анализ типов систем групп интересов, взаимосвязи групп интересов с типом партийной системы, интеракции групп интересов с органами исполнительной власти и бюрократией, влияния групп интересов на общественное мнение, их роли в публичной политике, процессов институционализации лоббизма, типов стратегий, используемых группами интересов во взаимодействии с органами власти. Данный набор критериев охватывает практически весь теоретико-методологический спектр сравнительных исследований групп интересов и лоббизма, которые проводятся сегодня различными учеными в разных странах. Статья нацелена на то, чтобы показать, что более всесторонний и углубленный сравнительный анализ групп интересов и лоббизма открывает новые возможности для изучения современных политических процессов, складывающихся в условиях изменения институциональной, социальной, экономической среды общества.

* Каневский Павел Сергеевич, e-mail: baggio-18@yandex.ru

Ключевые слова: группы интересов, лоббизм, лоббистские стратегии, сравнительный анализ групп интересов и лоббизма, политическая система, партийная система, гражданское общество, бюрократия, публичная политика, общественное мнение.

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOBBYING MODELS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF INTEREST GROUPS RESEARCH

Kanevskiy Pavel S., PhD in political science, Associate Professor of the Political science and sociology of Political Processes Department, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: baggio-18@yandex.ru

The article examines the features of a comparative analysis of interest groups and lobbying. This is a relatively new trend for political sociology and comparative politics that only begins to gain theoretical and methodological outlines. Nevertheless, despite the fact that the comparative analysis of interest groups and lobbying has gone beyond the scope of American political science and American studies, the scientific community still lacks understanding what should be the basis of the research. The variables for comparative analysis that are proposed in this paper are based on the revision of Gabriel Almond's views, as well as on the concepts that have been used in the study of lobbyism in the last two decades. The author shows that Almond's approach to comparative analysis of interest groups and interest groups systems has not lost its acuteness, but it requires actualization in the current stage of political systems' development. As a result, the author proposes the following variables: types of interest groups systems, the interrelationship of interest groups with the party system, the interaction of interest groups with bureaucracy, the influence of interest groups on public opinion, their role in public policy, the processes of lobbying institutionalization, types of strategies used by interests groups in interaction with authorities. This set of criteria covers the most part of theoretical and methodological spectrum of comparative studies of interest groups and lobbying which are conducted by different scientists in different countries. The article aims to show that a more comprehensive and in-depth comparative analysis of interest groups and lobbying brings new opportunities for studying contemporary political processes under the conditions of changing institutional, social and economic environment of the society.

Key words: interest groups, lobbying, lobby strategies, comparative analysis of interest groups and lobbying, political system, party system, civil society, bureaucracy, public policy, public opinion.

Политический мир переживает сегодня эпоху глубинных трансформаций, которые не только меняют отношения между властвующими и подвластными, но и порождают новые вопросы о роли государства и его взаимодействии с обществом. Глобализационные процессы, сдвиги в социальной структуре, увеличивающаяся роль

рынка приводят к тому, что устоявшиеся политические теории не всегда справляются с описанием и осознанием этих процессов. Одной из главных черт современной политики становится ее многоакторность, когда привычные рамки функционирования политических систем расширяются под воздействием постоянно растущего количества внеинституциональных факторов, усложняющегося механизма взаимодействия между гражданским обществом и государством.

Одним из главных факторов, способствующих усложнению политического процесса и процесса принятия политических решений, стало развитие лоббистских отношений — деятельности групп интересов и групп давления, направленной на прямое или косвенное влияние на органы власти. С одной стороны, групповые интересы были всегда, однако никогда в истории они не определяли политический ландшафт до такой степени, как сегодня. Процесс усиления группового влияния шел разнонаправленно в разных странах, потому что везде он был встроен в национальную институциональную структуру, зависел от политических традиций, политической культуры и рыночных отношений.

В современном мире групповые интересы имеют множество форм: частные и государственные корпорации, финансовые организации, торговые и бизнес ассоциации, консалтинговые, PR и GR фирмы, СМИ, некоммерческие, благотворительные и экологические организации, профсоюзы и профессиональные ассоциации, аналитические центры, неупорядоченные группы гражданского общества. Это незаконченный перечень постоянно увеличивающихся в числе субъектов лоббизма, которые в последние три десятилетия стали одной из движущих сил политики как в развитых, так и в развивающихся государствах.

Процессы усиления роли групп интересов ставят перед научным сообществом новые задачи, в частности, необходимости более глубокого осмысления лоббизма в сравнительной перспективе. В то время как политические системы и отдельные институты, такие как партии и органы исполнительной власти, уже давно являются объектом для сравнительных исследований, группы интересов и лоббизм удивительным образом долгое время находились на втором плане. А ведь на фоне усложнения групповых интересов, их более глубокой интеграции в политический процесс, сравнение лоббистской деятельности в различных системах должно помочь понять, можем ли мы говорить о данном феномене как об универсалии, либо речь идет о множестве различных способов институционализации и развития института лоббизма и, следовательно, о различных подходах к его осмыслению.

Более того, вслед за усложнением механизма лоббизма, более комплексными стали и подходы к его изучению, активизировались дискуссии о том, какую роль должны играть различные дисциплины в анализе данного явления. Ввиду того что лоббизм с трудом поддается однозначным трактовкам, данный феномен требует не только политологического или юридического, но также социологического и поведенческого осмысления, ведь, в конечном счете, речь идет о логике групповых и межгрупповых действий, групповой динамике и складывающихся традициях взаимодействия и социального партнерства между обществом и государством. В то же время новые дилеммы возникают и с точки зрения классического институционализма, так как лоббизм все чаще выходит за пределы своих первоначальных границ — законодательной ветви власти, что традиционно считалось единственным допустимым его проявлением. Невозможно отрицать тот факт, что лоббизм сегодня направлен на исполнительные, а порой даже и судебные органы власти, что рождает споры об их допустимых социальных, политических и моральных пределах.

Например, в Соединенных Штатах активно обсуждается уже не столько предоставление большей свободы лоббистам, сколько ограничение их влияния — данная тема занимает одно из центральных мест в повестке президентских кампаний, начиная с середины 2000-х гг. Такие видные ученые, как Фрэнсис Фукуяма, открыто заявляют о том, что чрезмерно распространившиеся практики лоббизма становятся угрозой американской демократии. Казалось бы, постоянный общественный резонанс, связанный с лоббизмом, ведет к рационализации и упорядочению политического процесса, но насколько эффективна данная рационализация и как она в реальности влияет на расстановку сил в политическом процессе — вопрос для большой дискуссии. Иными словами, природу лоббизма невозможно понять без междисциплинарного взгляда на данное явление, так как в этой сфере пересекаются предметные области политической социологии, политического институционализма, экономики, юриспруденции, а в последнее время и международных отношений, так как лоббизм распространился далеко за пределы национальных границ.

Развитие нового витка дискуссии о лоббизме требуется не только самому научному сообществу, все более очевидными становятся запросы от государства, рынка и гражданского общества, так как всестороннее осмысление природы взаимодействия групп интересов и власти позволит государствам и обществам более внимательно и трезво оценивать перспективы развития лоббистских отноше-

ний, того, каким образом они влияют на политический процесс, социальные отношения и экономические процессы в обществе.

Одной из очевидных проблем, стоящих на пути создания универсального сравнительного подхода, является то, что вплоть до начала XXI в. сравнительный анализ групп интересов и лоббизма был преимущественно вотчиной американских ученых и американистов¹. Лишь в последние два десятилетия данное исследовательское поле становится более интернациональным, во многом благодаря распространению сравнительного изучения лоббизма в Евросоюзе и развивающихся странах². Впрочем, говорить о единых подходах преждевременно, так как исследования построены на разной методологии и разных концепциях, им не хватает единого научного аппарата и общих критериев. Поэтому одной из задач научного сообщества сегодня является активизация многостороннего диалога о том, что должно стать основанием выбора критериев для сравнения групп интересов и лоббизма в различных политико-социальных системах мира. Целью должно быть создание более универсальной методологической матрицы, которая позволит раскрывать суть и национальные особенности механизма лоббизма, а также разрабатывать более четкие классификации моделей лоббизма, исходя из современных социально-политических и экономических тенденций.

Первым шагом на пути к сравнительному анализу моделей лоббизма в современном мире должен стать выбор критериев, по которым будет анализироваться взаимодействие групп интересов с органами власти. Базовые рамки для сравнительного анализа

¹ *Kanol D.* Comparative lobbying research: advances, shortcomings and recommendations // *Journal of Public Affairs*. 2015. Vol. 15. N 1. P. 110.

² См., например: *Barron A.* The impact of national business cultures on large firm lobbying in the European Union: evidence from a large-scale survey of government affairs managers // *Journal of European Integration*. 2011. Vol. 33. N 4; *Beyers J., Eising R., Maloney W.* Researching interest group politics in Europe and Elsewhere: much we study, little we know? // *West European Politics*. 2008. Vol. 31. N 6; *Binderkrantz A.S., Rasmussen A.* Comparing the domestic and the EU lobbying context: perceived agenda-setting influence in the multi-level system of the European Union // *Journal of European Public Policy*. 2015. Vol. 22. N 4; *Holmana C., Luneburg W.* Lobbying and transparency: a comparative analysis of regulatory reform // *Interest Groups & Advocacy*. 2012. Vol. 1. N 1; *McGrath C.* The development and regulation of lobbying in the new member states of the European Union // *Journal of Public Affairs*. 2008. N 8; *Millar C., Köppl P.* Perspectives, practices and prospects of public affairs in Central and Eastern Europe: a lobbying future anchored in an institutional context // *Journal of Public Affairs*. 2014. Vol. 14, N 1; *Rival M.* Are firms' lobbying strategies universal? Comparison of lobbying by French and UK firms // *Journal of Strategy and Management*. 2012. Vol. 5. Iss. 2; *Sallai D.* European Union lobbying and the golden cage of post-socialist Network capitalism in Hungary // *Journal of Common Market Studies*. 2013. Vol. 51. N 5; *Thomas C.S., Hrebendar R.* Understanding interest groups, lobbying and lobbyists in developing democracies // *Journal of Public Affairs*. 2008. N 8.

групп интересов и лоббизма были заложены во 1950–1960-е гг. в рамках американской сравнительной политологии. После того как была вновь актуализирована работа Артура Бентли 1908 г. “Процесс государственного управления. Изучение общественных давлений”³, практически забытая научным сообществом в течение полувека, такими исследователями, как Дэвид Трумен, Дэвид Истон, Роберт Даль, Габриэль Алмонд, происходит переосмысление роли групп интересов в политике, их взаимосвязи с политическими партиями, гражданским обществом и бизнесом, процессами демократического развития. Вскоре благодаря усилиям ряда американских политологов и политических социологов, прежде всего, Г. Алмонда, изучение групп интересов переходит в плоскость сравнительного анализа. По сути, программная для данного направления статья Г. Алмонда 1958 г. “Сравнительное исследование групп интересов и политического процесса” является точкой отсчета сравнительного изучения групповых интересов в политике и по сей день остается одним из его важнейших теоретико-методологических оснований⁴.

Суть переменных, предложенных Г. Алмондом, можно свести к простой формуле – взаимодействие групп интересов и органов власти зависит от того, какую форму принимает процесс артикуляции интересов в разных политических системах, как эти интересы переносятся в политические и государственные структуры, а затем превращаются в конкретные решения. Интеграция групп интересов в политический процесс и их степень влияния на него напрямую зависят от нескольких факторов: 1) типа системы групп интересов, сложившейся в обществе; 2) взаимосвязи групп интересов с типом партийной системы; 3) интеракции групп интересов с органами исполнительной власти и бюрократией; 4) влияния групп интересов на общественное мнение, их роль в публичной политике.

По сути, Г. Алмонд предложил универсальные рамки для сравнительного анализа, куда включил все наиболее важные элементы политического процесса, относящиеся к взаимодействию групп интересов с органами власти и, шире, их воздействию на политический процесс в целом. Несомненная новизна работы Г. Алмонда заключалась в том, что он впервые провел классическое различие между системами групп интересов, присущими англо-американским политическим системам, системам европейско-континентального типа и так называемым незападным системам. Позднее, уже в 1980–

³ Бентли А. Процесс государственного управления. Изучение общественных давлений. М., 2012.

⁴ Almond G. A comparative study of interest groups and the political process // The American Political Science Review. 1958. Vol. 52. N 1.

1990-е гг., Г. Алмонд, вместе с коллегами компаративистами Дж. Пауэллом, К. Стромом, Р. Далтоном, вводит несколько иную терминологию для определения систем групп интересов, подразделяя их на плюралистические, демократические корпоративистские и управляемые⁵. При этом раздел между плюралистическими и корпоративистскими системами схож с тем, что был предложен ранее при делении на англо-американский и европейско-континентальный типы. Отличительными чертами плюралистических систем, присущих в первую очередь США, странам Содружества и отчасти Великобритании, является то, что членство в группах носит добровольный характер, они чаще имеют свободную и децентрализованную организационную структуру, а также в большинстве случаев отделены и независимы от правительства. В рамках подобной системы существует множество особых секторов общественных интересов или, если воспользоваться терминологией Роберта Даля, сфер принятия решений⁶. Каждая из сфер принятия решений представлена самыми разными группами интересов, — от ассоциаций до профсоюзов, — которые ведут конкурентную борьбу между собой за право доступа к центрам власти.

В корпоративистских же системах, в наиболее классическом виде проявившихся в странах Скандинавии, Германии, Австрии, Нидерландах, взаимодействие групп интересов друг с другом и центрами принятия решений носит более упорядоченный и вертикальный характер. В такого рода системах существует тенденция к тому, что социетальный интерес (выраженный профсоюзами, бизнесом или гражданским обществом) будет представлен единой головной ассоциацией, имеющей централизованную структуру, а членство в ней будет обязательным. Выработка курса чаще всего осуществляется государством и подобными ассоциациями совместно, по установленным, формальным и соблюдаемым всеми правилами.

Различия между плюрализмом и корпоративизмом также является классической темой для работ Филиппа Шмиттера. Под плюрализмом Ф. Шмиттер понимал равные возможности для групп интересов мобилизовать ресурсы и влиять на политику. И все же основное внимание он уделял корпоративизму, так как считал, что это модель социального партнерства будущего: во всем мире существует тенденция к установлению четко структурированных и иерархических отношений между группами интересов и государством, когда ограниченное и согласованное количество групп

⁵ См.: Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002. С. 136–138.

⁶ См.: Dahl R. Who governs? Democracy and power in an American city. L.; Yale, 1961. Ch. 6.

намеренно включается в процесс принятия решений, чтобы гарантированно отразить основные общественные интересы⁷. Если вдаваться в более серьезный политэкономический, сравнительно-исторический и социологический анализ, мы увидим, что корпоративистская система действительно глубоко укоренена в европейской истории и культуре, ее черты можно увидеть и в системах гильдий, складывавшихся в Средневековье, и в социальных программах Отто фон Бисмарка, которые заложили основу современного социального государства в Европе, и в том, что Эмиль Дюркгейм называл духом корпоративизма.

И все же стоит задаться вопросом: в какой степени деление на корпоративистские и плюралистические системы групп интересов является полностью оправданным в качестве основания для сравнительного анализа. Даже Г. Алмонд, вводя подобное деление, всегда предупреждал, что данные типы систем склонны к синергии, т.е. высока вероятность, что страны плюралистического типа будут использовать механизмы взаимодействия групп интересов с государством, свойственные корпоративизму, равно как и наоборот. Поэтому он считал, что, например, во Франции или Японии, в которых развито сильное корпоративное начало, одновременно существуют и отчетливые плюралистические тенденции⁸. При этом у нас есть все основания считать, что плюрализм усилил свое влияние и в тех странах, которые традиционно считались исконно корпоративистскими. Ряд исследований показывают, что по мере сокращения количества профсоюзов, фрагментации групповых интересов, снижения политической активности граждан, усиления роли национальных парламентов и развития частного сектора традиционный корпоративизм переживает очевидный упадок⁹.

Характерным является пример Норвегии, которая долгое время считалась страной идеальной корпоративистской модели. С начала XXI в. почти все исследования норвежского политического процесса показывают, что государство стало более фрагментированным, политики, воодушевленные неолиберальным курсом и реформой системы публичного администрирования, все чаще воспринимают себя как помеху для общественных групп интересов и добровольно

⁷ См.: *Schmitter P.* Interest intermediation and regime governability in contemporary Western Europe and North America // *Organizing Interests in Western Europe* / Ed. by S. Berger. Cambridge, 1983. P. 285–327.

⁸ См.: *Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон П.* Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002. С. 137.

⁹ См.: *Öberg P., Svensson T., Christiansen P.M., Nørgaard A.S., Rommetvedt H., Thesengoop G.* Disrupted exchange and declining corporatism: government authority and interest group capability in Scandinavia // *Government and Opposition*. 2011. Vol. 46. N 3. P. 365–391.

снижают свою роль в принятии решений¹⁰. Все это является следствием масштабного дерегулирования экономики и передачи управленческих функций общественным организациям. Данные процессы привели к тому, что традиционный механизм согласования интересов между большими ассоциированными группами и государством уступает более горизонтальной плюралистической модели, а также ведет к усилению парламента, который долгое время был скорее в тени государственной бюрократии, бывшей основным координатором всех корпоративистских отношений¹¹. Если увеличить масштаб данных процессов, то мы увидим, что в последние три десятилетия они характерны не только для Норвегии, но и для всех стран развитого и, частично, развивающегося мира.

Следовательно, если мы можем однозначно говорить о какой-либо тенденции, то это будет укрепление плюралистических отношений и частичное, хотя и не полное, снижение роли корпоративизма. Поэтому, чтобы использовать различия между плюрализмом и корпоративизмом в качестве одной из составляющих сравнительного анализа групп интересов и лоббизма, необходимо со всей тщательностью отнестись к процессам, которые формируют ту или иную модель социального партнерства, в первую очередь — к институциональным и экономическим преобразованиям, а также идеологическим вопросам, касающимся взаимодействия государства и больших общественных групп и движений. В частности, упадок социал-демократических идей, который можно повсеместно наблюдать в Западном мире, является одной из важнейших идеологических предпосылок кризиса корпоративизма. Развитие же неолиберализма и индивидуализма, напротив, является главным спутником распространения плюралистических практик и горизонтальных связей.

Важно также понимать, что, если в развитых странах Запада и ряде Азиатских государств баланс внутри систем групп интересов меняется медленно, а порой носит циклический характер (например, зависит от электоральных циклов), то в развивающихся странах, либо в странах относительно недавно перешедших к демократическим институтам и рыночным правилам, ситуация будет иной. Те системы, которые Г. Алмонд назвал управляемыми, даже если сегодня они формально стали демократиями, в большинстве случаев продолжают испытывать на себе политические традиции недавнего

¹⁰ См.: *Osterud O.* Norway in transition: transforming a stable democracy. L.: N.Y., 2013.

¹¹ См.: *Rommetvedt H., Thesen G., Christiansen P.M.* Coping with corporatism in decline and the revival of parliament. Interest group lobbyism in Denmark and Norway, 1980–2005 // *Comparative Political Studies*. 2013. Vol. 46. Iss. 4.

прошлого. Для таких систем характерны многие черты, свойственные корпоративизму, однако это корпоративизм более авторитарного типа, в котором государство играет еще более существенную роль с точки зрения контроля групповых интересов и интеграции всех интересов в монопольные, вертикальные управленческие структуры.

В этом заключается сложность изучения групп интересов в странах постсоветского пространства, Центральной и Восточной Европы, развивающихся странах Азии и Латинской Америки, так как в большинстве случаев приходится констатировать сложные пересечения всех трех моделей. В подобных странах на разных территориальных уровнях, в различных сферах принятия решений могут одновременно существовать признаки и плюралистической, и корпоративистской, и управляемой систем при значительном влиянии теневых отношений и неформальных групп интересов: клик, кланов, встроенных групп давления, преступных группировок и пр.

Чтобы в полной мере использовать типологию систем групп интересов в качестве детерминанты для сравнительного анализа, необходимо четко понимать, что речь идет не о причислении той или иной страны к определенной модели, а лишь о степени влияния и, возможно, доминировании одного из типов, которые в чистом виде в современном мире более не встречаются. Но чтобы ответить на вопрос, почему в обществе сложился тот или иной баланс между группами интересов и государством и почему их взаимодействию свойственны определенные лоббистские отношения, необходимо понять, какого рода и в каком количестве существуют группы и насколько успешно они справляются с функцией артикуляции интересов своих целевых общностей; насколько данные группы независимы от государства и какова природа их взаимодействия друг с другом — носит ли она более конкурентный, либо консенсусный характер; в каком состоянии находится процесс регулирования и дерегулирования рыночных отношений; каким образом системы реагируют на политические интересы, какие институциональные формы агрегирования они предлагают и насколько данные формы эффективны. Как мы видим, в этом анализе начинает явно прослеживаться междисциплинарность, о которой говорилось ранее, так как затронуты как вопросы субъективной, ценностной и идеологической стороны политики, так и взаимосвязи политического и экономического развития. При этом нельзя забывать, что анализ механизма взаимодействия групп интересов с органами власти должен быть вписан в общую логику функционирования политических систем, поэтому, вслед за Г. Алмондом, необходимо учитывать взаимосвязи групп с партийной системой и бюрократией, которые образуют следующий уровень сравнительного анализа.

Взаимодействие групп интересов с партиями и законодательной ветвью власти является одной из наиболее классических тем в анализе лоббизма. В западных демократиях влияние на партийные системы и парламенты обычно рассматривается как одна из основных целей групп интересов. Исходя из описанной выше логики, чем более сильными и независимыми от бюрократии являются политические партии, тем весомее становятся парламенты и тем выше вероятность, что будет происходить развитие плюралистических отношений – это именно та тенденция, которая сегодня очевидна во многих развитых и развивающихся странах. Тем не менее, как отмечает Вайнета Ядав, исследователь лоббизма в развивающихся странах, чем сильнее в политической системе становятся партии, тем больше вероятность, что деятельность групп интересов будет направлена на взаимодействие скорее с руководством партии и партийными комитетами, нежели с отдельными законодателями¹². В. Ядав также утверждает, что группы интересов будут скорее взаимодействовать с руководством партий и поддерживать партии во время предвыборных циклов, если существует строгая партийная дисциплина. Это отчасти может объяснить, почему в корпоративистских странах с традициями партийной дисциплины, важной ролью идеологии и высокой степенью коллективизма при принятии решений группам интересов было выгоднее налаживать контакт на стратегическом уровне руководства, чем на уровне отдельных членов партии. В плюралистических же системах, напротив, политические партии менее зависимы от идеологии и, следовательно, больше направлены на то, чтобы агрегировать наибольшее количество общественных интересов, превращая их затем в то, что Р. Даль называл усредненным общественным интересом.

Плюрализм приводит к тому, что в обществе естественным образом формируются коалиции групп интересов, которые охватывают одну или несколько сфер принятия решений и могут в течение длительного времени оказывать влияние на органы власти. Плюралистическая система в большей степени схожа с моделью рынка, где партии и группы интересов находятся в постоянной конкурентной борьбе за политические ресурсы. В 1958 г. Г. Алмонд считал, что «партийная система служит своего рода фильтром групповых интересов, отбирая лишь наиболее общественно важные, и препятствует чрезмерному влиянию узконаправленных “специальных” интересов»¹³. Современная групповая динамика, конечно,

¹² См.: *Yadav V. Political parties, business groups, and corruption in developing countries.* Oxford, 2011. P. 190.

¹³ *Almond G. A comparative study of interest groups and the political process // The American Political Science Review.* 1958. Vol. 52. N 1. P. 275.

в корне изменилась за последние 60 лет и те самые узконаправленные интересы, к которым Г. Алмонд относился с определенной долей опасения, сегодня во многом доминируют в плюралистических системах, что является следствием невероятного разрастания и усложнения политического рынка.

Таким образом, рассматривая партийную систему, как одну из переменных для сравнительного анализа групп интересов и лоббизма, нужно понимать реальную силу, внутреннюю структуру, уровень дисциплины, степень идеологизации наиболее влиятельных политических партий, так как от этих факторов зависит, какую стратегию изберут группы интересов при взаимодействии с партиями. Также необходимо учитывать тот факт, что традиционные партии сегодня переживают эпоху глубинных трансформаций: в большинстве случаев они теряют общественную поддержку, возникают новые расколы внутри партий и партийных систем, что не может не сказываться на взаимодействии с группами интересов. Тем не менее, общая тенденция остается неизменной – чем более независимой от государственной бюрократии и децентрализованной является партийная система, тем с большей вероятностью будут развиваться активные лоббистские отношения между партиями и группами интересов. Соответственно, чем больше партийная система и парламент зависят от исполнительной власти, тем вероятней объединение групп интересов в корпоративные структуры.

Современный этап развития партийных систем и тех кризисных тенденций, которые он являет, напрямую влияет на следующую переменную – взаимодействие групп интересов непосредственно с органами исполнительной власти и бюрократией. Политические партии не всегда справляются с одной из главных своих функций – служить посредником между обществом и государством, вследствие чего развиваются прямые контакты лоббистов с чиновниками. Долгое время считалось, что данная практика в большей степени свойственна для развивающихся стран, в которых институт партий недостаточно развит и в которых сохраняется традиция сильного правительства, часто склонного к доминированию в политической системе. Однако сегодня роль бюрократии пересматривается применительно и к развитым демократиям. В ряде развитых стран, несмотря на развитие плюралистических отношений, бюрократия по-прежнему сохраняет свое влияние (страны Скандинавии, Германия, Австрия, Франция, Япония, Южная Корея), в других же, традиционно плюралистических государствах (США, Канада, Великобритания), напротив, происходит ее усиление.

Процесс усиления, либо ослабления бюрократии носит не односторонний характер, он зависит от идеологии, задающей

вектор роли государства в обществе (условно – либерализм против социал-демократии), в управлении экономикой (кейнсианство против монетаризма), от развития социального государства (что напрямую соотносится с социальной структурой общества), процессов политической интеграции (“европеизация” политики в странах Евросоюза) и т.д. Однако очевидно, что ценность контакта с бюрократией для групп интересов возрастает во всем мире, разница заключается лишь в причинах, которые и должны рассматриваться в рамках сравнительного анализа.

Наконец, последняя переменная, которая ни в коей мере не потеряла актуальности со времен сравнительных исследований Г. Алмонда и его школы, – это взаимосвязь групп интересов с общественным мнением и их роль в публичной политике. Г. Алмонд совершенно верно отмечает, что “одной из главных проблем во всей теории групп интересов является отношение между публично декларируемым и латентным интересом”¹⁴. Г. Алмонд считал, что от возможности групп интересов демонстрировать свою приверженность общественным интересам зависит легитимность всей системы групп интересов, партийной системы и, шире, политической системы. Иными словами, если граждане убеждены, что существующая система групп интересов не только позволяет отстаивать узко-партикулярные, “специальные” интересы, но также решать широкий спектр общественных проблем, успешно артикулировать социально значимые интересы, то это приводит к более открытым и гармоничным отношениям между обществом и группами интересов. Если же, напротив, групповые интересы замыкаются на корпоративных, частных интересах, это ведет к ослаблению артикуляции и снижению эффективности всей политической системы.

Проблема, которую уловил Г. Алмонд, является одной из самых сложных в сравнительном анализе лоббизма, так как затрагивает острейшую проблему соотношения публичной и теневой политики, влияния корпоративного мира и гражданского общества, а также ресурсов, которыми обладают группы интересов. Разница между публичными и непубличными решениями по сей день во многом определяет стратегию групп интересов, используемые технологии для достижения поставленных целей и структуру возникающих групповых коалиций. Современный исследователь групповых интересов Пеппер Кулпеппер отмечает, что общественная поддержка крайне необходима, если речь идет о публичных решениях, подразумевающих широкую дискуссию и вовлечение граж-

¹⁴ *Almond G. A comparative study of interest groups and the political process // The American Political Science Review. 1958. Vol. 52. N 1. P. 273.*

дан¹⁵. Но пространство публичной политики является крайне опасным и непредсказуемым как для групп интересов, так и для лиц, принимающих решения, потому что напрямую зависит от внимания СМИ и функционирования общественного мнения. В ситуациях, чреватых репутационными рисками, любое публичное официальное лицо будет стремиться продемонстрировать демократичность процесса принятия решений и максимально легитимизировать решение с помощью общественной дискуссии и поддержки. П. Кулпеппер делает ряд важных наблюдений — в частности, что группы интересов бизнеса пользуются значительным влиянием, когда речь идет о непубличных, закрытых для общественного внимания решениях. Он называет подобные процессы “тихой политикой”. Но как только вопрос переходит из категории “тихой политики” в публичную сферу, влияние корпоративных и узконаправленных групп интересов заметно снижается. В условиях публичности первоначальных целей добиться значительно сложнее, поэтому для продолжения политической борьбы группы интересов вынуждены как минимум декларировать общественный интерес, а часто и создавать более широкие коалиции с гражданским обществом или общественными движениями с тем, чтобы апеллировать к общественности.

Тем не менее, даже апелляция к общественности порой не способна изменить отношения граждан к традиции взаимодействия групп интересов с властью. Например, в странах, где исторически сильными были социал-демократическая идеология и дух корпоративизма при принятии решений, общественность с трудом приспосабливается к новым плюралистическим тенденциям. Так, несмотря на то, что в Швеции в последние годы активно развиваются горизонтальные связи между группами интересов и отдельными политиками, граждане воспринимают лоббизм как скрытый способ влияния на политиков со стороны отдельно взятых индивидов, а, исходя из традиций шведской культуры общности интересов и социальной солидарности, “это противоречит идее демократии и равноправия при процессе принятия решений”¹⁶. Здесь присутствуют и семантические особенности, так как шведы с трудом принимают само слово “лоббизм”. По словам представителя одной из консалтинговых фирм в Швеции, “если вы говорите о связях с общественностью, а не о лоббизме, то у людей обычно не возникает к вам предвзятого отношения, хотя суть деятельности и методы

¹⁵ См.: *Culpepper P.* Quiet politics and business power: corporate control in Europe and Japan. Cambridge, 2010.

¹⁶ *Kiros A.* Lobbying is taboo in Sweden // Network Europe. 2007.26.01. URL: <http://www.networkeurope.org/feature/lobbying-is-taboo-in-sweden>

воздействия при этом не меняются”¹⁷. До недавнего времени считалось, что ценности открытого и прозрачного шведского общества перевешивают потенциальные опасности нерегулируемого лоббизма. Хотя в последние годы в обществе усиливается дискурс о том, что многие члены Ригсдага в реальности вовлечены в работу различных групп интересов, а последние, в свою очередь, оказывают серьезное влияние на государственную политику.

Шведский пример характерен для многих других стран мира, где лоббизм часто воспринимается как разновидность коррупции, хотя мало кто возьмется отрицать, что в любом обществе существует механизм взаимодействия групп интересов и государства и что этот механизм таит в себе как элементы публичной политики, так и скрытые, теневые отношения. Однако дискуссия о пределах допустимости и степени влияния лоббизма постепенно становится все более широкой, что ведет национальные и наднациональные органы власти к постепенному осознанию масштаба проблемы — как минимум с точки зрения общественного резонанса и его влияния на легитимность политической системы. В то же время возникает запрос на открытость и от самих групп интересов, которые требуют более прозрачных и понятных правил. Причем данные процессы характерны в равной степени как для развитых, так и для развивающихся государств. Подобные требования становятся все более явными по мере активного распространения плюралистических отношений и усиления партикулярных интересов, особенно со стороны крупного бизнеса и индустрии. Таким образом, сравнительный анализ требует анализа общественных и профессиональных настроений по поводу восприятия, открытости и регулирования лоббизма, а также анализа взаимосвязи данных настроений с существующей политической культурой и политическими традициями. Благодаря этому возможно будет проследить, каким образом, например, упадок корпоративизма и развитие плюрализма сказываются на легитимности системы групп интересов, какую роль играет вовлечение широких социальных интересов в деятельность лоббистов, как это влияет на выбор стратегий группами интересов.

Проблемы общественного резонанса и открытости механизма лоббизма подводят нас к еще одной составляющей сравнительного анализа, которая отсутствовала в анализе Г. Алмонда, так как была актуализирована относительно недавно — речь идет о формализации института лоббизма посредством создания официальной регулятивной среды. Именно общественная дискуссия, поддержи-

¹⁷ *Kiros A. Op. cit.*

ваемая рядом заинтересованных групп, гражданским обществом, СМИ, НКО, интернет-ресурсами, привела к тому, что во всем мире в последние два десятилетия активно распространяются практики институционализации лоббизма. Но несмотря на то что все больше государств сегодня начинают признавать лоббизм в качестве нового политического института, в подавляющем большинстве стран процесс определения четких правил лоббистской деятельности и определения лоббизма на официальном политико-правовом уровне находится либо на стадии общественно-политического обсуждения, либо вовсе не рассматривается.

Страны, которые формально институционализировали лоббистскую деятельность, составляют абсолютное меньшинство. Сегодня это Австралия (первый закон о регулировании лоббизма принят в 1983 г., последний в 2008), Австрия (2012), Великобритания (2014), Венгрия (2013), Германия (1972), Израиль (2008), Ирландия (2015), Канада (основные законы от 1989, 2008), Литва (2001), Мексика (2010), Нидерланды (2012), Польша (2005, 2011), Словения (2010), США (1946, 1995, 2007), Франция (2013, 2016), Чили (2014)¹⁸. Как видно из данного списка, основная волна законов, регулирующих лоббистскую деятельность, пришлось на последнее десятилетие. Даже в Великобритании, которая рассматривается исследователями как одна из стран-родоначальниц лоббизма, институционализация лоббизма на государственном уровне произошла лишь в 2014 г. (если не считать существовавших до этого этических кодексов поведения в Парламенте), хотя даже эта нормативная база подвергается критике как неполная и не раскрывающая всего спектра лоббистских отношений.

Однако даже наличие официальных норм вовсе не означает, что процесс принятия решений ставится под контроль. В частности, активная дискуссия по поводу регулирования лоббизма, которая развернулась в последние годы в Евросоюзе, привела к парадоксу. Публичные и частные группы интересов, которые были главными инициаторами признания и регулирования лоббизма, в большинстве случаев в итоге сами устраняются от исполнения тех правил, на которых изначально настаивали. Проблема заключается в том, что лоббизм — это слишком сложный и многоуровневый механизм, чтобы его можно было полностью вывести из поля неформальных властных отношений и сами группы интересов это прекрасно

¹⁸ Данные Организации экономического сотрудничества и развития. 2017. URL: <http://www.oecd.org/gov/ethics/lobbying.htm>; Данные исследовательского отдела Европарламента; *Grosek K., Claros E.* Regulation of lobbying across the EU. 2016. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2016/595830/EPRS_ATA\(2016\)595830_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2016/595830/EPRS_ATA(2016)595830_EN.pdf)

осознают. Таким образом, сталкиваются два противоречащих друг другу вектора. С одной стороны, от общества исходят требования сделать политический процесс более прозрачным, с другой стороны, как группы интересов, так и политики осознают преимущество неформальных отношений и не желают полностью от них отказываться. Исследования показывают, что в США, государстве, которое обладает самой совершенной на сегодняшний день правовой базой по регулированию лоббизма, значительная часть взаимодействий групп интересов, лоббистов и центров принятия решений происходит в тени (особенно, если речь идет о взаимодействии с бюрократией), не говоря о тех странах, в которых подобные законы практически не исполняются. Есть и обратные примеры, когда в странах, не имеющих никакой регламентации лоббистской деятельности, процесс взаимодействия групп интересов с государством носит упорядоченный и достаточно прозрачный характер, как это происходит в странах скандинавской модели, где представители ассоциаций, профсоюзов, промышленных объединений имеют институциональные возможности доносить свои интересы посредством участия в заседаниях профильных комитетов, через совещательные структуры и т.д.

Последний элемент сравнительного анализа, предлагаемый в рамках нашей концепции, который также стал объектом научного внимания относительно недавно, – это типы стратегий, применяемых группами интересов в процессе взаимодействия с органами власти. Хотя стратегии могут зависеть от значительного числа факторов и напрямую взаимосвязаны с теми переменными, о которых говорилось выше, ряд исследователей ведут дискуссии о создании более упорядоченных типологиях стратегий. Например, традиционным кейсом стало сравнение стилей и стратегий взаимодействия, свойственным США и странам Евросоюза. В частности, если европейские группы интересов предпочитают более осторожное, консенсусно ориентированное взаимодействие, то американские лоббисты выбирают более агрессивные, напористые стратегии. Коннор Макграт считает, что причиной данного различия являются разные политические культуры, другие исследователи, как, например, Корнелия Волль и Кристин Махони, предлагают скорее институциональные объяснения¹⁹. В частности К. Волль считает, что американская система создает условия, при которых “победитель

¹⁹ См.: *Mahoney C.* Brussels versus the beltway: advocacy in the United States and the European Union. Georgetown, 2008; *McGrath C.* Lobbying in Washington, London, and Brussels: the persuasive-communication of political issues. Lewiston; N.Y., 2005; *Woll C.* The brash and the soft-spoken: lobbying styles in a Transatlantic comparison // *Interest Groups & Advocacy.* 2012. N 1 (2).

получает все”, в то время как европейские институты вынуждают группы приходить к общему пониманию проблем. К. Махони также считает, что разница зависит от того, насколько высока вероятность, что рассматриваемое решение будет принято властями, какую роль в процессе принятия решений играют СМИ, от того, как устроена система выборов, наконец, от степени прозрачности механизма лоббизма.

Стратегии групп интересов в развивающихся государствах, недавно ставших демократиями, отличаются в силу того, что государства стремятся в большей степени контролировать механизм согласования интересов. Дорротья Саллаи в результате сравнения стратегий групп интересов среди старых и новых членов Евросоюза показала, что страны Центральной и Восточной Европы с трудом переходят к европеизации своей политики, т.е. группы интересов с меньшей вероятностью будут взаимодействовать с органами власти в Брюсселе, предпочитая национальный уровень, так как на этом уровне существует более понятная им система принятия решений, зачастую основанная на неформальных контактах высшего управленческого звена организаций с местными политиками и чиновниками²⁰. Замыкание групп интересов на внутреннем политическом рынке приводит к их отдалению от европейской политики и создает благодатную почву для евроскептических настроений, что является одной из причин провала европеизации в новых странах-членах Евросоюза.

В конечном счете, все указанные переменные для сравнительного анализа групп интересов и лоббизма могут стать ориентиром для более всестороннего описания моделей и практик лоббизма во всем мире. Данное направление сравнительного анализа лишь недавно начало обретать свои теоретические и методологические рамки. Для более согласованных позиций и системы понятий необходима более широкая дискуссия в среде академического сообщества, вовлеченного в проблематику групп интересов в политике. Эта тема является крайне актуальной и для современной России, в которой дискуссия о лоббизме занимает важное место в политическом дискурсе последней четверти века. Однако вместо простого копирования устоявшихся теорий и формальных аспектов регулирования лоббизма, российский пример необходимо вписать в мировой контекст, чтобы понять, чем он отличен от прочих моделей и чем похож на них. Ведь в конечном счете, в России присутствует собственная смесь корпоративистской, плюралисти-

²⁰ См.: *Sallai D.* European Union lobbying and the golden cage of post-socialist Network capitalism in Hungary // *Journal of Common Market Studies*. 2013. Vol. 51. N 5.

ческой и управляемой систем групп интересов, которые зависят и от партийной системы, и от бюрократии, и от соотношения частных и общественных интересов. В свою очередь эти элементы влияют на развитие ряда формальных и неформальных аспектов взаимодействия групп интересов с органами власти, на стратегии, избираемые группами интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002.

Бентли А. Процесс государственного управления. Изучение общественных давлений. М., 2012.

Портал Организации экономического сотрудничества и развития. 2017. URL: <http://www.oecd.org/gov/ethics/lobbying.htm>

REFERENCES

Almond G. A comparative study of interest groups and the political process // The American Political Science Review. 1958. Vol. 52. N 1.

Almond G., Paujell Dzh., Strom K., Dalton R. Sravnitel'naja politologija segodnja. Mirovoj obzor [Comparative politics today. A world view]. М., 2002 (in Russian).

Barron A. The impact of national business cultures on large firm lobbying in the European Union: evidence from a large-scale survey of government affairs managers // Journal of European Integration. 2011. Vol. 33. N 4.

Bentli A. Process gosudarstvennogo upravlenija. Izuchenie obshhestvennyh davlenij [The Process of Government: A Study of Social Pressures]. М., 2012 (in Russian).

Beyers J., Eising R., Maloney W. Researching interest group politics in Europe and Elsewhere: much we study, little we know? // West European Politics. 2008. Vol. 31. N 6.

Binderkrantz A.S., Rasmussen A. Comparing the domestic and the EU lobbying context: perceived agenda-setting influence in the multi-level system of the European Union // Journal of European Public Policy. 2015. Vol. 22. N 4.

Culpepper P. Quiet politics and business power: corporate control in Europe and Japan. Cambridge, 2010.

Grosek K., Claros E. Regulation of lobbying across the EU. 2016. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2016/595830/EPRS_ATA\(2016\)595830_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2016/595830/EPRS_ATA(2016)595830_EN.pdf)

Holmana C., Lunenburg W. Lobbying and transparency: a comparative analysis of regulatory reform // Interest Groups & Advocacy. 2012. Vol. 1. N 1.

Kanol D. Comparative lobbying research: advances, shortcomings and recommendations // Journal of Public Affairs. Vol. 15. N 1.

Kiros A. Lobbying is taboo in Sweden // Network Europe. 2007.26.01. <http://www.networkeurope.org/feature/lobbying-is-taboo-in-sweden>

Mahoney C. Brussels versus the beltway: advocacy in the United States and the European Union. Georgetown, 2008.

McGrath C. Lobbying in Washington, London, and Brussels: the persuasive-communication of political issues. Lewiston; N.Y., 2005.

McGrath C. The development and regulation of lobbying in the new member States of the European Union // *Journal of Public Affairs*. 2008. N 8.

Millar C., Köppl P. Perspectives, practices and prospects of public affairs in Central and Eastern Europe: a lobbying future anchored in an institutional context // *Journal of Public Affairs*. 2014. Vol. 14. N 1.

Öberg P., Svensson T., Christiansen P.M., Nørgaard A.S., Rommetvedt H., Thesengoop G. Disrupted exchange and declining corporatism: government authority and interest group capability in Scandinavia // *Government and Opposition*. 2011. Vol. 46. N 3.

Osterud O. Norway in transition: transforming a stable democracy. L.; N.Y., 2013.

Portal Organizacii jekonomicheskogo sotrudnichestva i razvitija [Organisation for Economic Co-operation and Development Website]. URL: <http://www.oecd.org/gov/ethics/lobbying.htm> (in Russian).

Robert R. Who governs? Democracy and power in an American city. L.; Yale, 1961.

Rommetvedt H., Thesen G., Christiansen P.M. Coping with corporatism in decline and the revival of parliament. Interest group lobbyism in Denmark and Norway, 1980–2005 // *Comparative Political Studies*. 2013. Vol. 46. Iss. 4.

Sallai D. European Union lobbying and the golden cage of post-socialist Network capitalism in Hungary // *Journal of Common Market Studies*. 2013. Vol. 51. N 5.

Schmitter P. Interest intermediation and regime governability in contemporary Western Europe and North America // *Organizing Interests in Western Europe* / Ed. by S. Berger. Cambridge, 1983.

Thomas C.S., Hrebenar R. Understanding interest groups, lobbying and lobbyists in developing democracies // *Journal of Public Affairs*. 2008. N 8.

Woll C. The brash and the soft-spoken: lobbying styles in a transatlantic comparison // *Interest Groups & Advocacy*. 2012. N 1(2).

Yadav V. Political parties, business groups, and corruption in developing countries. Oxford, 2011.

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-2-95-120

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ “ЗАБЫТЫХ ТРОПИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ” (на примере “сывороточного кризиса”)

А.Р. Курбанов, канд. полит. наук, доц. кафедры философии образования философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27, кор. 4., Москва, Российская Федерация, 119991*

Статья посвящена кризисной ситуации в глобальном здравоохранении, связанной с проблемой “забытых тропических заболеваний” (neglected tropical diseases) и ее социальным эффектам. Негативные социальные последствия, обусловленные ростом смертности и инвалидизации вследствие данной группы заболеваний, чаще всего связаны с тем, что их значение для современного общества рассматривается в контексте их эпидимического потенциала. Вследствие этого заболевания, распространенные в определенных регионах, но не имеющие инфекционной природы, могут вытесняться на периферию повестки дня в сфере здравоохранения, что приводит к соответствующим модификациям в поведении международных компаний, формирующих глобальный рынок биофармацевтических препаратов. На примере проблемы змеиных укусов, 9 июня 2017 г. включенной Всемирной организацией здравоохранения в перечень “забытых тропических заболеваний”, рассматриваются последствия “пренебрежения” подобными явлениями. С начала 2000-х гг. в различных тропических и субтропических странах отмечаются ситуации, получившие название “кризиса змеиных укусов” или “сывороточного кризиса”. Повышение стоимости основного средства терапии змеиных укусов – специфических иммуноглобулинов (противозмеиной сыворотки) приводит к тому, что системы здравоохранения развивающихся стран оказываются неспособны приобрести его, а производители теряют интерес к разработке этого вида биофармацевтической продукции. С начала 1980-х гг. несколько основных производителей сыворотки – Syntex, Behringwerke AG, Sanofi-Pasteur, Wyeth – прекратили ее производство или же совсем ушли с рынка. Следствием этого стал дефицит противозмеиной сыворотки, наблюдаемый в нескольких регионах, который привел к разрушению или искажению модели взаимодействия пациентов и медицинских структур, возрождению архаических практик, ставших альтернативой современным методикам, показавшим свою неэффективность из-за отсутствия ключевого препарата. Делается вывод о том, что качественное изменение ситуации возможно только в результате скоординированного взаимодействия различных групп акторов (представителей экспертного сообщества,

* Курбанов Артемий Рустямович, e-mail: ark112@yandex.ru

биофармацевтических компаний, национальных правительств, органов здравоохранения и международных организаций, включая ВОЗ).

Ключевые слова: забытые тропические заболевания, проблема змеиного укуса, сывороточный кризис, разрушение социального доверия.

SOCIAL EFFECTS OF “NEGLECTED TROPICAL DISEASES” (on the example of “antivenom crisis”)

Kurbanov Artemiy R., Candidate of Political Sciences, associated professor of Philosophy education department, Faculty of philosophy, Lomonosov Moscow State University, Lomonosov Avenue, 27, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: ark112@yandex.ru

The article is devoted to the crisis situation in global health connected with the problem of neglected tropical diseases and its social effects. Negative social consequences of this group of diseases, include increase in mortality and disability, are most often due to the fact that their importance for modern society is considered in the context of their epidemiological potential. As a result, diseases that are prevalent in certain regions but are not of an infectious nature can be displaced to the periphery of the health agenda. This fact leads to appropriate modifications in the behavior of international companies that form the global market for biopharmaceuticals. As the example we take the problem of snake bites, which was on June 9, 2017 included by the World Health Organization in the list of “neglected tropical diseases”. Since the beginning of the 2000s, in various tropical and subtropical countries, there have been situations called “snake bite crisis” or “serum crisis”. Increasing the cost of the main means of therapy for snake bites – specific immunoglobulins (antiserum or antivenins) leads to the fact that the health systems of developing countries are unable to purchase it, and producers lose interest in developing this kind of biopharmaceutical products. Since the early 1980s, several major producers of antivenins – Syntex, Behringwerke AG, Sanofi-Pasteur, Wyeth – have stopped production of them or have completely left the market. This resulted in a deficit of antivenins observed in several regions, which led to the destruction or distortion of the model of interaction between patients and medical structures, the revival of archaic practices that have become an alternative to modern techniques that have shown inefficiency due to the lack of a key component. It is concluded that a qualitative change in the situation is possible only as a result of the coordinated interaction of various groups of actors (representatives of the expert community, biopharmaceutical companies, national governments, health authorities and international organizations, including WHO).

Key words: neglected tropical diseases, the problem of snake bite, whey crisis, the destruction of social confidence.

Медицина прошла долгий и сложный путь развития, однако, в ряде стран экономические проблемы разрушают институциональную систему здравоохранения, толкая население к альтернативным

практикам, в которых возрождаются архаические паттерны поведения, основанные на нерациональных установках. Сложный ансамбль социальных практик, связанных с профилактикой и лечением различных заболеваний, уязвим не только с точки зрения его институционального каркаса и ресурсного обеспечения, но и с точки зрения тех конвенций, которые делают возможным взаимодействие различных акторов в рамках этих практик. Одной из таких конвенций является доверие пациентов и их окружения к институту здравоохранения в целом, к врачам, к достижениям медицинской науки, к конкретным методикам лечения и препаратам¹. Деструктивное воздействие на эту сферу приводит к дисфункции всего механизма общественного здравоохранения. Подобное воздействие может быть связано со структурными преобразованиями в сфере здравоохранения, с общим социокультурным контекстом ее функционирования, а может стать следствием нарушения сложившегося ресурсного баланса, обусловленного экономическими стратегиями глобальных акторов, которое приводит к локальному дефициту медицинских препаратов и/или ослабляет возможности системы здравоохранения. Особенно уязвимы в этом отношении системы здравоохранения развивающихся стран, в настоящее время ставших заложниками глобальной экономической ситуации и деятельности транснациональных корпораций, в том числе, связанных с производством медицинской и биофармацевтической продукции. Институциональная слабость сферы здравоохранения в развивающихся странах, ограниченные возможности государственных структур и локальных сообществ, специфические вызовы, обусловленные природно-климатическими условиями, усугубляют кризисную ситуацию, сложившуюся к настоящему времени в ряде регионов мира. На примере одного из таких вызовов, значение которого недавно получило признание со стороны Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), мы бы хотели рассмотреть особенности кризисных проявлений в этой сфере.

Интенсивная кампания по борьбе с инфекционными заболеваниями, осуществляемая Всемирной организацией здравоохранения с момента ее основания в 1948 г., привела к значительным успехам во второй половине XX в. (например, ликвидация оспы к началу 1980-х гг.). Дифференциация усилий ВОЗ в этом направлении привела к выделению ряда заболеваний, специфических для тропических и субтропических стран и ранее рассматривавшихся в общей совокупности тропических заболеваний, в особую группу, получив-

¹ См.: *Осипова Н.Г.* Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 4. С. 119–141. DOI: 10.24290/1029-3736-2016-22-4-119-141.

шую название “забытые тропические заболевания” (neglected tropical diseases). ВОЗ и ее партнеры по результатам изучения этих заболеваний на стратегическом техническом совещании в апреле 2005 г. в Берлине пришли к соглашению использовать для их профилактики и борьбы с ними общий и комплексный подход². В 2010 г. ВОЗ опубликовала первый доклад, посвященный “забытым тропическим заболеваниям”, их перечень состоял из 17 наименований³ и в дальнейшем несколько раз был дополнен. В этот перечень входят патологические состояния различной этиологии, основанием для объединения которых выступают два критерия – географический (“забытые тропические заболевания” распространены в экваториальной и субэкваториальной зоне и обусловлены природно-климатическими условиями этих территорий) и социально-экономический (синонимом термина “забытые тропические заболевания” выступает термин “болезни бедности”). Для большинства нозологических единиц, включенных в этот перечень, существуют препараты и терапевтические протоколы, с чисто медицинской точки зрения нет препятствий для борьбы с ними. Распространенность “болезней бедности” связана с низким уровнем социально-экономического развития в большинстве стран, входящих в эту зону, социальным неравенством в доступе к услугам здравоохранения, недостаточным уровнем развития сферы здравоохранения, неспособностью государства обеспечивать приоритеты социального развития, в том числе, здоровье населения. Немаловажным фактором в распространении “забытых тропических заболеваний” выступает образ жизни и структура экономики в большинстве стран региона, в которых преобладает сельскохозяйственный уклад, уровень урбанизации в целом невысокий, соответственно, высока степень непосредственного воздействия на людей природной среды. Есть и еще один объединяющий критерий – последствия “забытых тропических заболеваний” сопровождают человека в течение долгих лет, иногда – в течение всей жизни, они приводят к резкому ухудшению качества жизни, работоспособности, физическим страданиям и социальной стигматизации.

9 июня 2017 г. Всемирная организация здравоохранения дополнила список “забытых тропических заболеваний” еще одной строкой –

² Забытые тропические болезни. Профилактика, борьба и полная или частичная ликвидация. Доклад Секретариата Всемирной организации здравоохранения. URL: http://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/EB132/B132_19-ru.pdf (дата обращения: 15.11.2017).

³ Working to overcome the global impact of neglected tropical diseases. First WHO report on neglected tropical diseases. WHO/HTM/NTD/2010.1. URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/44440/1/9789241564090_eng.pdf (accessed: 15.11.2017).

“последствия змеиных укусов”, признав тем самым глобальный статус медицинской, социально-экономической и политической проблемы, о которой специалисты говорили начиная с 2000-х гг.⁴ В строгом смысле слова, укусы змей, как и укусы других животных, относятся к категории травм⁵, но собственно травматическое воздействие на организм человека, за исключением укусов крупных удавов и питонов, незначительно. Патологическое состояние организма развивается под воздействием химических соединений, из которых состоит яд – продукт сильно модифицированных слюнных желез. При попадании яда в кровь человека начинается цепь каскадных реакций, конечным итогом которых становится комплексное нарушение деятельности основных систем организма и разрушение его тканей. Поскольку укус является результатом взаимодействия человека и змеи, подобные происшествия имеют очевидную привязку к географическим ареалам распространения последних⁶. Укус змеи не обладает эпидемическим потенциалом инфекционных и паразитарных заболеваний. Локализованность проблемы змеиных укусов наряду с другими факторами (исходная категоризация змеиных укусов как несчастных случаев или травм, а не как тропического заболевания, отсутствие точных данных, свидетельствующих об их медицинском и социально-экономическом бремени, сложность и высокая стоимость лечения, конкуренция приоритетов в сфере здравоохранения в тропических странах⁷) повлияла на то, что среди всех “забытых” вызовов обще-

⁴ См.: *Chippaux J.-P.* Snakebite envenomation turns again into a neglected tropical disease! // *The Journal of Venomous Animals and Toxins Including Tropical Diseases*. 2017. Vol. 23. P. 38. DOI:10.1186/s40409-017-0127-6.

⁵ В МКБ-10 (версия 2016 г.) укусы змей отнесены к классу XX “Внешние причины заболеваемости и смертности (V01-Y98)” (рубрика “Контакт с ядовитыми животными и растениями (X20-X29)” – для ядовитых змей, рубрика “Воздействие живых механических сил (W50-W64)” – для неядовитых змей) (подробнее см.: <http://mkb-10.com>, <http://www.who.int/classifications/icd/en/>).

⁶ Значительная модификация форм взаимодействия животных и человека, обусловленная развитием и коммерциализацией зоокультуры во второй половине XX – начале XXI в., сделала возможным возникновение подобных инцидентов далеко за пределами естественных ареалов обитания этих животных. В специализированной литературе для их обозначения используется термин “exotic venomous snake bite”. Так, Американская ассоциация токсикологических центров (American Association of Poison Control Centers) сообщила о 900-х случаях укусов экзотических ядовитых змей в период с 2000 по 2009 г. в этой стране, причем в 40–50% степень отравления классифицировалась как тяжелая (подробнее см.: *Othong R., Sheikh S., Alruwaili N. et al.* Exotic venomous snakebite drill // *Clinical Toxicology*. 2012. Vol. 50. Iss. 6. P. 490–496. DOI: <http://dx.doi.org/10.3109/15563650.2012.690882>).

⁷ *Harrison R.A., Gutiérrez J.M.* Priority actions and progress to substantially and sustainably reduce the mortality, morbidity and socioeconomic burden of tropical snakebite // *Toxins*. 2016. Vol. 8. N 12. P. 351. DOI: 10.3390/toxins8120351.

ственного здравоохранения она оказалась самой “забытой”⁸. Вместе с тем ее масштаб весьма значителен: по данным ВОЗ, в мире ежегодно происходит до 5 млн укусов змей, из них около 2,4 млн приводят к развитию отравления, не менее 100 тысяч приводят к летальному исходу⁹. Эти данные не являются исчерпывающими, поскольку во многих странах нет надежных систем сбора сведений о подобных инцидентах. Реальное количество пострадавших может быть значительно больше, поскольку достаточно часто они не обращаются за медицинской помощью в силу удаленности соответствующих учреждений, бедности, недоверия к врачам¹⁰. И наконец, эти данные позволяют оценить только крайние показатели – общее количество пострадавших и количество летальных исходов. Между тем, значительное количество нелетальных отравлений змеиным ядом сопровождается стойким ухудшением здоровья пострадавших, нарушением функций отдельных органов, подвижности конечностей, может приводить к возникновению долго заживающих некротических ран и к ампутациям. Такие последствия почти не находят отражения на уровне обобщенных статистических данных, однако именно они становятся фактором, ограничивающим социальные возможности человека¹¹. Кроме того, проблему змеиных укусов в полной мере можно назвать “болезнью бедности”. Исследователи,

⁸ *Gutiérrez J.M., Burnouf T., Harrison R.A. et al. A multicomponent strategy to improve the availability of antivenom for treating snakebite envenoming // Bulletin of the World Health Organization. 2014. N 92. P. 526–532. URL: <http://www.who.int/bulletin/volumes/92/7/13-132431/en/> (accessed: 15.11.2017).*

⁹ Информационный бюллетень ВОЗ. 2013. Февр. № 373. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs373/ru/> (дата обращения: 15.11.2017).

¹⁰ Ряд экспертов оценивают значение показателя годовой смертности, вызванной укусами змей, как более высокое, чем совокупное значение аналогичного показателя для самых известных “забытых тропических болезней”, признанных ВОЗ (геморрагическая лихорадка денге, холера, лейшманиоз, шистосомоз, японский энцефалит и болезнь Чагаса) (см.: *Williams D., Gutiérrez J.-M., Harrison R. et al. The global snake bite initiative: an antidote for snake bite // Lancet. 2010. Vol. 375. P. 89–91*).

¹¹ В настоящее время практически отсутствуют комплексные исследования, посвященные этому вопросу. Первые попытки изучить социоэкономические последствия змеиных укусов с использованием DALY-методологии (сокр. от *disability-adjusted life year* – “годы жизни, скорректированные по нетрудоспособности”), и QALY-методологии (сокр. *quality-adjusted life-year* – “годы жизни, откорректированные на ее качество”) были предприняты в 2015–2017 гг. и имеют локальный характер (подробнее см.: *Hamza M., Idris M.A., Maiyaki M.B., et al. Cost-effectiveness of antivenoms for snakebite envenoming in 16 countries in West Africa // PLoS Neglected Tropical Diseases. 2016. Vol. 10. N 3. Doi:10.1371/journal.pntd.0004568; Habib A.G., Lamorde M., Dalhat M.M. et al. Cost-effectiveness of antivenoms for snakebite envenoming in Nigeria // PLOS Neglected Tropical Diseases. 2015. Vol. 1. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pntd.0003381/>; *Kasturiratne A., Pathmeswaran A., Wickremasinghe A.R. et al. The socio-economic burden of snakebite in Sri Lanka // PLOS Neglected Tropical Diseases. 2017. Vol. 7. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pntd.0005647>).**

обобщив доступные данные по числу змеиных укусов, уровню смертности, сопоставив их с показателями ИРЧП и ВВП на душу населения по странам мира, доли рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, пришли к выводу, что уровень смертности является самым высоким в тех странах, которые менее других способны выдержать финансовую нагрузку, связанную с профилактикой и лечением змеиных укусов. Выявлено наличие устойчивой обратной связи между показателем смертности, вызванной змеиными укусами, и государственными расходами на здравоохранение¹².

Ключевым элементом лечения последствий змеиных укусов в настоящее время является использование специфических иммуноглобулинов, образующихся в крови животных-доноров (как правило, лошадей или овец) вследствие их гипериммунизации ядами змей соответствующих видов – серотерапия. Своевременное применение сыворотки¹³ позволяет избежать развития большинства системных и местных эффектов, хотя и само по себе способно вызвать осложнения (аллергические реакции и “сывороточную болезнь”). В связи с этим, применение сыворотки возможно только в условиях медицинского учреждения и должно сопровождаться дополнительной симптоматической терапией. В целом, лечение последствий змеиных укусов представляет собой комплексную задачу, требующую специальных компетенций со стороны тех, кто оказывает медицинскую помощь на всех этапах, эффективной и скоординированной работы органов здравоохранения и привлечения всего потенциала современной биофармацевтической промышленности и достижений современной науки.

Методика лечения змеиных укусов совершенствовалась с течением времени. Укусы ядовитых змей стали рассматриваться в контексте социальных аспектов здравоохранения в XVII–XIX вв. по мере активной колониальной экспансии европейских государств в страны тропического и субтропического пояса и освоения территории Северной Америки. Поскольку социоэкономические системы

¹² Подробнее см.: *Harrison R.A., Hargreaves A., Wagstaff S.C. et al. Snake envenoming: a disease of poverty // PLOS Neglected Tropical Diseases. 2009. Vol. 3. N 12. DOI: 10.1371/journal.pntd.0000569.*

¹³ Здесь и далее мы будем использовать устоявшийся в отечественной литературе терминологический ряд “противозмеиная сыворотка”, “сыворотка против яда змей” и т.д., невзирая на определенную условность, связанную с этим. В полной мере эти термины применимы для обозначения соответствующих продуктов первой трети XX в., поскольку их современные аналоги являются результатом сложных биохимических технологий и также соотносятся с сыворотками прежних поколений, как “чистый пенициллин с сырым экстрактом из заплесневелого хлеба” (*Stock R.P., Massougoudji A., Alagón A. et al. Bringing antivenoms to Sub-Saharan Africa // Nat. Biotechnol. 2007. Vol. 25. N 2. P. 173–177.*)

в тропических колониях Старого света и независимых государствах обеих Америк в тот период были основаны на сельскохозяйственной деятельности, в которой преобладал ручной труд, неизбежные контакты с ядовитыми змеями стали причиной значительного количества несчастных случаев. Большой процент летальности и тяжелых последствий для здоровья вследствие этих инцидентов обусловил внимание со стороны общественности к вопросам их эффективной терапии. Заимствования методик лечения, принятых в местах распространения ядовитых змей (использование различных растений, в Африке – применение так называемого “черного камня”¹⁴), не позволяли достичь выраженного улучшения состояния пострадавших. К примеру, в Бразилии в конце XIX в. общество придавало столь высокое значение этому вопросу, что демонстрация первой научно обоснованной методики лечения укусов ядовитых змей, основанной на применении перманганата калия, была осуществлена ее автором – Жуан Батиста де Ласерда – в присутствии императора Бразилии Педру II¹⁵.

Поворотным моментом в лечении последствий змеиных укусов, который обусловил в последующем весь комплекс социальных практик, формирующийся вокруг подобных инцидентов, стало открытие иммунизирующего эффекта змеиного яда в последней четверти XIX в. Две группы французских ученых почти одновременно представили результаты своих исследований, показывающих перспективы применения антител, сформировавшихся в крови животных под воздействием возрастающих доз змеиного яда, для лечения последствий змеиных укусов у человека¹⁶. Собственно создание первого антидота к яду змеи связано с именем Альбера Кальметта, который организовал производство сыворотки на основе яда кобры из французского Индокитая (*Naja* sp.)¹⁷.

В дальнейшем, в 1900-е гг., ученые в нескольких странах повторяют опыты А. Кальметта и внедряют в производство сыворотки

¹⁴ *Chippaux J.-P., Diédhiou I., Stock R.* Étude de l'action de la pierre noire sur l'envenimation expérimentale // Cahiers d'études et de recherches francophones. Santé. 2007. Vol. 17. N 3. P. 127–131. DOI: 10.1684/san.2007.0076.

¹⁵ *Gomes A.C.V.* “Too Good to be true”: the controversy over the use of permanganate of potash as an antidote to snake poison and the circulation of Brazilian physiology in the nineteenth century // Bulletin of the History of Medicine. Vol. 86. N 2. P. 153–177. DOI: 10.1353/bhm.2012.0039

¹⁶ *Bochner R.* Paths to the discovery of antivenom serotherapy in France // Journal of Venomous Animals and Toxins including Tropical Diseases. 2016. Vol. 22. P. 20. URL: <https://dx.doi.org/10.1186/s40409-016-0074-7>.

¹⁷ *Hawgood B.J.* Doctor Albert Calmette 1863–1933: founder of antivenomous serotherapy and of antituberculous BCG vaccination // Toxicon. 1999. Vol. 37. N 9. P. 1241–1258. DOI: 10.1016/s0041-0101(99)00086-0.

к яду других змей. Витал Бразил Минейро да Кампанья в Бразилии выдвигает два тезиса, лежащих в основе теоретической токсикологии и производства сывороток до настоящего времени и получает их экспериментальное подтверждение: о видоспецифичности ядов (яд каждого вида змей уникален по своему химическому составу, соответственно, антитела к нему также являются уникальными) и о возможности создания поливалентной (полиспецифической) сыворотки, способной нейтрализовать яды нескольких видов змей (для ее производства животное-донор иммунизируется нарастающими дозами этих ядов)¹⁸. В настоящее время большинство продуктов, предлагаемых производителями противозмеиных сывороток, являются поливалентными.

Витал Бразил стал основателем первого в мире научно-производственного предприятия, специализирующегося на изготовлении противозмеиной сыворотки – Института Бутантан. Подобные объекты, обязательным элементом которых является серпентарий – место содержания змей, у которых получают яд для иммунизации животных-доноров, затем создаются и в других странах мира.

До настоящего времени не разработано методов лечения змеиных укусов, сравнимых по эффективности с сывороточной терапией. Появление в конце XX в. сывороток нового поколения свело к минимуму риск возникновения побочных эффектов при использовании этих препаратов, весьма распространенных ранее¹⁹. Вместе с тем, переход к новым технологиям очистки плазмы крови жи-

¹⁸ *Brazil V.* A defesa contra o ophidismo. São Paulo, 1911. URL: <http://dx.doi.org/10.5962/bhl.title.70080>

¹⁹ Сыворотки первого поколения представляли собой неочищенную плазму крови иммунизированных животных, которая, помимо антител к ядам, содержала значительное количество неспецифических белков. Вероятность развития аллергических реакций и сывороточной болезни при их применении достигала, в некоторых случаях, 50%. Сыворотки второго поколения основаны на технологии фракционирования иммуноглобулинов, что позволяет отделить неспецифические белки, в частности, высокоаллергенный альбумин. Сыворотки третьего поколения основаны на технологии протеолитической обработки иммуноглобулинов, позволяющей удалить потенциально аллергенные фрагменты Fc и сохранить фрагменты F(ab)₂ (единый комплекс из двух элементов) или же Fab (те же элементы по отдельности), с которыми связана нейтрализующая функция антител. В соответствии с названием активного компонента, мексиканские исследователи предложили термин “фаботерапия” вместо “серотерапия” (Подробнее см.: *Перельгина О.В., Комаровская Е.И.* Сравнительный анализ требований к качеству гетерологичных сывороточных препаратов в фармакопеех ведущих стран – производителей лекарственных средств // Биопрепараты. Профилактика, диагностика, лечение. 2017. Т. 1. № 61. С. 32–40; *Alagón A.* Anticuerpos seguros y eficaces: la revolución de los nuevos antivenenos // Revista de la Universidad Nacional Autónoma de México. 2002. N 617. URL: http://www.revistadelauniversidad.unam.mx/ojs_rum/index.php/rum/article/view/15507/16745/ (accessed: 15.11.2017)).

вотных-доноров существенно повысил стоимость конечного продукта, вследствие чего конечная стоимость лечения одного инцидента (обычно требуется не менее пяти доз сыворотки) может достигать нескольких десятков тысяч долларов²⁰. По мере развития наукоемкости биофармацевтической отрасли, одним из элементов которой является производство антител к змеиным ядам, стали возрастать затраты на разработку и внедрение новых противоядий. Несмотря на сохранение общих принципов получения антител к ядам змей (получение исходного антигена (змеиного яда), иммунизация животных-доноров – извлечение из плазмы крови антител к яду змей – обработка иммуноглобулинов и получение финального продукта – доклинические и клинические испытания), – каждый из элементов этой цепочки в отдельности стал существенно сложнее в технологическом и дорожке в финансовом плане. Соответственно, производство сыворотки с учетом ориентации на локальные фармацевтические рынки либо требует поддержки со стороны государства, либо становится частью глобальной стратегии фармацевтических предприятий, причем, производитель рано или поздно сталкивается с тем, что это направление не приносит ожидаемой выгоды (как пример, можно привести свертывание деятельности компании Beringwerke AG в конце 1980-х гг., отказ австралийской компании CLS Australia от продолжения исследовательских работ в области змеиных ядов при сохранении производства ранее разработанных сывороток после ее приватизации в 1994 г., прекращение Wyeth Laboratories производства всех видов сыворотки для США с 2003 г.).

Есть и еще ряд обстоятельств, на которые обращает внимание ВОЗ и специалисты в сфере герпетологии и токсикологии. С учетом видоспецифичности ядов змей, невозможно ввести в коммерческое производство сыворотки, обладающие прямым (специфи-

²⁰ Самый дорогой продукт на рынке противозмеиных сывороток – CroFab®, поливалентная сыворотка, нейтрализующая яд ямкоголовых змей, распространенных в Северной Америке (виды, принадлежащие к родам *Crotalus*, *Agkistrodon*, *Sistrurus*). Сыворотка производится международной биофармацевтической компанией BTG plc, главный офис и производственные мощности которой находятся в Лондоне. Животные-доноры – австралийские овцы, иммунизация ядом североамериканских змей, поступающим из США, производится в Австралии. Для производства сыворотки используется только компонент Fab2 получившихся иммуноглобулинов, дополнительно осуществляется очистка от неспецифических чужеродных белков. Средняя терапевтическая доза – шесть ампул. Стоимость 1 ампулы в розничной продаже составляет 3106 долл., по данным www.drugs.com, но может достигать и 4100 долл. (данные приведены по: *Boyer L.V. Commentary: on 1000-fold pharmaceutical price markups, and why drugs cost more in the US than in Mexico // American Journal of Medicine. Vol. 128. N 12. DOI: 10.1016/j.amjmed.2015.08.007*).

ческим) действием против яда каждого вида (в настоящее время в мире насчитывается порядка 600 видов змей, считающихся ядовитыми). Производство противозмеиных сывороток строится по принципу разумной достаточности – на основе эмпирических данных определяется совокупность видов, имеющих максимальную медицинскую значимость для конкретного региона, и их яд используется для получения необходимых иммуноглобулинов. Как правило, такая совокупность включает в себя до десяти видов, обычно – четыре–пять (классический пример – так называемая *Vig Four* – “большая четверка” индийских змей)²¹. По этому принципу до настоящего времени формируются комбинации ядов, используемые в поливалентных сыворотках. Часто сыворотки могут обладать параспецифической активностью в отношении ядов близкородственных видов²². Вместе с тем, медицинская статистика и современные токсикологические исследования показывают, что состав и действие яда змей разных популяций внутри одного вида могут существенно различаться, что делает неэффективным противоядие, полученное на основе применения яда змей из других популяций (точно так же может различаться состав яда змей одного вида, но разного возраста). Поэтому производство сыворотки сильно зависит от комплексных биохимических исследований, стоимость которых возрастает, а также от качества и места происхождения исходного сырья, что также повышает затраты на его организацию. Наконец, сам готовый продукт вне зависимости от его формы – жидкой или же сухой, требующей восстановления физраствором перед применением, – чувствителен к условиям хранения и транспортировки и имеет ограниченный срок годности, что заставляет органы здравоохранения внимательно относиться к планированию закупок.

Начиная с 1980-х гг. в различных регионах стали формироваться ситуации дефицита противоядий, иначе называемых “сывороточ-

²¹ Очковая кобра (*Naja naja*), гадюка Рассела (*Daboia russeli*), обыкновенный крайт (*Bungarus caeruleus*), песчаная эфа (*Echis carinatus*).

²² В настоящее время активно развивается веномика – новое перспективное направление биохимических исследований в рамках протеомики, изучающее химический состав белковых компонентов ядов животного происхождения и механизм их воздействия на другие живые организмы с использованием современных методов анализа. Результаты, полученные веномикой, позволяют на доклиническом этапе оценивать параспецифические способности конкретных сывороток, т.е. их способности к нейтрализации активных компонентов ядов змей других видов на основании тождества токсичных компонентов (См.: *Calvete J.J., Sanz L., Angulo Y. et al. Venoms, venomics, antivenomics // FEBS Letters. 2009. Vol. 583. Iss. 11. P. 1736–1743. DOI: 10.1016/j.febslet.2009.03.029*).

ными кризисами”²³. В 2000-х гг. они переходят в новое качество, один из самых масштабных охватывает страны Тропической Африки. В целом, к кризисам приводят два взаимосвязанных фактора:

– рост затрат на разработку и производство препаратов нового поколения становится невыгодным для производителя;

– итоговая цена препаратов становится слишком высокой для конечного потребителя вне зависимости от того, кто им является – частные лица, гражданские общины, государственные структуры.

Первым историческим примером кризисной ситуации в сфере обеспечения сферы здравоохранения противозмеиной сывороткой являются события в Бразилии в начале 1980-х гг. Эта ситуация была спровоцирована прекращением производства сыворотки компанией, занявшей в этой сфере доминирующие позиции. Бразилия являлась одним из лидеров в области производства противозмеиных сывороток благодаря Институту Бутантан в Сан-Паулу – детищу Витала Бразила, на многие годы задавшему стандарты научной и производственной деятельности в ней. Помимо Института Бутантан, сыворотки производились в г. Нитерой (штат Рио-де-Жанейро) в Институте Витала Бразила и в Институте Пинейрос. До 1950-х гг. правительство контролировало национальный рынок биофармацевтических препаратов, протекционистскими мерами ограничивая присутствие на нем иностранных компаний. С 1950-х гг., а особенно в период президентства Жуселину Кубичека, в результате нескольких реформ начинается экспансия иностранных фармацевтических компаний на бразильский рынок. К 1970-м гг. он в значительной степени (по некоторым оценкам, до 90%) переходит под их контроль. В основном проникновение осуществляется в форме прямого приобретения национальных компаний или же образования совместных предприятий, основная доля в которых принадлежит иностранным компаниям со смешанным (транснациональным) капиталом. Институт Бутантан и Институт Витала Бразила всегда были государственными предприятиями и избежали продажи, однако доля их продукции, в том числе противозмеиных сывороток, начинает стремительно снижаться. Основным производителем сывороток становится Институт Пинейрос, который в итоге был приобретен американской компанией Syntex Laboran. Совместное предприятие Syntex Laboran Pharmaceuticals S.A. к началу 1980-х гг. выпускало до 80% противозмеиных сывороток в стране. Претензии со стороны INCQS – Национальной системы

²³ “Сывороточный кризис” (*crise de soro*) – термин, появившийся в средствах массовой информации Бразилии в 1985–1986 гг. для описания первой подобной ситуации.

качества — к характеристикам биофармацевтических препаратов (противозмеиные сыворотки, противодифтерийная сыворотка и др.) заставили Syntex пересмотреть производственную политику. В 1983 г. компания объявила о прекращении производства антидотов к ядам змей в связи с его нерентабельностью, а в 1985 и вовсе ушла с рынка. Государственные предприятия (Институт Бутантан, Институт Витала Бразила, Фонд Езекиеля Диаса) не могли нарастить объем производства в силу объективных причин — нехватка финансирования, кадров, производственных мощностей, организационные затруднения. Вследствие этого по мере истощения запасов сыворотки в различных районах страны стала ощущаться ее нехватка в медицинских учреждениях. В средствах массовой информации появились сообщения о летальных исходах, вызванных укусами змей, которые были обусловлены отсутствием у врачей сыворотки. Настоящим шоком для бразильцев стала ситуация в июне 1986 г., когда в столице страны, Бразилиа, медики не смогли спасти пострадавшего от укуса змеи ребенка, поскольку в одной из центральных больниц не оказалось необходимого антидота. Страна, которая одной из первых в мире смогла создать систему производства и распространения противозмеиной сыворотки, в которой впервые в мире было получено эффективное поливалентное противоядие, оказалась перед лицом “*crise de soro*” — сывороточного кризиса. Нехватку других видов биофармацевтических препаратов можно было возместить в экстренном порядке за счет закупок за рубежом, но антидоты к ядам змей видоспецифичны и адекватных аналогов, произведенных с использованием ядов других видов, даже близкородственных, для них подобрать невозможно.

Правительство отреагировало быстро. В рамках самой масштабной в новейшей истории Бразилии реформы сферы здравоохранения были выделены следующие направления усилий для ликвидации кризиса и предотвращения его повторения:

— производство всех видов антидотов к ядам животных (змей, скорпионов, пауков, насекомых) было сосредоточено в четырех государственных центрах — Институте Бутантан, Институте Витала Бразила, Фонде Езекиеля Диаса (FUNED) и CPPI²⁴; были утверждены стандарты качества, предъявляемые к готовой продукции, а ее ассортимент обновляется в соответствии со статистическими данными об отравлениях зоотоксинами на территории страны;

— производство всех видов антидотов было включено в Национальную программу иммунизации населения как одна из приори-

²⁴ Centro de Produção e Pesquisa de Imunobiológicos — Центр производства и разработки иммунобиологических продуктов.

тетных задач и получило соответствующую государственную поддержку;

– была создана национальная система сбора данных обо всех инцидентах с участием ядовитых животных (в настоящее время – часть системы SINAN²⁵), включающая получение и обработку статистических данных о ключевых параметрах этих инцидентов. В дальнейшем информация SINAN используется при планировании производства и распределения сыворотки по медицинским учреждениям страны с учетом видового разнообразия и периодов максимальной активности ядовитых животных²⁶.

В случае бразильского кризиса налицо был первый фактор из описанной выше диады. Другая ситуация подобного рода (в Папуа-Новой Гвинее) была вызвана, скорее, вторым фактором.

В 2000-х гг. формируется кризисная ситуация в Папуа-Новой Гвинее, связанная с отсутствием противоядия в государственных медицинских учреждениях. Офиофауна Папуа-Новой Гвинеи в части ключевых видов, важных с точки зрения здравоохранения, идентична офиофауне северной части Австралии. Существующая в Австралии система медицинской помощи при укусах ядовитых змей, включая доклинический этап, работу экстренных служб, точную биохимическую и иммунобиологическую диагностику вида, к которому принадлежит змея, нанеся укусы, и, наконец, этап клинической помощи, специалистами единодушно оценивается как лучшая в мире²⁷. В связи с этим уровень смертности от укусов ядовитых змей (а на территории континента распространены виды, лидирующие по токсичности яда среди всех наземных змей)²⁸ рекордно низкий – с 2000 по 2016 г. змеиный яд в Австралии стал причиной смерти 35 человек (ежегодно в медицинские учреждения страны попадают около 550 человек, пострадавших от укусов змей)²⁹. Производителем противозмеиных сывороток является

²⁵ Sistema de Informação de Agravos de Notificação – Система обязательного уведомления о заболеваниях.

²⁶ Подробнее см.: *Bochner R., Struchiner C.J.* Acidentes por animais peçonhentos e sistemas nacionais de informação // *Cad. Saúde Pública.* 2002. Vol. 18. N 3. P. 735–746. URL: <http://dx.doi.org/10.1590/S0102-311X2002000300017>

²⁷ *Williams D.* Are Australian snakes the deadliest in the world? Not even close // *The Conversation*, CC BY-ND. 2016. 10 Jan. URL: <https://theconversation.com/are-australian-snakes-the-deadliest-in-the-world-not-even-close-50963> (accessed: 16.11.2017).

²⁸ По данным лабораторных исследований, самым токсичным ядом из всех наземных змей обладает тайпан внутренних территорий (*Oxyuranus microlepidota*), на втором месте находится коричневая змея (*Pseudonaja textilis*), на третьем – береговой тайпан (*Oxyuranus scutellatus*). Все эти виды – коренные обитатели Австралии.

²⁹ *Welton R.E., Liew D., Braitberg G.* Incidence of fatal snake bite in Australia: a coronial based retrospective study (2000–2016) // *Toxicon.* 2017. Vol. 131. P. 11–15.

глобальная биофармацевтическая компания CLS Australia, штаб-квартира которой расположена в Мельбурне.

Папуа-Новая Гвинея представляет собой абсолютную противоположность Австралии с точки зрения социально-экономической и медицинской статистики. ВВП Австралии, по данным Всемирного банка, составил в 2016 г. 1204 млрд долл., ВВП Папуа-Новой Гвинеи – 16 млрд долл.³⁰ Точная эпидемиологическая статистика по стране отсутствует, но по приблизительным оценкам количество змеиных укусов составляет около четырех тысяч в год, причем смертельные исходы – не менее 500 (по мнению отдельных специалистов – 1000 случаев) в год³¹. Далеко не все пострадавшие оказываются в медицинских учреждениях, что обусловлено неразвитостью их сети и крайне низким уровнем жизни местных жителей. Основным виновником летальных исходов является новогвинейский подвид берегового тайпана (*Oxyuranus scutellatus canni*), печально известным сочетанием крупных размеров, чрезвычайной подвижности, агрессивности, склонности к нанесению нескольких точных укусов и крайней токсичности яда. По австралийским данным, до создания специфического антитода известно всего два случая выживания после укуса тайпана³². Трагическая ситуация с укусами тайпана в Папуа-Новой Гвинее связана в первую очередь с высокой стоимостью австралийской поливалентной и специфической сыворотки: еще в 2000 г. стоимость ампулы поливалентного противоядия была в стране в 40 раз дороже, чем в Австралии с точки зрения соотношения валового внутреннего продукта на душу населения³³. Вследствие этого противоядие обоих видов закупается правительством в ограниченном объеме и находится только в крупных учреждениях, прежде всего, в государственном госпитале в Порт-Морсби. Эффективность применения противоядия при укусах всех видов змей тем выше, чем раньше начата терапия; большинство пострадавших в Папуа-Новой Гвинее получает ее по прошествии нескольких часов после инцидента, когда клиническая кар-

³⁰ GDP (current US\$). World Development Indicators. World Bank. URL: [Rhttps://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?year_high_desc=true](https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?year_high_desc=true) (accessed: 14.11.2017).

³¹ См.: *Kasturiratne A., Wickremasinghe A.R., de Silva N. et al.* The global burden of snakebite: a literature analysis and modelling based on regional estimates of envenoming and deaths // *PLoS Medicine*. 2008. Vol. 5. N 11. URL: <http://doi.org/10.1371/journal.pmed.0050218>; Charles Campbell Toxinology Centre (<http://www.cctcpng.org>) – официальный сайт Токсикологического центра Чарльза Кэмпбелла в Порт-Морсби (Папуа-Новая Гвинея).

³² http://www.toxinology.com/generic_static_files/cslavh_antivenom_taipan.html

³³ *McGain F., Winkel K.D., Limbo A. et al.* Snakebite mortality at Port Moresby General Hospital, Papua New Guinea, 1992–2001 // *The Medical Journal of Australia*. 2004. Vol. 181. N 11. P. 687–691.

тина уже успевает развиваться. Ответом на ситуацию с дефицитом антидота к яду новогвинейского тайпана стало международное сотрудничество между Папуа-Новой Гвинеей, Австралией и Коста-Рикой с целью создания нового противоядия с доступной ценой, которое успешно продолжается в настоящее время³⁴.

Повышение внимания к проблеме змеиных укусов связано с развитием ситуации с дефицитом противозмеиным сывороток, которая сложилась в начале 2010-х гг. в странах Тропической Африки. В средствах массовой информации эта ситуация получила название “Snakebite Crisis” (“кризис змеиных укусов”)³⁵.

Широкое применение сывороток на Африканском континенте вошло в медицинскую практику в 1950-е гг., и в 1960-е гг. было зафиксировано снижение смертности и инвалидности вследствие укусов ядовитых змей³⁶. Однако, уже с 1970-х гг. в Африке отмечалось уменьшение обеспечения антидотами на фоне неадекватности либо отсутствия протоколов их применения. Это было связано с недостаточностью статистических данных по проблеме змеиных укусов, несовершенством систем здравоохранения, а также высоким контрастом между стоимостью антидотов и уровнем доходов местного населения³⁷. Дефицит противозмеиных сывороток в регионе нарастал в течение ряда лет. До начала нулевых годов основными их производителями были Behringwerke AG (компания, основанная в Марбурге Эмилем фон Берингом), Aventis Pasteur (подразделение Sanofi Pasteur) и SAIMR (Южноафриканский институт медицинских исследований – South African Institute of Medical Research, в настоящее время – Национальная медицинская лаборатория, NHLS – National Health Laboratory Service). В продуктовой линейке каждого производителя присутствовали поливалентные сыворотки (у Behringwerke – North Africa и Central Africa, у Aventis Pasteur – Iperser Afrique, у SAIMR – Polyvalent Snake Antivenom, способные нейтрализовать яды основных значимых с медицинской точки зрения змей региона). SAIMR уже в то время начал произ-

³⁴ Vargas M., Segura A., Herrera M., et al. Preclinical evaluation of Caprylic acid-fractionated IgG antivenom for the treatment of taipan (*Oxyuranus scutellatus*) envenoming in Papua New Guinea // PLOS Neglected Tropical Diseases. 2011. Vol. 5. N 5. DOI: 10.1371/journal.pntd.0001144.

³⁵ См.: Schiermeier Q. Africa braced for snakebite crisis // Nature. 2015. 17 Sept. Vol. 525. P. 299. DOI: 10.1038/525299a; Arnold C. Vipers, mambas and taipans: the escalating health crisis over snakebites // Nature. 2016. 01 Sept. Vol. 537. P. 26–28. DOI: 10.1038/537026a.

³⁶ Stock R.P., Massougboji A., Alagón A. et al. Bringing antivenoms to Sub-Saharan Africa // Nat Biotechnol. 2007. Vol. 25. N 2. P. 173–177.

³⁷ Chippaux J.-P. The development and use of immunotherapy in Africa // Toxicon. 1998. Vol. 36. Iss. 11. P. 1503–1506.

водство моновалентной сыворотки против яда *Echis ocellatus*, по оценкам специалистов превосходящую по эффективности продукты других компаний. Вследствие санкционного режима, введенного в отношении ЮАР из-за политики апартеида, легальный экспорт продукции SAIMR до середины 1990-х гг. был невозможен, но сыворотки Южноафриканского института поступали в страны региона контрабандным путем. В ценовом отношении наиболее доступной была продукция Behringwerke, однако ее качество вызывало критику, особенно в части терапии отравлений, вызванных ядом *Echis ocellatus* (для достижения положительного клинического эффекта требовались очень большие дозы препарата³⁸). Behringwerke AG прекратила существование в 1997 г., а производство антитодов к змеиным ядам – еще раньше. В 2000 г. в журнале “Ланцет” появилась одна из первых публикаций, в которых ситуация с обеспечением региона противозмеиными сыворотками была названа кризисной³⁹. Aventis Pasteur, вошедшая в состав Sanofi Pasteur, в 1998 г. завершила производство основной поливалентной сыворотки для региона Ipser Afrique⁴⁰ и заменила ее сывороткой Fav Afrique с улучшенными характеристиками. Эта сыворотка нейтрализует яд 11 видов змей региона (Ipser Afrique – 7), ее аллергенность существенно ниже, но стоимость одной дозы превышает 150 долл. Параллельно с этим начинается приватизация SAIMR и модернизация его производственной базы, вследствие чего сокращаются объемы производства антитодов.

В этой ситуации правительства и органы здравоохранения большинства стран региона обращают внимание на недорогие и непроверенные альтернативы, которые предлагают индийские производители сывороток. Это фактически запускает механизм “кризиса змеиных укусов”, поскольку закупки Fav Afrique снижаются, а вместо него в государственные и частные больницы и аптеки начинают поступать препараты сомнительного качества и эффективности. В Индии производством сывороток занимаются несколько предприятий, включая VINS Bioproducts и Bharat Serums And Vaccines Limited – именно их продукция стала поступать на африканский рынок и, по оценкам специалистов Medicens Sans Frontiers, к концу

³⁸ В тропической Африке эфы (*Echis*) являются группой видов, ответственных за наибольшее число укусов. В клинике отравления преобладают нарушения свертываемости крови и работы внутренних органов, легальность без лечения превышает 10% от числа пострадавших.

³⁹ Theakston R.D.G., Warrell D.A. Crisis in snake antivenom supply for Africa // *The Lancet*. 2000. Vol. 356. P. 2104.

⁴⁰ Ipser Afrique antivenom [Supplementary Concept]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/mesh/67059820> (accessed: 18.11.2017).

2000-х гг. достигла 90% всего объема доступного антидота⁴¹. Результаты ее применения оказались катастрофическими: в некоторых странах уровень смертности вырос до 12–15%, что сопоставимо с соответствующим показателем для лечения без применения сыворотки вообще (было установлено, что для производства этих препаратов использовался яд не африканских, а азиатских змей)⁴². Однако социальные эффекты кризиса не ограничивались только ростом показателей смертности и инвалидности — был нанесен удар по доверию к основному методу лечения змеиных укусов вследствие его кажущейся неэффективности⁴³. Снижение доверия как со стороны врачей, так и со стороны пациентов привело к модификации комплекса социальных практик, связанных с лечением последствий змеиных укусов. С одной стороны, у врачей снизилась вера в эффективность серотерапии, что повлекло за собой отклонения от протоколов лечения, импровизацию, в некоторых случаях — отказ от использования сыворотки; скептическое отношение было воспринято органами управления здравоохранением, что помимо чисто экономических соображений внесло свою лепту в снижение закупок сыворотки. С другой стороны, пострадавшие в ситуации неуверенности стали обращаться к традиционным практикам лечения, и прибегать к медицинской помощи по прошествии длительного времени, что усиливало тяжесть последствий укуса.

Критическая ситуация в тропической Африке зачастую реконструируется с использованием схемы так называемого “порочного круга” (*vicious cycle*), в рамках которой оказываются взаимосвязаны ее технологические, экономические, социальные и психологические факторы⁴⁴.

⁴¹ Potet J., Cohn J. A market failure case study: African snake antivenoms. URL: http://www.globe-network.org/sites/default/files/en/network/resource/3.jennifer-cohn-and-julien-potet-a-market-failure-case-study-snake-anti-venoms_.pdf/ (accessed: 18.11.2017).

⁴² Косвенным свидетельством низкого качества препаратов индийских производителей является исследование, осуществленное в 2007 г. Я. Симпсоном и Р. Норрисом. Проанализировав сопроводительную документацию к ампулам с сывороткой (вкладыши к препаратам) и руководства по их применению, подготовленные шестью крупнейшими компаниями страны, авторы пришли к выводу о том, что все они содержат неточную и ошибочную информацию, способную повлечь за собой самые серьезные последствия для пострадавших при соблюдении этих рекомендаций (подробнее см.: *Simpson I.D., Norris R.L. Snake antivenom product guidelines in India: “the devil is in the details” // Wilderness Environ Med. 2007. Vol. 18. N 3. P. 163–168. DOI: 10.1580/07-WEME-ED-099R.1*).

⁴³ “Если люди не будут понимать, что мы делаем, они никогда не придут в наши клиники”. URL: <https://ru.msfn.org/ru/efiopiya-esli-lyudi-ne-budut-ponimat-chto-my-delaem-oni-nikogda-ne-pridut-v-nashi-kliniki> (accessed: 19.11.2017).

⁴⁴ *Stock R.P., Massougbdji A., Alagón A. et al. Bringing antivenoms to Sub-Saharan Africa // Nat Biotechnol. 2007. Vol. 25. N 2. P. 173–177.*

Рис. “Порочный круг” сывороточного кризиса в тропической Африке

В дальнейшем проявили себя последствия рыночного демпинга и снижения объемов закупок дорогих антидотов. В 2010 г. Sanofi Pasteur, в состав которой вошла Aventis Pasteur, объявила о предстоящем прекращении производства Fav Afrique в связи с его дальнейшей нерентабельностью и в 2014 г. завершила его. Корпорация была готова передать технологию производства сывотки, что было специально отмечено в официальном заявлении ее руководства, однако, желающих перенять ее не нашлось. В 2016 г. запасы произведенного Fav Afrique подошли к концу⁴⁵. С этого времени в средствах массовой информации регулярно появляются алармистские по своему содержанию публикации, посвященные сывороточному кризису в странах Африки южнее Сахары.

В 2010-е гг. в кризисную ситуацию в Тропической Африке активно включаются различные внешние акторы, в том числе представители экспертного сообщества, исследовательские группы, биофармацевтические компании и общественные организации.

⁴⁵ Sanofi Pasteur’s information on Fav-Afrique®. URL: http://www.sanofipasteur.com/en/Documents/PDF/Fav-Afrique%20statement_11May2016_EN.pdf (accessed: 18.11.2017).

В числе последних нужно упомянуть негосударственную международную ассоциацию “Врачи без границ” / *Médecins Sans Frontières* (MSF) и *Global Snakebite Initiative*. “Врачи без границ” в рамках своей работы в регионе MSF все чаще оказывают помощь пострадавшим от змеиных укусов и по мере осознания масштабов этой проблемы прилагают все большие усилия для привлечения к ней внимания ВОЗ и международного сообщества. *Global Snakebite Initiative Limited* (GSI) – зарегистрированная некоммерческая благотворительная организация, которая базируется в Австралии и объединяет специалистов в сфере токсикологии, герпетологии, тропической медицины по всему миру. Она была основана специально с целью объединения усилий для поисков решения глобальной “пренебрегаемой” проблемы змеиных укусов⁴⁶. GSI инициировала международный проект, объединивший усилия исследовательских групп в Испании, Коста-Рике, Австралии и Соединенном Королевстве, целью которого стала разработка нового панафриканского поливалентного противоядия с повышенной эффективностью и безопасностью для использования в странах Африки к югу от Сахары. Участники этого проекта достигли успеха в разработке как моновалентных сывороток против яда *Echis ocellatus*, так и поливалентных препаратов, нейтрализующих яды змей и обладающих схожим действием, некоторые из них уже внедрены в клиническую практику⁴⁷. Так, результатом сотрудничества между федеральным министерством здравоохранения Нигерии, Институтом Клодомиро Пикадо (*Instituto Clodomiro Picado*) из Коста-Рики⁴⁸, компанией *MicroPharm Ltd* из Уэльса, учеными Ливерпульской школы тропической медицины (*Liverpool School of Tropical Medicine*) и Оксфордского университета стала организация производства, доклиническое тестирование и клиническое тестирование эффективности и поставка двух новых противоядий для Нигерии – *EchiTAB-Plus-ICP*⁴⁹ и *EchiTABG*⁵⁰.

Кроме того, ряд других производителей предложили свои продукты для региона, которые в настоящее время находятся на разных этапах испытаний: мексиканский *Instituto Bioclon S.A.* (под-

⁴⁶ About GSI. URL: http://www.snakebiteinitiative.org/?page_id=567 (accessed: 19.11.2017).

⁴⁷ *Habib A.G.* Public health aspects of snakebite care in West Africa: perspectives from Nigeria // *The Journal of Venomous Animals and Toxins Including Tropical Diseases*. 2013. Vol. 19. P. 27. DOI: 10.1186/1678-9199-19-27.

⁴⁸ В настоящее время Институт Клодомиро Пикадо (ICP), наряду с Институтом Бутантан, является одним из лидеров в сфере биофармакологических исследований и производства антитодов к зоотоксинам в Латинской Америке и в мире.

⁴⁹ Поливалент, нейтрализует яд гадюк рода *Bitis*, эфы *Echis ocellatus* и чернойшейной кобры *Naja nigricollis*.

⁵⁰ Моновалент против яда *Echis ocellatus*.

разделение компании Silanes, ориентированной на глобальный фармацевтический рынок)⁵¹, испанская Inosan Biopharma, бразильский Институт Бутантан (Instituto Butantan)⁵². Поливалентная сыворотка Antivipmyn-Africa мексиканского производства в настоящее время применяется в некоторых странах региона, однако информация о ее клинической эффективности противоречива⁵³.

Появление новых производителей на региональном рынке является позитивным фактором, который может способствовать преодолению критической ситуации в странах Центральной Африки. Однако в настоящее время она далека от разрешения в силу нескольких обстоятельств – дефицита эффективных биофармацевтических препаратов, отсутствия адекватных методик их применения (зачастую грамотные специалисты находятся только в центральных медицинских учреждениях), бедности местного населения, для которого стоимость транспортировки в больницу и лечения может составлять непреодолимую преграду, экономических стратегий органов здравоохранения, порожденных ограниченностью финансирования и отсутствием поддержки со стороны международных организаций, и наконец, кризиса доверия к современным моделям лечения, который сформировался за последнее десятилетие. Неслучайно исследователи отмечают необходимость отдельного направления работы в конкретных регионах, направленного на изменение сложившихся в локальных сообществах установок в отношении ситуации змеиных укусов, включая общение с представителями местной традиционной медицины для минимизации вредных или неэффективных действий⁵⁴.

Современный глобальный кризис в сфере преодоления последствий змеиных укусов качественно отличается от тех вызовов, которые раньше возникали перед сообществами и государствами, расположенными в соответствующих природно-географических

⁵¹ Ramos-Cerrillo B., de Roodt A.R., Chippaux J.-P. et al. Characterization of a new polyvalent antivenom (Antivipmyn Africa) against African vipers and elapids // *Toxicon*. 2008. Vol. 52. N 8. P. 881–888. DOI: 10.1016/j.toxicon.2008.09.002.

⁵² Guidolin F.R., Caricati C.P., Marcelino J.R. et al. Development of equine IgG antivenoms against major snake groups in Mozambique // *PLOS Neglected Tropical Diseases*. 2016. Vol. 10. N 1. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pntd.0004325>

⁵³ Brown N.I. Consequences of neglect: analysis of the Sub-Saharan African snake antivenom market and the global context // *PLOS Neglected Tropical Diseases*. 2012. Vol. 6. N 6. DOI: 10.1371/journal.pntd.0001670.

⁵⁴ Gutiérrez J.M., Burnouf T., Harrison R.A. et al. A multicomponent strategy to improve the availability of antivenom for treating snakebite envenoming // *Bulletin of the World Health Organization*. 2014. Vol. 92. P. 526–532. URL: <http://www.who.int/bulletin/volumes/92/7/13-132431/en/> (accessed: 15.11.2017).

зонах. Глобализация биофармацевтической сферы изменила равновесие между спросом и предложением на противозмеинные сыворотки, установившееся в 50–70-е гг. прошлого века. Развитие биомедицинских технологий привело к росту производственных затрат и стоимости конечного продукта, что вывело его в разряд недоступных или малодоступных для стран с ограниченными экономическими возможностями и превратило проблему змеиных укусов в “болезнь бедности”, одновременно отодвинув ее на периферию повестки дня в сфере здравоохранения, что способствовало закреплению социального неравенства в доступе к его возможностям. Появление на региональных рынках некачественных препаратов привело к “кризису доверия” в отношении единственного эффективного способа лечения последствий змеиных укусов, способствовало актуализации архаичных социальных практик, усугубляющих негативные эффекты от неадекватной терапии змеиных укусов. Современная наука и промышленность предлагают достаточно возможностей для преодоления этой проблемы, но ее решение должно осуществляться за счет скоординированных усилий представителей экспертного сообщества, биофармацевтических компаний, национальных правительств, органов здравоохранения и международных организаций, включая ВОЗ. Только за счет этого возможен кумулятивный синергетический эффект, вследствие которого змеиные укусы можно будет исключить из перечня “забытых тропических заболеваний”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

“Если люди не будут понимать, что мы делаем, они никогда не придут в наши клиники”. URL: <https://ru.msf.org/ru/efiopiya-esli-lyudi-ne-budut-ponimat-chto-my-delaem-oni-nikogda-ne-privdud-v-nashi-kliniki> (дата обращения: 19.11.2017).

Забытые тропические болезни. Профилактика, борьба и полная или частичная ликвидация. Доклад Секретариата Всемирной организации здравоохранения. URL: http://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/EB132/B132_19-ru.pdf (дата обращения: 15.11.2017).

Информационный бюллетень ВОЗ. 2013. Февр. № 373. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs373/ru/> (дата обращения: 15.11.2017).

Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 4. С. 119–141. Doi:10.24290/1029-3736-2016-22-4-119-141.

Перельгина О.В., Комаровская Е.И. Сравнительный анализ требований к качеству гетерологичных сывороточных препаратов в фармакопеях ведущих стран – производителей лекарственных средств // Биопрепараты. Профилактика, диагностика, лечение. 2017. № 1 (61). С. 32–40.

REFERENCES

“Esli ljudi ne budut ponimat’, chto my delaem, oni nikogda ne pridut v nashi kliniki” [“If people do not understand what we are doing, they will never come to our clinics”]. URL: <https://ru.msf.org/ru/efiopiya-esli-lyudi-ne-budut-ponimat-chto-my-delaem-oni-nikogda-ne-pridut-v-nashi-kliniki> (accessed: 19.11.2017) (in Russian).

About GSI. URL: http://www.snakebiteinitiative.org/?page_id=567 (accessed: 19.11.2017).

Alagón A. Anticuerpos seguros y eficaces: la revolución de los nuevos antivenenos // Revista de la Universidad Nacional Autónoma de México. 2002. N 617. URL: http://www.revistadelauniversidad.unam.mx/ojs_rum/index.php/rum/article/view/15507/16745/ (accessed: 18.11.2017).

Arnold C. Vipers, mambas and taipans: the escalating health crisis over snakebites // Nature. 2016. Sept. N 537. P. 26–28. Doi:10.1038/537026a.

Bochner R. Paths to the discovery of antivenom serotherapy in France // Journal of Venomous Animals and Toxins including Tropical Diseases. 2016. Vol. 22. P. 20. URL: <https://dx.doi.org/10.1186/s40409-016-0074-7>

Bochner R., Struchiner C.J. Acidentes por animais peçonhentos e sistemas nacionais de informação // Cad. Saúde Pública. 2002. Vol. 18. N 3. P. 735–746. URL: <http://dx.doi.org/10.1590/S0102-311X2002000300017>

Boyer L.V. Commentary: on 1000-fold pharmaceutical price markups, and why drugs cost more in the US than in Mexico // American Journal of Medicine. Vol. 128. N 12. Doi:10.1016/j.amjmed.2015.08.007.

Brazil V. A defesa contra o ophidismo. São Paulo, 1911. URL: <http://dx.doi.org/10.5962/bhl.title.70080>

Brown N.I. Consequences of neglect: analysis of the Sub-Saharan African snake antivenom market and the global context // PLOS Neglected Tropical Diseases. 2012. Vol. 6. N 6. Doi:10.1371/journal.pntd.0001670.

Calvete J.J., Sanz L., Angulo Y. et al. Venoms, venomics, antivenomics // FEBS Letters. 2009. Vol. 583. Iss. 11. P. 1736–1743. Doi: 10.1016/j.febslet.2009.03.029.

Charles Campbell Toxinology Centre. URL: <http://www.cctcpng.org> (accessed: 14.11.2017).

Chippaux J.-P. The development and use of immunotherapy in Africa // Toxicon. 1998. Vol. 36. Iss. 11. P. 1503–1506.

Chippaux J.-P. Snakebite envenomation turns again into a neglected tropical disease! // The Journal of Venomous Animals and Toxins Including Tropical Diseases. 2017. Vol. 23. P. 38. Doi:10.1186/s40409-017-0127-6.

Chippaux J.-P., Diédhiou I., Stock R. Étude de l’action de la pierre noire sur l’envenimation expérimentale // Cahiers d’études et de recherches francophones. Santé. 2007. Vol. 17. N 3. P. 127–131. Doi:10.1684/san.2007.0076.

GDP (current US\$). World Development Indicators. World Bank. URL: Rhttps://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?year_high_desc=true (accessed: 14.11.2017).

Gomes A.C.V. “Too Good to be true”: the controversy over the use of permanganate of potash as an antidote to snake poison and the circulation of Bra-

zilian physiology in the nineteenth century // *Bulletin of the History of Medicine*. Vol. 86. N 2. P. 153–177. Doi: 10.1353/bhm.2012.0039

Guidolin F.R., Caricati C.P., Marcelino J.R. et al. Development of equine IgG antivenoms against major snake groups in Mozambique // *PLOS Neglected Tropical Diseases*. 2016. Vol. 10. N 1. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pntd.0004325>

Gutiérrez J.M., Burnouf T., Harrison R.A. et al. A multicomponent strategy to improve the availability of antivenom for treating snakebite envenoming // *Bulletin of the World Health Organization*. 2014. Vol. 92. P. 526–532. URL: <http://www.who.int/bulletin/volumes/92/7/13-132431/en/> (accessed: 15.11.2017).

Habib A.G. Public health aspects of snakebite care in West Africa: perspectives from Nigeria // *The Journal of Venomous Animals and Toxins Including Tropical Diseases*. 2013. Vol. 19. P. 27. DOI: 10.1186/1678-9199-19-27.

Habib A.G., Lamorde M., Dalhat M.M. et al. Cost-effectiveness of antivenoms for snakebite envenoming in Nigeria // *PLOS Neglected Tropical Diseases*. 2015. Vol. 1. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pntd.0003381/>

Hamza M., Idris M.A., Maiyaki M.B., et al. Cost-effectiveness of antivenoms for snakebite envenoming in 16 countries in West Africa // *PLoS Neglected Tropical Diseases*. 2016. Vol. 10. N 3. DOI: 10.1371/journal.pntd.0004568.

Harrison R.A., Gutiérrez J.M. Priority actions and progress to substantially and sustainably reduce the mortality, morbidity and socioeconomic burden of Tropical Snakebite // *Toxins*. 2016. Vol. 8. N 12. P. 351. DOI: 10.3390/toxins8120351.

Harrison R.A., Hargreaves A., Wagstaff S.C. et al. Snake envenoming: a disease of poverty // *PLOS Neglected Tropical Diseases*. 2009. Vol. 3. N 12. DOI: 10.1371/journal.pntd.0000569.

Hawgood B.J. Doctor Albert Calmette 1863–1933: founder of antivenomous serotherapy and of antituberculous BCG vaccination // *Toxicon*. 1999. Vol. 37. N 9. P. 1241–1258. DOI: 10.1016/s0041-0101(99)00086-0.

<http://mkb-10.com>

http://www.toxinology.com/generic_static_files/cslavh_antivenom_taipan.html

<http://www.who.int/classifications/icd/en/>

Informacionnyj bjulleten' VOZ [WHO Newsletter]. 2013. Fevr. N 373. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs373/ru/> (data obrashhenija: 15.11.2017) (in Russian).

Ipsér Afrique antivenom [Supplementary Concept]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/mesh/67059820> (accessed: 18.11.2017).

Kasturiratne A., Pathmeswaran A., Wickremasinghe A.R. et al. The socio-economic burden of snakebite in Sri Lanka // *PLOS Neglected Tropical Diseases*. 2017. Vol. 7. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pntd.0005647>

Kasturiratne A., Wickremasinghe A.R., de Silva N. et al. The global burden of snakebite: a literature analysis and modelling based on regional estimates of envenoming and deaths // *PLOS Medicine*. 2008. Vol. 5. N 11. URL: <http://doi.org/10.1371/journal.pmed.0050218>

McGain F., Winkel K.D., Limbo A. et al. Snakebite mortality at Port Moresby General Hospital, Papua New Guinea, 1992–2001 // *The Medical Journal of Australia*. 2004. Vol. 181. N 11. P. 687–691.

Osipova N.G. Social'noe konstruirovanie obshhestvennogo zdorov'ja [Social construction of public health] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science]. 2016. T. 22. N 4. S. 119–141. DOI: 10.24290/1029-3736-2016-22-4-119-141 (in Russian).

Othong R., Sheikh S., Alruwaili N. et al. Exotic venomous snakebite drill // Clinical Toxicology. 2012. Vol. 50. Iss. 6. P. 490–496. DOI: <http://dx.doi.org/10.3109/15563650.2012.690882>.

Perelygina O.V., Komarovskaja E.I. Sravnitel'nyj analiz trebovanij k kachestvu geterologichnyh syvorotochnyh preparatov v farmakopejah vedushhijh stran – proizvoditelej lekarstvennyh sredstv [Comparative analysis of the requirements for the quality of heterologous serum preparations in pharmacopoeias of the leading countries - manufacturers of medicines] // Biopreparaty. Profilaktika, diagnostika, lechenie [Biopreparations. Prevention, diagnosis, treatment]. 2017. N 1 (61). S. 32–40 (in Russian).

Potet J., Cohn J. A market failure case study: African snake antivenoms. URL: http://www.globe-network.org/sites/default/files/en/network/resource/3.jennifer-cohn-and-julien-potet-a-market-failure-case-study-snake-anti-venoms_.pdf/ (accessed: 18.11.2017).

Ramos-Cerrillo B., de Roodt A.R., Chippaux J.-P. et al. Characterization of a new polyvalent antivenom (Antivipmyn Africa) against African vipers and elapids // Toxicon. 2008. Vol. 52. N 8. P. 881–888. Doi: 10.1016/j.toxicon.2008.09.002.

Sanofi Pasteur's information on Fav-Afrique®. URL: http://www.sanofi-pasteur.com/en/Documents/PDF/Fav-Afrique%20statement_11May2016_EN.pdf (accessed: 18.11.2017).

Schiermeier Q. Africa braced for snakebite crisis // Nature. 2015. Sept. N 525. P. 299. Doi:10.1038/525299a.

Simpson I.D., Norris R.L. Snake antivenom product guidelines in India: “the devil is in the details” // Wilderness Environ Med. 2007. Vol. 18. N 3. P. 163–168. DOI: 10.1580/07-WEME-ED-099R.1.

Stock R.P., Massougbdji A., Alagón A. et al. Bringing antivenoms to Sub-Saharan Africa // Nat. Biotechnol. 2007. Vol. 25. N 2. P. 173–177.

Theakston R.D.G., Warrell D.A. Crisis in snake antivenom supply for Africa // The Lancet. 2000. Vol. 356. P. 2104.

Vargas M., Segura A., Herrera M., et al. Preclinical Evaluation of Caprylic acid-fractionated IgG antivenom for the treatment of taipan (*Oxyuranus scutellatus*) envenoming in Papua New Guinea // PLOS Neglected Tropical Diseases. 2011. Vol. 5. N 5. DOI: 10.1371/journal.pntd.0001144.

Welton R.E., Liew D., Braitberg G. Incidence of fatal snake bite in Australia: a coronial based retrospective study (2000–2016) // Toxicon. 2017. Vol. 131. P. 11–15.

Williams D. Are Australian snakes the deadliest in the world? Not even close // The Conversation, CC BY-ND. 2016. 10 Jan. URL: <https://theconversation.com/are-australian-snakes-the-deadliest-in-the-world-not-even-close-50963> (accessed: 16.11.2017).

Williams D., Gutiérrez J.-M., Harrison R. et al. The global snake bite initiative: an antidote for snake bite // *Lancet*. 2010. Vol. 375. P. 89–91.

Working to overcome the global impact of neglected tropical diseases. First WHO report on neglected tropical diseases. WHO/HTM/NTD/2010.1. URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/44440/1/9789241564090_eng.pdf (accessed: 15.11.2017).

Zabytye tropicheskie bolezni. Profilaktika, bor'ba i polnaja ili chastichnaja likvidacija. Doklad Sekretariata Vsemirnoj organizacii zdravoohranenija [Forgotten tropical diseases. Prevention, struggle and total or partial elimination. Report of the Secretariat of the World Health Organization]. URL: http://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/EB132/B132_19-ru.pdf (data obrashhenija: 15.11.2017) (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-2-121-138

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕПРОДУКТИВНОГО ЗДОРОВЬЯ ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ*

Е.Н. Новосёлова, канд. социол. наук, доц., зам. зав. кафедрой социологии семьи и демографии по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

Данная статья посвящена изучению репродуктивного здоровья российских женщин фертильного возраста как одной из главных составляющих здоровья популяции и демографического развития России. Целью статьи является оценка наиболее важных показателей репродуктивного здоровья женщин в нашей стране, таких как заболеваемость в период, предшествующий беременности и непосредственно во время беременности, уровень бесплодия, распространенность абортот и их динамика, младенческая, перинатальная и материнская смертность. В качестве основного индикатора репродуктивного здоровья рассматривается искусственное прерывание беременности. Отмечая положительную тенденцию в сокращении числа абортот, автор демонстрирует различия в этом показателе между Россией и другими развитыми странами мира со сходным законодательством относительно абортот. Также в статье рассматривается проблема младенческой и материнской смертности в их динамике, затрагивается проблема бесплодия. Автор отмечает, что необходимо прогнозировать, диагностировать и корректировать репродуктивное здоровье женщин фертильного возраста повышая культуру здоровья и заботы о нем с целью увеличения репродуктивного потенциала населения России.

Эмпирической базой являются данные Федеральной службы государственной статистики, Фонда “Общественное мнение”, Всероссийского центра изучения общественного мнения и Всемирной организации здравоохранения относительно репродуктивного здоровья российских женщин.

Данная статья будет интересна специалистам в области социологии медицины, социологии семьи и демографии, а также широкому кругу читателей, интересующихся социальными аспектами репродуктивного здоровья населения России. Материалы статьи будут полезны работникам сферы здравоохранения, социальным работникам, социологическому и демографическому сообществу, профессорско-преподавательскому составу и учащимся вузов.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта “Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976–2020 гг.)” № 18-011-01037.

** Новосёлова Елена Николаевна, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

Ключевые слова: репродуктивное здоровье, искусственное прерывание беременности, контрацептивная культура, материнская и младенческая смертность.

SOCIAL ASPECTS OF REPRODUCTIVE HEALTH AMONG THE FEMALE POPULATION IN RUSSIA

Novoselova Elena N., PhD Sci., Associate Professor, Department of Sociology of Family and Demography, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

The article is devoted to the analysis of reproductive health among Russian women of childbearing age as one of the main components of population's health and demographic development of Russia. The aim of the article is to assess the most important indicators of women's reproductive health in Russia, such as the sickness rate preceding and during the pregnancy, the level of infertility, the prevalence of abortions and its dynamics, infant, perinatal and maternal mortality. Artificial termination of pregnancy is considered as the main indicator of reproductive health. Noting the positive trend in reducing the number of abortions, the author shows the differences in this indicator between Russia and other developed countries with a similar legislation on abortion. The article also touches the dynamics of infant and maternal mortality, and the problem of infertility. The author notes that it is necessary to predict, diagnose and correct the reproductive health of women of childbearing age by improving the culture of health with the aim of increasing the reproductive potential of the population of Russia.

The empirical base is the data of the Federal State Statistics Service, the Public Opinion Foundation, the All-Russian Public Opinion Research Center and the World Health Organization concerning the reproductive health of Russian women.

This article will be of interest to specialists in the field of the sociology of medicine, the sociology of the family and demography, as well as readers interested in the social aspects of reproductive health in Russia. The materials of the article will be useful for healthcare professionals, social workers, sociological and demographic community, university students.

Key words: reproductive health, artificial termination of pregnancy, contraceptive culture, maternal and infant mortality.

Всемирная организация здравоохранения определяет репродуктивное здоровье как “состояние полного физического, умственного и социального благополучия, а не просто отсутствие болезней или недугов во всех сферах, касающихся репродуктивной системы, ее функций и процессов”¹. В условиях современной России, когда

¹ Цит. по: Кулаков В.И., Фролова О.Г. Репродуктивное Здоровье в РФ // Народонаселение. 2004. № 3. С. 93.

демографическая ситуация вновь начала ухудшаться, а естественный прирост выражается в отрицательных величинах, одним из резервов повышения рождаемости, безусловно, при условии наличия у населения потребности в нескольких детях, является улучшение репродуктивного здоровья, особенно женщин фертильного возраста, снижение уровня их соматических и гинекологических заболеваний, медицинских и самопроизвольных аборт². О высокой значимости данного аспекта для демографического развития России свидетельствует тот факт, что одним из основных принципов, положенных в основу демографической политики Российской Федерации, является “укрепление репродуктивного здоровья населения”³.

Здоровье современного человека, одной из важнейших составляющих которого является здоровье репродуктивное, определяется множеством различных биологических, социально-экономических и психологических факторов, таких как генетика, состояние окружающей среды, уровень развития медицины, условия и образ жизни людей и т.п. Даже беглый анализ названных факторов показывает, что большинство из них, за исключением, быть может, генетической предрасположенности к тем или иным заболеваниям, можно отнести к социальным, занимающим центральное место в формировании здоровья населения страны.

Понятие “репродуктивное здоровье” касается как женщин, так и мужчин, а его сохранение обоими родителями является немаловажным аспектом здоровья будущего ребенка, однако именно женщина в несколько большей степени ответственна за зарождение новой жизни, развитие и вынашивание беременности, роды, как, впрочем, и большая часть забот в связи с использованием средств контрацепции также традиционно ложится на женщину⁴, поэтому в данной работе речь пойдет именно о репродуктивном здоровье прекрасной половины человечества.

При характеристике женского репродуктивного здоровья обычно используют следующие показатели: заболеваемость женщин в период, предшествующий беременности и непосредственно

² См., об этом: *Костюкова Н.Б.* Медико-социальные аспекты репродуктивного здоровья женщин и пути его укрепления. Дисс. ... канд. мед. наук. Воронеж, 2011.

³ Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения: 07.11.2017).

⁴ См., например: *Григорьев Ю.А., Соболева С.В.* Современное состояние репродуктивного здоровья населения Сибири как фактор сокращения рождаемости в регионе // Регион: экономика и социология. 2013. № 2.

во время беременности, уровень бесплодия, распространенность абортотв и их динамика, младенческая, перинатальная и материнская смертность. В данной статье представлена оценка динамики некоторых из вышеназванных показателей репродуктивного здоровья российских женщин, акцент сделан на искусственном прерывании беременности как на одном из наиболее значимых медико-социальных факторов, который, с одной стороны, оказывает серьезное негативное влияние на здоровье женщин фертильного возраста, а с другой — является резервом для улучшения репродуктивного здоровья посредством воспитания репродуктивной, в том числе контрацептивной культуры, что при современном уровне развития контрацепции может свести число абортотв к минимуму.

Репродуктивное здоровье россиянок оставляет желать лучшего, несмотря на то что можно наблюдать позитивные изменения, связанные с тем, что все чаще для предотвращения нежелательного рождения вместо искусственного аборта используется контрацепция. Вместе с тем, материнская и младенческая смертность все еще на относительно высоком уровне, профилактические функции служб здравоохранения используются недостаточно, предотвращению ВИЧ-инфекции/СПИДа также уделяется крайне мало внимания. Наблюдается повышение заболеваемости от осложнений беременности, родов и послеродового периода: за последнюю четверть века данный вид заболеваемости возрос в 2,1 раза⁵, растет и распространенность бесплодия.

Особое место в системе мер по сохранению и укреплению репродуктивного здоровья женщин в России занимает проблема снижения количества абортотв, которые долгое время играли основную роль как во внесемейном, так и во внутрисемейном регулировании рождаемости в нашей стране. Различают очень низкий, меньше 10 абортотв на 1000 женщин репродуктивного возраста, низкий, 10–19 абортотв на 1000, средний, 20–49 абортотв на 1000, высокий, 50 и больше абортотв на 1000 женщин фертильного возраста, уровни количества абортотв⁶. Сегодня несмотря на значительную положительную динамику этого показателя (количество операций по искусственному прерыванию беременности снизилось в 4,5 раза за последние 25 лет (табл. 1)) число абортотв в России все еще довольно велико в сравнении со странами со сходным уровнем рождаемости.

⁵ Щербакова Е.М. Заболеваемость населения России, 2014–2015 годы // Демоскоп Weekly. 2016. № 683–684. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0683/barom01.php> (дата обращения: 03.11.2017).

⁶ См. об этом: Гамзаев М.А. Частота и причины абортотв и их воздействие на воспроизводство женского населения // СМБ. 2013. № 2–2 (38). С. 106.

Динамика уровня зарегистрированных аборт в России, 1990–2014 гг.

Годы	Число аборт		
	Тысяч	На 1000 женщин в возрасте 15–49 лет	На 100 живорождений
1990	4103,4	113,9	206
1995	2766,4	72,8	203
2000	2138,8	54,2	169
2005	1675,7	42,7	117
2010	1186,1	31,7	66
2011	1124,9	30,5	63
2012	1064,0	29,3	56
2013	1012,4	28,3	53
2014	919,1	26,0	48

Источник: Сакевич В.И. От аборта к контрацепции // Демоскоп Weekly. 2016. № 687–688. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0687/tema03.php>

Советский Союз раньше всех в мире, в 1920 г., легализовал искусственный аборт по желанию женщины и в течение долгих лет прочно занимал одно из первых мест в мире по их уровню. В 1924 г., а именно в это время начала налаживаться статистика прерванных беременностей, в Москве было зарегистрировано 14 тыс. абортов, к 1927 г. показатель вырос более чем в три раза – 46 тыс., т.е. число родов и абортов примерно уравнилось, а через семь лет в 1934 г. на одно рождение уже приходилось около трех абортов, шесть–восемь абортов стало нормой для горожанки в возрасте от 30 до 35 лет⁷. В сельской России показатели были намного ниже в силу влияния патриархальной традиции, но тоже довольно впечатляющими. В период запрета абортов с 1936 по 1955 гг. статистику искусственного прерывания беременности сложно назвать достоверной, так как в условиях запрета подавляющее число абортов было нелегальным. С середины 1950-х гг., после отмены законодательного

⁷ См.: Вишневский А.Г., Сакевич В.И., Денисов Б.П. Запрет аборта: освежите вашу память // Демоскоп Weekly. 2016. № 707–708. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0707/tema02.php#_ftn10 (дата обращения: 09.10.2017).

запрета аборт, их число стало быстро увеличиваться, вплоть до 1964 г., когда был побит печальный рекорд по их числу – 5,6 млн, т.е. 169 аборт на 1000 женщин репродуктивного возраста. Затем уровень аборт стал медленно снижаться, но тем не менее официальная статистика регистрировала крайнее “высокие показатели аборт и в 1970–1980-е годы; в конце 1980-х годов на одну женщину за весь репродуктивный период приходилось в среднем 3,4 аборт”⁸. Переломным моментом, когда годовое число рождений в России впервые за несколько десятилетий превысило годовое число аборт, стал 2007 г.⁹

Сегодня Россия входит в число стран, имеющих либеральное законодательство в отношении искусственного прерывания беременности, женщины в 58 (в этих странах проживает более половины населения мира) из 196 стран мира имеют сходные права на аборт по желанию¹⁰. Что касается уровня аборт, то несмотря на несомненный рост контрацептивной культуры россиян и снижение их количества мы по-прежнему опережаем государства с переходной экономикой и развитые страны. Среднее значение специального коэффициента аборт в России в два раза выше, чем в странах Европейского союза, а если сравнивать Россию с такими странами как Швейцария и Германия, то разница будет в 3,5–4 раза¹¹.

Данные табл. 2 демонстрируют, что распространенность аборт не зависит от законодательных запретов, вряд ли что-то остановит женщину, настроенную сделать аборт, уговоры врачей и обвинения в безнравственности здесь не работают, дело скорее в контрацептивной культуре, доступности контрацепции, “развитии системы доабортного психологического консультирования, поддержке центров медико-социальной поддержки беременных женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, повышении уровня репродуктивной грамотности, воспитании репродуктивной культуры”¹².

⁸ Репродуктивное здоровье населения России 2011. Резюме отчета. М., 2012. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/zdrav/zdravo-2011.pdf (дата обращения: 07.10.2017).

⁹ *Исупова О.Г., Сакевич В.И.* Логическая ошибка: к чему приведет запрет на аборт и бэби-боксы // РБК. 2016.03.10. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/society/03/10/2016/57f25ade9a79479a7b550a97> (дата обращения: 07.10.2017).

¹⁰ См., об этом: *Сакевич В.И.* От аборт к контрацепции // Демоскоп Weekly. 2016. № 687–688. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0687/tema02.php> (дата обращения: 07.10.2017).

¹¹ См., об этом: Там же.

¹² Аборт: разрешить нельзя запретить // ВЦИОМ. 2014. Пресс-выпуск № 3228. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115920> (дата обращения: 12.11.2017).

Число аборт на 100 родившихся живыми в некоторых странах мира, имеющих сходное с Россией законодательство относительно аборт (разрешающих аборт по желанию женщины), 2014 г.

Страна	Год	2014
Швейцария		12
Германия		14
Нидерланды		17
Австралия		19
Италия		19
Словакия		19
Словения		19
Португалия		19
Чехия		20
Испания		22
Новая Зеландия		23
США		23
Норвегия		24
Дания		27
Франция		27
Швеция		32
Венгрия		35
Эстония		38
Россия		48

Источник: построено по данным: Число аборт на 100 родившихся живыми, 1960–2015 // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/app40ab.php> (дата обращения: 10.11.2017).

В последние годы полемика вокруг аборт в России и в мире стала особенно острой. В ряду ярых противников – Русская Православная церковь, которая рассматривает аборт как тяжкий грех (как, впрочем, и контрацепцию) и приравнивает его к убийству.

Закон пока на стороне женщины, вернее ее свободного выбора исхода беременности, согласно ст. 56 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” “Каждая женщина имеет право самостоятельно решать вопрос о материнстве. Искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при сроке беременности до 12 недель, по социальным показаниям – при сроке беременности до 22 недель, а при наличии медицинских показаний и согласия женщины – независимо от срока беременности”, однако, противники абортс приобретают все больше сторонников. Так, участники общероссийского общественного движения “За жизнь!” объявили, что собрали ровно 1 миллион подписей в поддержку своей петиции за запрет абортс в стране¹³. Здесь стоит отметить, что сегодня по желанию женщины делается около 40% абортс, 25% – из-за угрозы ее здоровью, 23% – по социальным показаниям и 12% – из-за аномалий в развитии плода¹⁴.

Ввиду неоднозначности, политизированности и дискуссионности обозначенного вопроса целесообразным будет рассмотреть отношение к искусственному прерыванию беременности российского общественного мнения. Безусловно, население абортс не одобряет, никто не утверждает, что это хорошо, однако “искусственное прерывание беременности воспринимается большинством как допустимое и оправданное”¹⁵, россияне не поддерживают радикальных запретс, не одобряют вывод абортс из системы обязательного медицинского страхования (62% высказались против, 22% – за)¹⁶, лишь 4% (по данным ВЦИОМ)¹⁷ (11% (по данным ФОМ)¹⁸) населения считают, что абортс недопустимыми ни при каких обстоятельствах (табл. 3), остальные менее радикальны в своих взглядах и предлагают оставить вопрос на рассмотрение семьи.

А какого же мнения придерживается семья? По некоторым данным, чем менее реализованы репродуктивные планы семьи, тем менее допустимым люди считают абортс. В случае незаплани-

¹³ См. об этом: Миллион подписей за запрет абортс: активисты объявили итоги кампании // РИА Новости. 2017.18.08. URL: <https://ria.ru/religion/20170818/1500611638.html> (дата обращения: 12.11.2017).

¹⁴ См. об этом: Горбачева А. Запрет абортс рождаемость не повысит // Независимая газета. 2017.24.01. URL: http://www.ng.ru/health/2017-01-24/8_6910_abort.html (дата обращения: 13.11.2017).

¹⁵ Абортс: разрешить нельзя запретить.

¹⁶ Источник данных: Отношение к запрету абортс // ФОМнибус. 2016. 16 окт. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/13060> (дата обращения: 10.11.2017).

¹⁷ См.: Там же.

¹⁸ См: Отношение к запрету абортс // ФОМнибус. 2016. 16 окт. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/13060> (дата обращения: 10.11.2017).

рованной беременности почти половина респондентов (46–48%), чье планируемое число детей еще не достигнуто, сохранит беременность; если планируемое и имеющиеся число детей совпадают, то сохраняют беременность 27–30%, а если имеющееся число детей уже превысило изначальные репродуктивные планы, то сохраняют беременность около 15%¹⁹.

Таблица 3

Отношение населения к законодательному запрету аборт в России
(Ответ на вопрос: “А вы лично одобряете или не одобряете предложение полностью запретить сейчас аборт?”)

Варианты ответов	Население в целом	Мужчины	Женщины
Одобряю	11	13	9
Не одобряю	72	64	80
Затрудняюсь ответить	17	23	11

Источник: Отношение к запрету абортов // ФОМнибус. 2016. 16 окт. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/13060> (дата обращения: 10.11.2017).

Респонденты говорят как о положительных, так и об отрицательных последствиях запрета на аборт в стране. Так, к положительным люди относят рост рождаемости в стране (27%), повышение ответственности в личной жизни (5%), при этом почти треть населения нашей страны (29%) заявляет о том, что данная мера не будет иметь никаких положительных последствий. К отрицательным последствиям причисляют распространение нелегальных абортов (40%), увеличение числа брошенных детей и детоубийств (17%), повышение женской смертности в результате нелегальных абортов (12%), вред здоровью женщин от нелегальных абортов, бесплодие (8%), рост нищеты (4%) и т.д., и лишь 1% населения считает, что у подобной меры не будет отрицательных последствий²⁰.

Основная масса экспертов соглашается с россиянами и считает, что попытки законодательно запретить искусственное прерывание беременности бессмысленны. Во-первых, практически никакой связи между распространением абортов и рождаемостью в современном мире нет, существует огромное количество других способов избежать нежелательных рождений, т.е. вряд ли данная мера

¹⁹ См.: Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Особенности репродуктивного поведения населения // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 79–84.

²⁰ См.: Отношение к запрету абортов.

серьезно повлияет на демографическую ситуацию в России. В качестве доказательства данного факта можно привести пример с Польшей, где при почти полном запрете абортс наблюдается один из самых низких в Европе показателей рождаемости – около 1,3 детей на женщину. В прошлом этот путь проходили СССР в 1936–1955 гг., и Румыния с 1966 по 1989 гг., и ни к каким долгосрочным позитивным последствиям запреты не привели. Во-вторых, данная мера станет лишь борьбой с последствиями, а не с причиной, это лишь затруднит доступ к услуге, породит возникновение системы нелегальных абортариес и коррупцию, простимулирует возрождение практики самоаборта, увеличит риски для здоровья женщин и никак не уменьшит спрос²¹.

Существует стереотип, что в России огромное число абортс делают девушки-подростки, что связано со снижением возраста сексуального дебюта, плохой информированностью как об эффективных средствах контрацепции, так и о последствиях аборта для здоровья и будущей фертильности. Однако это не совсем так, число нежелательных подростковых беременностей значительно снизилось, а доля подростковых абортс (15–19 лет) в их общем числе для нашей страны составляет лишь 6,3%, в то время как скажем в Великобритании, Новой Зеландии – около 20%, во Франции, Дании, Испании, США, Финляндии – 15–17%. Самое большое число абортс в нашей стране делают женщины в возрастных группах – 25–29 (24,7%) и 30–34 года (22,9%)²². Таким образом, искусственное прерывание беременности в России скорее регулирует количество рождений в семье, прибегают к нему женщины, имеющие одного–двух детей, которые удовлетворены имеющимся числом детей или хотят подождать с рождением следующего ребенка. Данный тезис подтверждает и тот факт, что эти женщины реже более молодых и нерожавших применяют современную эффективную контрацепцию. Так, лишь 12–14% состоящих в браке женщин, имеющих двух детей, используют ее, против 24–29% нерожавших и не состоящих в зарегистрированном браке²³. Здесь также следует отметить, что даже при том, что аборт в нашей стране дело, так сказать, “семейное”, решение о нем почти в половине

²¹ См. об этом: *Исупова О.Г., Сакевич В.И.* Логическая ошибка: к чему приведет запрет на абортс и бэби-боксы.

²² См.: *Сакевич В.И.* Сближение России и США по уровню абортс // Демоскоп Weekly. 2017. № 745–746.

²³ См.: *Денисов Б.П., Сакевич В.И.* Применение контрацепции в России (по материалам выборочного обследования) // Доказательная медицина и клиническая эпидемиология. М., 2009. Вып. 1.

случаев женщина принимает самостоятельно, особенно ни с кем не советуясь, и лишь 29% принимают решение об аборте совместно с партнером²⁴.

Позитивные изменения в ситуации с абортами в России становятся возможными благодаря контрацепции, которая является способом предупреждения аборта и связанных с ним осложнений, а, следовательно, имеет не только медицинское, но и социальное значение. Однако невысокий уровень контрацептивной ответственности и сексуального образования, а также недоверие к гормональным средствам контрацепции и особенности сексуальной коммуникации в России приводят к тому, что несмотря на то что по уровню использования контрацепции наша страна сопоставима с развитыми странами, по структуре применяемых методов она существенно от них отличается. Процент использования эффективных средств контрацепции в нашей стране небольшой, применяются те методы, которые в Европе практически не используются, и это несмотря на развитие рынка доступной контрацепции. Это в свою очередь приводит к печальному лидерству нашей страны по производству аборт, число которых хотя и уменьшается, но все равно остается высоким.

Примечателен тот факт, что сами россияне, по крайней мере большая их часть (62%), уверены в том, что их знания о современных методах контрацепции достаточны. Они также заявляют о том, что в современном мире хватает информации о возможностях уберечься от нежелательной беременности (74%). При этом самым распространенным методом контрацепции является относительно надежный презерватив (52%); более надежные гормональные препараты использует лишь 21% населения; а еще около 12% населения²⁵ используют традиционные и крайне ненадежные методы контрацепции, такие как прерванный половой акт, который современная гинекология вообще не считает серьезной контрацепцией. Таким образом, «существующая структура применяемых методов контрацепции не обеспечивает эффективного и гуманного способа внутрисемейного контроля рождаемости, и число аборт в России остается высоким»²⁶.

²⁴ См.: *Шабунова А.А., Калачикова О.Н.* Особенности репродуктивного поведения населения // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 79–84.

²⁵ Источник данных: *Контрацепция: ответственность или вред?* // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3476. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116415> (дата обращения: 10.11.2017).

²⁶ *Денисов Б.П., Сакевич В.И.* Указ. соч.

Помимо уровня числа абортс для характеристики репродуктивного здоровья используют показатели материнской и младенческой смертности, которые являются также индикаторами социального благополучия и развития системы здравоохранения страны, они дают возможность оценить общее состояние здоровья, качество жизни населения и уровень социально-экономического развития общества в целом. В соответствии с Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. сокращение уровня материнской и младенческой смертности не менее чем в два раза является одной из основных задач демографического развития нашей страны²⁷.

Оба показателя в последние годы довольно существенно и устойчиво снижаются: коэффициент младенческой смертности, т.е. показатель, характеризующий смертность детей на первом году жизни, на которую по данным ВОЗ приходится 40% смертей детей в возрасте до 5 лет, составил в 2017 г. 6,0 на 1000 родившихся живыми, т.е. 6,0‰²⁸. Для сравнения в 2012 г. (наиболее корректный год для сравнения, так как произошел последний пик повышения уровня младенческой смертности связанный с переходом на новые критерии регистрации живорождений) он составлял 8,6‰. По словам министра здравоохранения РФ Вероники Скворцовой, сегодня в 56 из 85 регионов нашей страны младенческая смертность ниже 5‰²⁹. Казалось бы, неплохой показатель. Однако при его сравнении с показателем в странах Западной Европы (не говоря уже о Японии, где он равен 1,9‰) и в некоторых странах Восточной Европы наша страна несколько проигрывает в битве за детские жизни. Так, уровень младенческой смертности в Швеции 2,5‰, Чехии – 2,8, Италии – 3, Германии – 3,3, Франции – 3,5, Великобритании – 3,9, Польше – 4, Хорватии – 4,1, Сербии – 5,4, Болгарии – 6,5‰³⁰ (табл. 4). Если говорить о младенческой смертности в России, то характерной ее особенностью в сравнении со странами ЕС, где тенденция обратная, является увеличение доли постнеонатальной смертности, т.е. смерти детей от 28 дней до 1 года. При этом доля

²⁷ Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения: 12.10.2017).

²⁸ См.: Младенческая смертность по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики URL: www.gks.ru/free_doc/2016/demo/t2.xlsx (дата обращения: 12.11.2017).

²⁹ Скворцова: младенческая смертность в РФ в 2016 году снизилась на 8% // ТАСС Информационное агентство России. 2017. 14 марта. URL: <http://tass.ru/obschestvo/4093680> (дата обращения: 12.11.2017).

³⁰ См.: Коэффициент младенческой смертности // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/app4009.php> (дата обращения: 12.11.2017).

неонатальной смертности, т.е. от момента рождения до достижения 28 дней, снижается³¹. Перинатальная смертность, число мертворожденных и умерших в возрасте до 7 дней, также снижается и в 2016 г. составила 7,89 смертей на 1000 родившихся живыми и мертвыми (в том числе 5,73 мертворожденных и 2,16 умерших в возрасте до 7 дней)³².

Данному явлению можно дать два в какой-то мере противоположных объяснения. С одной стороны, развитие медицины и технологий борьбы за жизнь новорожденных отодвигает младенческие смерти, которые раньше происходили в первые часы жизни. Но с другой стороны, это может быть также следствием “недостаточного внимания к спасенным детям со стороны системы здравоохранения после выписки из организаций системы родовспоможения”³³. Стоит отметить, что именно эта постнеонатальная смертность может стать важным резервом снижения младенческой смертности в России.

Другим важным индикатором репродуктивного здоровья женщин, а также качества их жизни и развития системы здравоохранения и родовспоможения является показатель материнской смертности — число умерших от осложнений беременности, родов и послеродового периода на 100 тысяч родившихся живыми. Число таких женщин относительно невелико, а в последние годы показатель демонстрирует уверенное падение — 20 умерших на 100 тысяч родившихся живыми в 2010 г., 10,0 — в 2016 г. По большей части, снижение материнской смертности происходит за счет уменьшения числа умерших после аборта (так, за период 1990—2010 гг. доля абортотворения в материнской смертности сократилась в 4,5 раза с 48,9% до 10,8%)³⁴; гибель женщин от акушерских причин снижается

³¹ Баранов А.А., Намазова-Баранова Л.С., Альбицкий В.Ю., Терлецкая Р.Н. Закономерности и тенденции младенческой и детской смертности в Российской Федерации // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2015. № 1. С. 35—41.

³² Шербакова Е.М. Младенческая смертность в первом полугодии 2017 года снизилась до 5,3‰ // Демоскоп Weekly. 2017. № 741—742. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0741/barom06.php> (дата обращения: 12.11.2017).

³³ Кваша Е.А. Смертность детей до 1 года в России: что изменилось после перехода на новые определения живорождения и мертворождения // Демографическое обозрение. Электронный журнал. 2014. № 2. С. 38—56. URL: https://demreview.hse.ru/data/2014/11/20/1101110532/DemRev_1_2_2014_38-56.pdf (дата обращения: 12.11.2017).

³⁴ Источник данных: Денисов Б.П., Сакевич В.И. Прерывание беременности в Российской Федерации по данным официальной статистики и лонгитюдного обследования // Междисциплинарные исследования экономики и общества. Ежегодная научная конференция Новой экономической ассоциации; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, экономический факультет; 10—11 декабря 2013 г.: Сб. ст. / Под ред. А.А. Аузана, П.А. Минакира, Л.А. Тутова. М., 2014. С. 214—225.

гораздо медленнее. Уменьшение доли аборт в структуре материнской смертности может стать еще одним доводом против инициатив по запрету абортов, в результате которого искусственное прерывание беременности может стать опасным и очень доходным бизнесом, заняты в котором будут далеко не самые профессиональные люди, не всегда имеющие достаточный уровень образования и квалификации.

Таблица 4

**Динамика коэффициента младенческой смертности
в некоторых странах мира, 1970–2017 гг.**

(Число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми)

Страна \ Год	1970	1980	1990	2000	2012	2013	2016	2017
Болгария	27,3	20,2	14,8	13,3	7,8	7,3	6,6	6,5
Великобритания	18,5	13,9	7,9	5,6	4	3,9	3,9	3,9
Германия	22,5	12,4	7	4,4	3,3	3,3	3,3	3,3
Италия	29,6	14,6	8,1	4,3	2,9	2,9	3,2	3
Польша	36,4	25,4	19,4	8,1	4,6	4,6	4	4
Россия	23	22,1	17,4	15,3	8,6	8,2	6	6
Сербия	55,8	34,1	23,2	10,6	6,2	6,3	4,6	5,4
США	20	12,6	9,2	6,9	6	5,4	5,8	5,8
Украина	17	16,6	12,9	12	8,4	8	8,1	7,4
Франция	18,2	10	7,3	4,5	3,5	3,6	3,5	3,5
Чехия	20,2	16,9	10,8	4,1	2,6	2,5	2,5	2,8
Швеция	11	6,9	6	3,4	2,6	2,7	2,5	2,5
Япония	13,1	7,5	4,6	3,2	2,2	2,1	1,9	1,9

Построено по данным: Коэффициент младенческой смертности // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/app4009.php> (дата обращения: 12.10.2017).

Дополнительным свидетельством не самого благополучного состояния репродуктивного здоровья российских женщин, да и мужчин тоже, является уровень бесплодия, которое является очень насущной проблемой, учитывая низкий уровень рождаемости, широкое распространение абортов, а также увеличение распростра-

ненности инфекций, передающихся половым путем³⁵. Согласно определению Всемирной организации здравоохранения, “бесплодие – это неспособность сексуально активной, не использующей контрацепцию пары добиться беременности в течение одного года”³⁶. Демографическая наука определяет “бесплодие как отсутствие рождений в течение 3–5 лет регулярной половой жизни без применения методов контрацепции”³⁷. Причиной бесплодия могут быть нарушения репродуктивной системы у одного или обоих супругов. Уровень женского бесплодия в нашей стране соответствует среднемировому и составляет около 5%, “вторичное бесплодие охватывает 3,2% всех женщин 20–44 лет (для сравнения: в США, Норвегии и Финляндии эта доля – 1%, то есть втрое ниже). Первичное бесплодие в России – 1,9%, что совпадает со среднемировым показателем”³⁸. Бесплодие является не только медицинской, но и психологической и социальной проблемой, которая приводит к различным стрессовым ситуациям и воспринимается супругами как трагедия. Для того чтобы проблема была решена, необходимо не замалчивать ее, а открыто искать способы решения как в рамках отдельной пары, так и в масштабах страны.

Подводя итоги, следует сказать, что несмотря на серьезные успехи нашей страны в работе по охране материнства и детства все еще остается множество пробелов в деле сохранения сексуального и репродуктивного здоровья российских женщин и повышения уровня воспроизводства населения. Данная проблема требует комплексного подхода к ее решению с привлечением не только медиков, но и специалистов из других наук – социологов, психологов, сотрудников научных и общественных организаций. Репродуктивное здоровье должно стать национальным приоритетом, только тогда мы, возможно, сможем, конечно, при условии формирования у населения потребности в нескольких детях, преодолеть тот демографический кризис, который нам еще предстоит. В этом контексте значим не только уровень рождаемости, но очень важно, чтобы дети рождались здоровыми, а это зависит от здоровья будущих матерей, которое во многом определяет здоровье потомства и жизнеспособность будущих поколений.

³⁵ См. об этом: Репродуктивное здоровье населения России. Резюме отчета. 2011 // Федеральная служба государственной статистики. Министерство здравоохранения Российской Федерации. М., 2012.

³⁶ Сексуальное и репродуктивное здоровье // Всемирная организация здравоохранения. URL: <http://www.who.int/reproductivehealth/topics/infertility/definitions/ru/> (дата обращения: 12.10.2017).

³⁷ *Сакевич В.И.* Сколько в мире бесплодных пар? // Демоскоп Weekly. 2013. № 559–560.

³⁸ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов А.А., Намазова-Баранова Л.С., Альбицкий В.Ю., Терлецкая Р.Н. Закономерности и тенденции младенческой и детской смертности в Российской Федерации // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2015. № 1. С. 35–41.

Вишневский А.Г., Сакевич В.И., Денисов Б.П. Запрет аборта: освежите вашу память // Демоскоп Weekly. 2016. № 707–708. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0707/tema02.php#_ftn10

Гамзев М.А. Частота и причины абортов и их воздействие на воспроизводство женского населения // СМБ. 2013. № 2–2 (38).

Горбачева А. Запрет абортов рождаемость не повысит // Независимая газета. 2017.24.01. URL: http://www.ng.ru/health/2017-01-24/8_6910_abort.html

Григорьев Ю.А., Соболева С.В. Современное состояние репродуктивного здоровья населения Сибири как фактор сокращения рождаемости в регионе // Регион: экономика и социология. 2013. № 2.

Денисов Б.П., Сакевич В.И. Применение контрацепции в России (по материалам выборочного обследования) // Доказательная медицина и клиническая эпидемиология. М., 2009. Вып. 1.

Денисов Б.П., Сакевич В.И. Прерывание беременности в Российской Федерации по данным официальной статистики и лонгитюдного обследования // Междисциплинарные исследования экономики и общества. Ежегодная научная конференция Новой экономической ассоциации; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, экономический факультет; 10–11 декабря 2013 г.: Сб. ст. / Под ред. А.А. Аузана, П.А. Минакира, Л.А. Тутова. М., 2014.

Исупова О.Г., Сакевич В.И. Логическая ошибка: к чему приведет запрет на аборты и бэби-боксы // РБК. 2016.03.10. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/society/03/10/2016/57f25ade9a79479a7b550a97>

Кваша Е.А. Смертность детей до 1 года в России: что изменилось после перехода на новые определения живорождения и мертворождения // Демографическое обозрение. Электронный журнал. 2014. № 2. URL: https://demreview.hse.ru/data/2014/11/20/1101110532/DemRev_1_2_2014_38-56.pdf

Костюкова Н.Б. Медико-социальные аспекты репродуктивного здоровья женщин и пути его укрепления. Дисс. ... канд. мед. наук. Воронеж, 2011.

Кулаков В.И., Фролова О.Г. Репродуктивное Здоровье в РФ // Народонаселение. 2004. № 3.

Репродуктивное здоровье населения России. Резюме отчета. 2011 // Федеральная служба государственной статистики. Министерство здравоохранения Российской Федерации. М., 2012.

Сакевич В.И. Сколько в мире бесплодных пар? // Демоскоп Weekly. 2013. № 559–560. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0559/reprod01.php>

Сакевич В.И. От аборта к контрацепции // Демоскоп Weekly. 2016. № 687–688. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0687/tema02.php>

Сакевич В.И. Сближение России и США по уровню абортов // Демоскоп Weekly. 2017. № 745–746. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0745/reprod01.php>

Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения: 07.11.2017).

Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Особенности репродуктивного поведения населения // Социологические исследования. 2012. № 8.

Щербакова Е.М. Заболеваемость населения России, 2014–2015 годы // Демоскоп Weekly. 2016. № 683–684. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0683/barom01.php>

Щербакова Е.М. Младенческая смертность в первом полугодии 2017 года снизилась до 5,3‰ // Демоскоп Weekly. 2017. № 741–742. <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0741/barom06.php>

REFERENCES

Baranov A.A., Namazova-Baranova L.S., Al'bitsky V.Yu., Terleckaja R.N. Zakonomernosti i tendencii mladencheskoj i detskoj smertnosti v Rossijskoj Federacii [Patterns and Trends of Infant and Child Mortality in the Russian Federation] // Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny. 2015. N 1 (in Russian).

Vishnevskij A.G., Sakevich V.I., Denisov B.P. Zapret aborta: osvezhite vashu pamjat' [The prohibition of abortion: refresh your memory] // Демоскоп Weekly. 2016. N 707–708. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0707/tema02.php#_ftn10 (in Russian).

Gamzaev M.A. Chastota i prichiny abortov i ih vozdeystvie na vosproizvodstvo zhenskogo naseleniya [The frequency and causes of abortion and their impact on the reproduction of the female population] // SMB. 2013. N 2–2 (38) (in Russian).

Gorbacheva A. Zapret abortov rozhdamost' ne povysit [The prohibition of abortion will not increase birth rate] // Nezavisimaja gazeta. 2017.24.01. URL: http://www.ng.ru/health/2017-01-24/8_6910_abort.html (in Russian).

Grigor'ev Ju.A., Soboleva S.V. Sovremennoe sostojanie reproduktivnogo zdorov'ja naseleniya Sibiri kak faktor sokrashheniya rozhdamosti v regione [The current state of reproductive health of the population of Siberia as a factor of fertility reduction in the region] // Region: jekonomika i sociologija. 2013. N 2 (in Russian).

Denisov B.P., Sakevich V.I. Primenenie kontracepcii v Rossii (po materialam vyborochnogo obsledovanija) [The use of contraception in Russia (based on a sample survey)] // Dokazatel'naja medicina i klinicheskaja jepidemiologija. M., 2009. Vyp. 1 (in Russian).

Denisov B.P., Sakevich V.I. Preryvanie beremennosti v Rossijskoj Federacii po dannym oficial'noj statistiki i longitjudnogo obsledovanija [Interruption of pregnancy in the Russian Federation according to official statistics and longitudinal examination] // Mezhdisciplinarnye issledovanija jekonomiki i obshhestva. Ezhegodnaja nauchnaja konferencija Novej jekonomicheskoj associacii; Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, jekonomicheskij fakul'tet; 10–11 dekabrja 2013 g.: Sb. St. / Pod red. A.A. Auzana, P.A. Minakira, L.A. Tutova. M., 2014 (in Russian).

Ispova O.G., Sakevich V.I. Logicheskaja oshibka: k chemu privedet zapret na aborty i bjebi-boksy [Logical error: what will the ban of abortion and baby-boxes result in] // RBK. 2016.03.10. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/society/03/10/2016/57f25ade9a79479a7b550a97> (in Russian).

Kvasha E.A. Smertnost' detej do 1 goda v Rossii: chto izmenilos' posle perehoda na novye opredelenija zhivorozhdenija i mertvorozhdenija [Mortality of children under 1 year in Russia: what changed after the transition to a new definition of live birth and stillbirth] // Demograficheskoe obozrenie. Jelektronnyj zhurnal. 2014. N 2. URL: https://demreview.hse.ru/data/2014/11/20/1101110532/DemRev_1_2_2014_38-56.pdf (in Russian).

Kostjukova N.B. Mediko-social'nye aspekty reproduktivnogo zdorov'ja zhenshhin i puti ego ukreplenija [Medical and social aspects of women's reproductive health and ways to strengthen it] // Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata medicinskih nauk. Voronezh, 2011 (in Russian).

Kulakov V.I., Frolova O.G. Reproduktivnoe Zdorov'e v RF [Reproductive Health in the Russian Federation] // Narodonaselenie. 2004. N 3 (in Russian).

Reproduktivnoe zdorov'e naselenija Rossii. Rezjume otcheta. 2011 [Reproductive health of the population of Russia. Summary of the report. 2011] // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Ministerstvo zdavoohranenija Rossijskoj Federacii. M., 2012 (in Russian).

Sakevich V.I. Skol'ko v mire besplodnyh par? [How many infertile couples are there in the world?] // Demoskop Weekly. 2013. N 559–560. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0559/reprod01.php> (in Russian).

Sakevich V.I. Ot aborta k kontraccpii [From abortion to contraception] // Demoskop Weekly. 2016. N 687–688. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0687/tema02.php> (in Russian).

Sakevich V.I. Sblizhenie Rossii i SShA po urovnju abortov [Leveling between Russia and the United States on the level of abortion] // Demoskop Weekly. 2017. N 745–746. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0745/reprod01.php> (in Russian).

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.10.2007 g. N 1351. Ob utverzhdenii Konceptcii demograficheskopolitiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda [Decree of the President of the Russian Federation of 09.10.2007 N 1351. On the approval of the Concept of the demographic policy of the Russian Federation until 2025] // Sajt Prezidenta Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299> (in Russian).

Shabunova A.A., Kalachikova O.N. Osobennosti reproduktivnogo povedenija naselenija [Features of reproductive behavior of the population] // Sociologicheskie issledovanija. 2012. N 8 (in Russian).

Shherbakova E.M. Zabolevaemost' naselenija Rossii, 2014–2015 gody [Morbidity of the population of Russia, 2014–2015] // Demoskop Weekly. 2016. N 683–684. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0683/barom01.php> (in Russian).

Shherbakova E.M. Mladencheskaja smertnost' v pervom polugodii 2017 goda snizilas' do 5,3%o [Infant mortality in the first half of 2017 decreased to 5.3%o] // Demoskop Weekly. 2017. N 741–742. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0741/barom06.php> (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-2-139-155

ФЕНОМЕН ПОЛИАМОРИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

О.В. Григоренко, сотрудник Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, ул. Мясницкая, д. 18, Москва, Российская Федерация, 101000*

В современном обществе в условиях усиливающейся тенденции индивидуализации личности, кризиса нуклеарной семьи, духовно-нравственной надломленности и нарастающих чувств заброшенности и одиночества, “сокращения настоящего” и уменьшения продолжительности межличностных отношений ввиду увеличения социальных кругов общения и интенсификации взаимодействий возникает такое явление, как полиамория.

Цель статьи заключается в том, чтобы концептуализировать понятие полиамории, определить структурные и содержательные границы данного феномена, исследовать ключевые элементы этоса полиаморного типа межличностных отношений, а также установить предпосылки возникновения и распространения явления полилюбви в современном обществе. В статье анализируются трансформации сферы интимности: от классического типа любви до нарождающегося неопостклассического типа любви, от романтических отношений через кризис любви-слияния к полиаморным отношениям. Кроме того, проводится отчетливая демаркационная линия между поверхностным взглядом на исследуемое явление как на неограниченные и беспорядочные половые связи между взаимодействующими субъектами отношений и углубленным пониманием ценностей и принципов, являющихся фундаментом полиамории. В статье особо отмечается, что достигший своего апогея постклассический тип конфлюэнтной любви претерпевает кризис содержательности: лишенная одухотворенного чувства сексуальность трансформируется в омнисексуальность, и, будучи насыщенной обилием форм и самоисчерпанной содержательно, перевоплощается в различные варианты, такие как асексуальность, транссексуальность и объектофилия. В этой связи полиамория может быть рассмотрена как попытка преодоления “кризиса сексуальности” и восстановления содержания через реинкарнацию элементов прошлого — через сочетание разнообразия форм сексуальных практик постклассического типа любви и внутреннего содержания классического типа любви.

Ключевые слова: типология любви, сексуальность, романтическая любовь, полиамория, этос, конфлюэнтная любовь, трансформация интимности.

* Григоренко Ольга Валерьевна, e-mail: 5555-90@mail.ru

THE PHENOMENON OF POLYAMORY IN MODERN SOCIETY: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Grigorenko Olga V., Higher School of Economics staff, Myasnitkaya st., 18, Moscow, Russian Federation, 101000, e-mail: 5555-90@mail.ru

In modern society the phenomenon of polyamory arises in terms of growing tendency of personality individualization, crisis in nuclear family, spiritual and moral fragility, increasing feelings of abandonment and loneliness, “shrinking present” and shortening of interpersonal relations due to the extension of social circles and intensified interaction.

The paper aims to define the concept of polyamory, its formal and substantive boundaries, to research components of ethos of polyamory, and also to detect prerequisites for the emergence and spread of the phenomenon of polyamory in modern social reality. The analysis is devoted to transformation of intimacy – from classical kind of love to nascent neopostclassical, from romantic relationship through confluent love to polyamory. Besides, it is a demarcation between promiscuity and polyamory. It is also emphasized that postclassical confluent love is in a substantial crisis now – sexuality without love is being transformed into omnisexuality, which has a variety of forms and absence of sense, and then converted to asexuality, transsexuality and love to inanimate objects. In such a case polyamory tries to bridge the crisis of sexuality and reincarnate the elements of history by combination of different sexual practices of postclassical love and spirit of classical love.

Key words: *typology of love, sexuality, romantic love, polyamory, ethos, confluent love, transformation of intimacy.*

Феномен полиамории: понятие и этос

Научное обсуждение феномена полиамории актуализируется с конца XX – начала XXI вв., и предметом исследования выступают преимущественно межличностные отношения в полиаморных сообществах США и Великобритании. Но в условиях интенсификации массовых коммуникаций, межкультурных взаимодействий и беспрепятственного взаимопроникновения различных культурных элементов, данное явление находит свое отражение и обретает постепенное распространение и в российской действительности (о чем может свидетельствовать появление в социальных сетях соответствующих сообществ, таких как “Полиамория”, “Полиамурная Москва”, “Полиаморный Петербург” и др.). Именно поэтому представляется крайне важным провести анализ данного феномена и определить его нишу в системе социологического знания.

Импульсом для развития дискуссий о немногочисленных отношениях послужили дискурсы о сексуальной эмансипации и преодолении различного рода сексизмов – в отношении гомосексуальной субкультуры, бисексуальных движений, альтернативных сексуаль-

ных практик и феминистических течений¹. В период с 1992 по 2004 гг. на Западе появляются двенадцать ключевых работ, посвященных проблематике полиамории, которые подразделяются на две тематические группы². Первая когорта изданий ориентирована на исследование полиамории в языковом, практическом и историческом контекстах, представляет собой своего рода самоучитель по полиамории и носит скорее методический характер. К этой категории относятся работы таких исследователей, как Р. Ниаринг, К. Лэно и К. Перри, С. Вест, Д. Истон и К. Лист, М. Мунсон и Дж. Стелбум, Д. Анапол, В. Матик, многие из которых рассматривают полиаморию как мини-революцию личности. Вторую группу характеризует эзотерическая специфика исследования данной проблематики, внимание акцентируется на изучении спиритуалистических и религиозных элементов в рамках практики полиамории, а также подчеркивается необходимость стирания расовых, классовых и культурных границ и возможность достижения состояния общественной гармонии. Вторая совокупность работ представляет собой смесь личного опыта и научных эссе. К этой категории относятся работы А. Д'Онофрио, К. Хайнляйн и Р. Хайнляйн, Р. МакГери, Э. Рэвенскрофт. Но за последнее десятилетие начинает оформляться новая, третья, когорта исследователей, занимающихся, прежде всего, научным обоснованием феномена полиамории и его критическим анализом. К третьей когорте можно отнести работы Б. Адама, К. Клессе, И. Шеффа, Э. Ритчи и М. Баркера, И. Эшби, Л. Джеймисона³ и др. В рамках данной статьи мы рассмотрим лишь некоторые аспекты взглядов вышеперечисленных авторов, которые, на наш взгляд, могут быть положены в основу “манифеста полиамории”.

Итак, понятие “полиамория” (от лат. *poly* – “множество” и греч. *amor* – “любовь”) означает одновременную любовь более чем к одному человеку в личных отношениях. Само слово было создано в конце 1980-х парой Морнинг Глори и Обероном Зелл⁴, практиковавшей свободные отношения в браке и испробовавшей как триадическую модель взаимоотношений, так и последовавшую за ней модель, включающую в себя шесть участников. Исследователь Д. Анапол отмечает, что явление полиамории как таковое фокусируется не на количестве партнеров в рамках любовных отноше-

¹ *Haritaworn J., Klesse C., Lin C. Poly/logue: a critical introduction to polyamory // Sexualities. 2006. Vol. 9. N 5. P. 518.*

² *Noel M.J. Progressive polyamory: considering issues of diversity // Sexualities. 2006. Vol. 9. N 5. P. 602.*

³ *Deri J. Polyamory or polyagony? Jealousy in open relationships. Burnaby, 2011. P. 119.*

⁴ *Anapol D. Polyamory in the 21st century. N.Y., 2010. P. 1.*

ний, но на внутренней установке отдавать любовь без каких-либо ожиданий и требований относительно ограничения количества составляющих эти связи единиц. Ввиду этого очень важно дифференцировать понятия немоногамности и полиамории, первое из которых представляет собой структурный подход к межличностным отношениям, тогда как второе – этический (поэтому полиамория трактуется еще как “ответственная практика немоногамности”).

Д. Анапол выделяет две парадигмы любовных отношений:

– “старая парадигма”, в рамках которой любовные отношения концентрируются на структуре и ее контурах, создании непроницаемых границ вокруг группы, фундированной сводом правил с превалированием коллективных установок (социальных норм) вопреки индивидуальным желаниям;

– “новая парадигма”, рассматривающая отношения между субъектами любви с точки зрения следования совместно выработанным этическим принципам, с ориентацией на психологическое и духовное развитие всех вовлеченных в группу лиц с допущением индивидуальной автономии. Такие отношения позволяют “рассматривать близких как зеркало или отражение себя” и предоставляют возможность посредством усиленного и вездесущего принципа диалогичности заглядывать в души друг друга, чтобы быть не просто услышанным, но и интерпретированным.

Явление полиамории отвечает описанию второй парадигмы и основывается на решении признавать вариативность путей развития любовных отношений, поэтому полилюбовь может принимать различные формы (свободные отношения в моногамной брачной паре, триады, отношения “*mobilia*”, групповой брак), но обязательно исключает ложь и насилие и зиждется на определенных этических принципах. Итак, ключевым аспектом полиамории является не форма и структура отношений, но система ценностей и этос, на описании которого и хотелось бы далее остановиться. К. Клессе⁵ артикулирует и агрегирует элементы дискурса о полиамории, которые вкупе и создают ее этос:

1. *Любовь – основа эротики и сексуальности.* При этом любовь первична, сексуальность вторична. Подробнее данный вопрос будет рассмотрен во второй части статьи, посвященной философскому взгляду на концепты любви и полиамории.

2. *Неисключительность, неограниченность и избыточность полилюбови.* Данный принцип как раз отображает значение второй “новой” парадигмы о стирании границ и отказе от нормативно за-

⁵ Klesse C. Notions on love in polyamory – elements in a discourse on multiple loving // Laboratorim. 2011. Vol. 3. N 2. P. 4–25.

крепленной структуры любовных отношений, что предоставляет участникам полиаморной связи возможность удовлетворять эмоциональные, интеллектуальные и сексуальные потребности из разных источников, так как не всегда один партнер может обеспечить реализацию всех индивидуальных потребностей другого.

3. *Полилюбовь основывается на свободе.* Вместо феминистских дискурсов о свободе в контексте власти и насилия, дискурс полиамории апеллирует более к свободе выбора – выбора партнеров.

4. *Полилюбовь реализуется в отношениях, участники которых лояльны и активны.* Данный принцип может быть охарактеризован как готовность и способность партнеров созидать долгосрочные отношения благодаря коммуникации, в стремлении к постоянному диалогу и разрешении конфликтных ситуаций посредством консенсуса.

5. *Честность – основа основ полилюбови и близости.* Искренности придается особая ценность, честность выступает неким символическим аспектом отношений как единственной возможностью преодолевать возникающие барьеры на пути духовного сближения личностей.

6. *Полилюбовь значит самоотверженность.* Имеется в виду не столько необходимость, сколько сильное внутреннее желание партнеров раскрыть потенциал друг друга в отношениях, достичь максимально высоких вершин своего развития.

7. *Полилюбовь – это работа,* работа над собой и отношениями, обязательным условием которой является преодоление эгоизма и инстинкта обладания, с использованием методики “переговоров”.

8. *Полилюбовь проявляется в заботе о другом.* Реализация данного принципа гарантирует участникам полиаморной связи эмоциональную безопасность и создает ощущение расширенной семьи, отношения в которой носят доверительный и неманипулятивный характер.

9. *Полилюбовь трансцендентна (альтруистическая любовь, любовь к миру, любовь к Богу).* Данный аспект полиамории понимается в контексте заимствования элементов спиритуалистических и религиозных систем (языческих религий, христианства, восточных религий и др.).

Также К. Клессе в другой своей работе упоминает еще один принцип – *комперсию*⁶, что подразумевает выражение чувства радости от того, что любимые человеком люди делятся любовью друг с другом, что можно выразить формулой “любить любимого лю-

⁶ Klesse C. The spectre of promiscuity: gay male and bisexual non-monogamies and polyamories. L., 2012. P. 107.

бимого”, нечто напоминающее эмпатию (и само слово, вероятно, происходит от слияния двух слов “compassion” и “person” — испытывающий сочувствие, соучастие в чувстве). Д. Анапол, кроме того, описывает и ключевые законы⁷ существования полилюбовных отношений, которые тоже вполне характеризуют этос полиамории:

– закон самосознания (любовь как энергия, вибрация, состояние осознанности);

– закон единения (нет границ, исключаются ревность и собственничество, поощряется альтруизм, полиамория рушит культурные паттерны и права собственности, замещая их семейной средой, наполненной безусловной любовью, доверием, уважением и согласием);

– закон прощения (любовь как умение прощать за ошибки, понимать и сопереживать).

Несмотря на относительно упроченное представление о понятии полиамории, научное сообщество (особенно исследователи новой “третьей волны”), тем не менее, пока не пришло к однозначному выводу по поводу места этого явления в системе социологического знания — то ли это новая “лингвистическая вуаль” для бесчисленных и ничем не ограниченных сексуальных связей, воплощенных в различных формах, то ли новая нарождающаяся субкультура, одухотворяющая межличностные отношения и во главу угла ставящая чувство искренней любви, — и в этом еще предстоит разобраться. Теоретиками предпринимались попытки, прежде всего, разграничить ориентации полиаморов и свингеров. Так, если у свингеров взаимодействие между партнерами основывается прежде на сексуальном контакте и в дальнейшем возможно (но необязательно) дружеское общение, то в полиамории отношения получают свое развитие после налаживания любовных и дружеских контактов; отношения свингеров сексуально немоногамны, но в эмоциональном плане верность своему партнеру строго соблюдается, тогда как в полиаморных отношениях любовная связь предполагается между всеми партнерами; свингеры — это в большинстве своем пары (т.е. свингерские связи структурно регламентированы), а отношения полиаморов могут принимать различные формы (не имеют структурных ограничений). Но нередко границы между этими двумя ориентациями стираются, элементы взаимопереплетаются, и появляется новый тип отношений, именуемый “swolly”⁸, и тогда становится чрезвычайно затруднительно отличить одно явление от другого. Но в данной статье мы будем отталкиваться от идеально-

⁷ *Anapol D.* Op. cit. P. 238–239.

⁸ Urban dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=Swolly>

типического определения полилюбови, базирующегося на ключевом положении манифеста полиамористов — “ценности vs. форма” (“*values vs. form*”).

Полиамория и философия любви

Поскольку, исследуя феномен полиамории, мы вновь и вновь обращаемся к понятию любви, представляется целесообразным остановиться на спецификации смысла данной универсалии. Древнегреческая философия для обозначения любви использует синонимичный ряд слов, — эрос, филия, сторге, агапэ⁹, — каждое из которых помимо общего смысла чувства глубокой симпатии отличается от другого интенсивностью проявления, комплексом испытываемых эмоций, способом взаимодействия субъектов. Канадский социолог Алан Ли¹⁰ сформировал достаточно подробное и целостное представление о понятии любви и выделил первичный и вторичный типы любви. К первичному типу, согласно его концепции, относятся следующие три ее разновидности:

— *эрос* — сексуальная, страстная любовь, основывается на инстинктах, сильной физической и эмоциональной связи, предполагает субъектов отношений к разнообразию и рискам на пути любовных приключений;

— *людус* — любовь-игра, основанная на женской кокетливости и мужской склонности к флирту, отношения носят исключительно сексуальный характер и выстраиваются ради развлечения и удовлетворения “спортивного интереса”, субъекты отношений не ориентируются на построение долгосрочной связи (допускается и множественность связей одновременно), пробуждение чувств и отличаются готовностью разорвать отношения “без эмоциональных издержек”;

— *сторге* — семейная и дружеская любовь, предполагает исполнение комплекса обязательств и предписаний по отношению к другому, основывается на доверии и верности, создает ощущение защищенности.

Вторичный тип любви образуются за счет комбинаций видов любви первичного типа и включает в себя:

— *агапэ* — создается из слияния эроса и сторге, любовь бескорыстная и безусловная, основывается на самоотдаче и преданности партнеру и элиминирует навязчивость и ревность из отношений, обнаруживает себя также в благотворительной деятельности, в любви к природе, ко всему духовному и божественному;

⁹ Апресян П.Г. Слова любви: eros, philia, agape // Философия и культура. 2012. № 8. С. 27–40.

¹⁰ Lee J.A. Colours of love: an exploration of the ways of loving. N.Y., 1973.

– *мания* – образуется из соединения эроса и людуса, любовь, противоположная агапэ, навязчивая, собственническая, эгоистичная, носит крайне аффективный характер и приводит к одержимости субъектом отношений;

– *прагма* – представляет собой синтез людуса и сторге, любовь практичная и прагматичная, учитывающая совместимость партнеров по социальным статусам, ориентированная на обеспечение комфортного сосуществования нежеле на возобладание душевной и физической привязанности.

За рамки этой классификации выносятся особый тип любви – *филаутия*, или себялюбие, в крайнем ее проявлении это любовь эгоистическая и нарциссическая, лишаящая возможности любить другого (Другого).

Так, тот тип отношений, который изображается исследователями и приверженцами полиамории, в основе своей содержит именно *агапэ* в древнегреческом понимании, т.е. любовь самозабвенную по своей природе, любовь отдающую и сопереживающую, честную и прозрачную, но в контексте полиамории принимающую разнообразные формы.

Э. Гидденс также обращается к тематике любви и в работе “Трансформация интимности” выделяет романтическую любовь и любовь-слияние, или конфлюэнтную любовь. Р.Г. Апресян, развивая концепцию философии любви, относит романтическую любовь к классическому пониманию любви, а конфлюэнтную – к постклассическому. Признаки классической любви, по Э. Гидденсу, таковы: 1) преобладание привязанности к субъекту отношений как атрибута возвышенных чувств над сексуальным желанием; 2) ориентация субъектов отношений на долгосрочную перспективу их развития; 3) любовная этика как регламентация образа и формы взаимоотношений; 4) ориентация на гетеросексуальную пару. “Она [романтическая любовь] не совместима с вожделением и с земной сексуальностью, не столько потому, что любимое существо идеализируется – хотя это тоже часть истории, – сколько потому, что она предполагает психическую коммуникацию, встречу душ, которая носит взаимный характер”¹¹.

В постклассическом типе любви акценты смешаются: 1) духовная любовь становится опосредованной сексуальным желанием; 2) сексуальные умения и сексуальная удовлетворенность являются источником и отправной точкой отношений “любви-слияния”; 3) конфлюэнтная любовь не обязательно гетеросексуальна и моногамна; 4) ценным в любви оказывается не объект любви, который

¹¹ Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб., 2004. С. 70.

не воспринимается более в качестве неповторимого, единственного и в идеале обретенного навсегда, а сами отношения. «Любовь-слияние – это активная, неожиданная любовь, и поэтому она находится в дисгармонии с такими качествами комплекса романтической любви, как “навсегда”, “ты и только ты”»¹². Р.Г. Апресян отмечает: “Не в отречении от эротизма и сексуальности, а в эротической полноте любовных чувств и отношений увидели новые философы любви специфическое проявление природы и даже предназначения человека”¹³.

Таблица

Сравнительная характеристика трех типов любви

Типы любви Признак	Романтическая любовь	Конфлюэнтная любовь	Полилюбовь
Форма отношений/ структура	Гетеросексуальность, моногамность	Гетеросексуальность/гомосексуальность, моногамность/немоногамность	Гетеросексуальность/гомосексуальность, моногамность/немоногамность
Источник отношений	Любовь	Сексуальность	Любовь, дружба, сексуальность
Продолжительность отношений	Долгосрочность отношений	Текучесть отношений	Долгосрочность отношений

Исследователи А.Ф. Кашкайш и Д. Кардозо¹⁴ утверждают, что полиамория тесно связана с идеей конфлюэнтной любви и чистых отношений. Однако из данных табл. мы видим, что полилюбовь по структуре и форме тяготеет к конфлюэнтному типу любви, а по источнику отношений и их продолжительности – к романтическому типу любви. Важно отметить, что сексуальность в рамках полиаморных отношений – плавающая и необязательная компонента, тогда как духовный аспект является первопринципом. В связи с этим, мы можем предположить, что полиаморный тип любви представляет собой оформляющийся новый, неопостклассический, подход к любви, своим содержанием восходящий к классическому типу, а формой – к постклассическому.

¹² Гидденс Э. Указ. соч. С. 83.

¹³ Апресян Р.Г. Философия любви: постклассические трансформации. URL: <https://iphras.ru/page48656789.htm>

¹⁴ Cascais A.F., Cardoso D. ‘Loving many’: polyamorous love, gender and identity // Gender and Love: Interdisciplinary Perspectives. Oxford, 2012. P. 22.

Следует также подчеркнуть, что конфлюэнтная любовь подменила собой романтическую любовь, отбросив любовный мотив отношений на задний план и сосредоточившись на сексуальном аспекте отношений, но сама же растворилась в пансексуальности и потеряла свое содержание. В этой связи тип полиаморной любви пытается заполнить пустую форму посредством реинкарнации элементов романтического типа любви. Таким образом, полиамория является своего рода ответом на кризис сексуальности постклассического типа любви.

Феномен полиамории как индикатор трансформации интимности

Итак, окунувшись в полиамористскую литературу, исследовав сам концепт, полиамористский этос, а также место полиамории в философии любви, мы переходим к социологическому анализу данного явления.

Полиамория как социальный феномен может быть прочитана сквозь концепции “конца социального” Жана Бодрийяра, истощенности чувственности и торжества голой эротики Поля Рикера, взаимоотношений сексуальности и власти Мишеля Фуко и др. Такого рода анализ поможет нам вывести понятие полиамории из эфемерного состояния, “отеоретизировать” и придать оболочку реальной социальной сущности.

В своей работе “Фантомы современности” Ж. Бодрийяр описывает современный этап общественного развития как “конец социального”, что подразумевает под собой общество, функционирующее в отрыве от своей ценности, своего внутреннего содержания, растворившееся в хаосе и “метастатическом беспорядке”, дублируя дуближей при полном отсутствии идеи. Если в эпоху сексуального раскрепощения индивиды праздновали торжество сексуальности, не сопряженной с воспроизводством и семейными обязательствами, ныне же, по мнению автора, ситуация в корне изменилась — “максимум воспроизводства и как можно меньше секса”¹⁵. Остается форма, но бесследно исчезает содержание — любовь, эротика, секс. Погрузившись во мрак клоноподобия и транссексуальности, общество изобретает новые “костыли”, которые по сути своей есть лишь реабилитация прошлого через имитацию. Итак, на авансцену социальной реальности, робко и без огласки, прокрадывается явление полиамории как попытка возродить чувственность, интимность, любовь, заботу о ближнем, сконструировать аналог “расширенной семьи” как гаранта гармонии и безопасности. Именно

¹⁵ Бодрийяр Ж. Фантомы современности // Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы. М., 2015. С. 87.

таким образом исповедующие принципы полиамории пытаются наполнить форму оскудевших личных, брачных и семейных отношений эмоциональным, сексуальным и духовным содержанием посредством реинкарнации практик и ментальной основы общности (в противоположность практикам и ценностям общества). В этой связи представляет неподдельный интерес труд М. Фезерстоуна “Модификация тела” с точки зрения рассмотрения явления неотрайбализма как своего рода реинкарнации социальных практик прошлого в двух вариантах: 1) воспроизводство формы с новым содержанием, и 2) воспроизводство формы без содержания. Так, автор, апеллируя к проблематике использования телесных маркировок (тату), рассматривает примеры таких сообществ, как гангстеры, футбольные клубы, рок-группы британских пабов и др., возрожденная племенная ментальность которых наполнена новым смыслом и содержанием (в некоторых случаях перетекающая в настоящий фашизм, что опять же доказывает ее содержательную насыщенность, хоть и нередко девиантно-ориентированную). В противоположность этому, нанесение временных, красочных и эпатажных тату представителями модельного бизнеса или последователями моды свидетельствует о бессодержательном возрождении социальных практик трайбализма, практик вне всякого смысла, осуществляемых в качестве реплики элементов общества потребления. Применяя данную теоретическую модель для описания и объяснения исследуемого нами явления, мы также можем обнаружить различие бессодержательной реинкарнации элементов прошлого, выраженной в осовремененной форме промискуитета, не отягощенного никаким смыслом (подтверждение теории симулякров Ж. Бодрийера), и содержательной реинкарнации, обнаруживающей свое отражение в явлении полиамории с попыткой сакрализовать понятие любви (аналогия с концепцией М. Маффесоли о неотрайбализме с присущими ему религиозным духом и локализмом).

В добавление к этому Поль Рикер в труде “Сексуальность: чудо, заблуждение, загадка” также повествует об обнаженной, лишенной смысловой наполненности форме сексуальности, об истощении чувственности и возобладании очищенной от эмоциональных примесей эротики. “Эротика начинает создавать свой вымышленный мир в промежутке, ограниченном, с одной стороны, гедонистическим разочарованием, с другой — исчерпанностью чувственности. Отсюда — крайняя безысходность всей этой затеи: обостренный эротизм, который свойствен человеку, посвящающему свою жизнь сексу; изощренный эротизм в его разнообразных формах; воображаемый эротизм, связанный с позициями: выявлять — скрывать, отказывать — позволять; рассудочный эротизм любопытствующего,

который отводит третьему лицу все эротические роли: на каждом из этих путей в игру вступает сексуальная фантазия, связанная с наличием различных героев сексуальности; однако благодаря этим формам мы видим, как шаг за шагом совершается переход от тесных отношений к безутешному одиночеству. Глубокое отчаяние, связанное с эротикой — оно напоминает знаменитую дырявую бочку из греческой легенды, — заключается в том, что мы оказываемся не в состоянии компенсировать утрату ценности и смысла с помощью эрзаца нежности”¹⁶. Пресыщение разнообразными сексуальными практиками приводит к обесцениванию как личных отношений в целом, так и сексуальных в частности. И не являются ли полиаморные связи попыткой преодолеть этот “кризис чувственности”? Не есть ли это тот самый возрождающийся из пепла “трепет”, о котором говорил Ж. Батай в труде “Слезы Эроса” как о единственной возможности приблизиться к истине эротизма? Вероятно, данное воззрение будет сочтено за крайне идеализированное представление о феномене полиамории. Но при условии вскрытия внутри ценностного кризиса общества кризиса сексуальности полиамория предстает как раз в том ключе, в котором мы ее выше осветили, т.е. в качестве некоего “луча света в темном царстве”. Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что в рамках приведенных теоретических построений полиамория рассматривается не как одна из сторон процесса морально-нравственной деградации современного общества, “социальный выродок” или следствие ценностного кризиса, но усилие, предпринятое для преодоления “кризиса сексуальности”, вызревшего внутри ценностного кризиса социума.

Если в период сексуального освобождения тело теряет свою функцию вместилища души (все сводится к репрезентации сексуальности), то далее тело теряет и функцию вместилища сексуального, тело становится “манекеном”, абсолютно пустой формой. Полиамория же пытается преодолеть эту своего рода “сексуальную блазированность”, вернуть телу истинную сексуальность и духовную составляющую, но реинкарнация эта происходит за рамками регламентированного распределения гендерных ролей и в видоизмененных формах с вариацией допущений. Оказывается неважным, какая форма станет воплощением чувственности, акцент делается на самой возможности чувственности, ее концентрации и сакрализации. Но эта сакрализация чувственности, не укладывающаяся в привычные структуры отношений, противоречит сформированному правильному образу нормального общества, за что и подвер-

¹⁶ Рикер П. Сексуальность: чудо, заблуждение, загадка // История и истина. СПб., 2002. С. 231.

гается нападкам со стороны институтов, осуществляющих функции социального контроля. Как мы помним, история сексуальности свидетельствует о расширении границ дискурса сексуальности, усилении социального контроля и сосредоточении на репродуктивной функции и воспроизводстве общества. В этой связи оформляются “четыре привилегированных объекта знания, четыре мишени и точки закрепления для разного рода демаршей знания”¹⁷. Это 1) истеричная женщина, ограниченная и всецело определяющаяся своей сексуальностью; 2) мастурбирующий ребенок с присутствием ему аморальным поведением, угрожающим здоровью расы; 3) мальтузианская пара, социализированная для рождения детей в соответствии с потребностями и нуждами общества; и, наконец, 4) извращенный взрослый, пребывающий в одержимости ненормальными инстинктами. В рамках данного дискурса гетеросексуальные отношения признаются “нормализованной типизацией”, в то время как иные формы сексуального поведения стигматизируются как аномальные. Но теперь сексуальные практики “недисциплинированного эротизма” не просто не вписываются в “социальный флютбет”¹⁸, вследствие чего подлежат клеймению, но и вовсе теряют содержание. Полиамория же пытается это содержание восстановить, не исключая ни одну из форм его воплощения. Немецкий сексолог Фолькмар Зигуш пишет об эре неосексуальности, в которой сексуальность просочилась во все сферы жизни, и как следствие произошло нивелирование значимости секса. “Если для Фуко история сексуальности была историей особенного, анархического и безграничного, то сегодня сексуальность стала обыденной, банальной, общепринятой. Вместо похоти теперь желание быть сексапильным. Если я могу пользоваться вниманием и одобрением, не подвергая себя никакому телесному риску, то упаковка вполне может заменить содержание”¹⁹. Доказательством этому может послужить и популярное во всем мире виртуальное сообщество Tinder, потенциальные партнеры в котором оцениваются в большей степени именно по параметру сексапильности представленных в профиле каждого участника фотографических снимков. И снова мы находим теоретическое подтверждение

¹⁷ Фуко М. История сексуальности. Т. 2. Использование удовольствий // По ту сторону власти, знания и сексуальности. М., 1996. С. 206.

¹⁸ “Социальный флютбет” – совокупность норм, фундамирующих социальный порядок и являющихся основой для регуляции социальных отношений; социальный предохранитель, выполняющий функцию социального контроля и защиты социального порядка от деформаций и свободного выражения инстинктов и волеизъявления членов социума.

¹⁹ Прехт Р.Д. Любовь. М., 2011. С. 363.

наличия кризиса сексуальности как воспроизводства бессодержательной ее формы. Период духовно-нравственного кризиса социальности на фоне доминирования дискурса сексуальности сменяется эпохой кризиса этой самой сексуальности с медицинским диагнозом – асексуальность, транссексуальность, объектофилия. В этом смысле полиамория является ярко выраженным индикатором кризиса сексуальности в обществе. Р. Прехт описывает современное общество как стремящееся к поиску любовного и религиозного смыслов. Не этой же самой интенцией обладает и этос полиамористов? Если современное общество олицетворяет собой формально организованный ансамбль тел, ранее испутивших дух и ныне атрофированных сексуально, то в таком контексте феномен полиамории – это “чудесное социальное” как выражение человеческого религиозного инстинкта или все-таки “сосуд данаид” как образ невозможности наполнения содержанием деформированной, искаженной формы?

Подведем итоги сказанного. В данной статье мы осветили понятие полиамории, описали этос полилюбви, ее теоретико-методологические и социальные основания. И в заключение в качестве обобщения вышеизложенного мы выделим и рассмотрим ряд гипотез возникновения феномена полиамории в современном обществе.

1. *Консервативная* гипотеза вызревания в социальных недрах явления полиамории отталкивается от кризисного состояния социального института семьи в целом, складывающегося из субкризисов нуклеарной семьи, институтов добрачного поведения, материнства и детства. В этом контексте полиамория имеет скорее отрицательную коннотацию и является, с одной стороны, нежелательной издержкой на стадии переломного момента процесса развития института семьи, с другой – стимулирующим механизмом разложения духовно-нравственных ценностей и разрушения семейных основ.

2. *Эволюционная* гипотеза рассматривает феномен полиамории в качестве закономерного этапа исторического развития категории любви, трансформирующейся от классического типа, через постклассический, к пока не явно осязаемому в обществе неопостклассическому. При этом переход от конфлюэнтной любви к полилюбви связан с реакцией межличностных отношений на кризис сексуальности постклассического типа.

3. *Авангардная (или протестная)* гипотеза связывает появление полиамории с реакцией протеста, направленного против угнетающих форм социального контроля со стороны таких социальных

институтов, как семья, религия, медицина. Полиамория в этой связи предстает как попытка преодоления навязываемых СМИ образов пустых форм без содержания (с одной стороны, образа семейной пары, “осчастливленной” и упоенной возможностями приобретения разнообразия товаров, обременения ипотечным кредитом и т.д., с другой — образа совершенного человеческого тела как проекта “нарциссического реинвестирования”, результата трудов волшебников хирургии, косметологии и индустрии моды) и как попытка “поиска зоны безопасности в период стремительных культурных изменений”²⁰.

4. *Неорелигиозная* гипотеза рассматривает феномен полиамории в условиях трансформации религиозной сферы общества и нарекает полилюбовь своего рода “религией после религии”. “Религия ведаёт нам о существовании жизни после смерти, а любовь — о жизни до смерти”²¹. Полиамория выступает некоей квазирелигиозной формой общественного сознания, в рамках которой индивид олицетворяется с храмом, а молитвы — с человеческими желаниями. Любовь в широком смысле, и полилюбовь в частности, может быть расценена как жест, направленный против бессердечного общества, содрогающегося от рисков индивидуализма.

На наш взгляд, каждая из гипотез заслуживает дальнейшего всестороннего и глубокого исследования, результатом которого должно стать научно обоснованное установление истинной социальной сущности феномена полиамории — общественного диагноза или панацеи от социальных болезней?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян Р.Г. Слова любви: eros, philia, agape // *Философия и культура*. 2012. № 8 (56). С. 27–40. URL: https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/Apressyan/Slova_lyubvi.pdf (дата обращения: 25.09.2017).

Батай Ж. Из “Слез Эроса” // *Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века*. СПб., 1994. С. 271–308.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.

Бодрийяр Ж. Фантомы современности // *Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы*. М., 2015. С. 5–116.

Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб., 2004.

Зиммель Г. Фрагмент о любви // *Зиммель Г. Избранное*. Т. 2. М., 1996. С. 201–212.

²⁰ *Осипова Н.Г., Челищев В.И.* Социальные механизмы и технологии манипулятивного управления личностью // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2016. Т. 22. № 4. С. 5.

²¹ *Beck U., Beck-Gernsheim E.* The normal chaos of love. Oxford, 1995. P. 176.

Маффесоли М. Околдованность мира или божественное социальное // СОЦИО-ЛОГОС. М., 1991. С. 274–283. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Article/Maff_OkMir.php (дата обращения: 15.09.2017).

Миллер Дж. Страсти Мишеля Фуко. М.; Екатеринбург, 2013.

Осипова Н.Г., Челищев В.И. Социальные механизмы и технологии манипулятивного управления личностью // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 4. С. 3–21. DOI: 10.24290/1029-3736-2016-22-4-3-21.

Прехт Р.Д. Любовь. М., 2011.

Рикер П. Сексуальность: чудо, заблуждение, загадка // История и истина. СПб., 2002. С. 221–234. URL: http://www.ec-dejavu.net/e/Eros_Ricoeur.html (дата обращения: 11.08.2017).

Фуко М. История сексуальности. Т. 2. Использование удовольствий // По ту сторону власти, знания и сексуальности. М., 1996.

Фуко М. История сексуальности. Т. 3. Забота о себе. Киев; М., 1998.

Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб., 2007.

REFERENCES

Anapol D. Polyamory in the 21st century. N.Y., 2010.

Apresjan R.G. Slova ljubvi: eros, philia, agape [The words of love: eros, philia, agape] // Filosofija i kul'tura [Philosophy and Culture]. 2012. Vol. 8. N 56. P. 27–40 (in Russian).

Bataj Zh. Iz “Slez Erosa” [From “Tears of Eros”] // Tanatografija Jerosa: Zhorzh Bataj i francuzskaja mysl' serediny XX veka [The tanatography of Eros: George Bataj and French thought of mid 20th century]. SPb., 1994. P. 271–308 (in Russian).

Bodrijar Zh. Obshhestvo potreblenija. Ego mify i struktury [The Consumer Society. Myths & Structures]. М., 2006 (in Russian).

Bodrijar Zh. Fantomy sovremennosti [The phantoms of modernity] // Matrica Apokalipsisa. Poslednij zakat Evropy [The Matrix of Apocalypse: The Last Sunset of Europe]. М., 2015. P. 5–116 (in Russian).

Beck U., Beck-Gernsheim E. The normal chaos of love. Oxford, 1995.

Cascais A.F., Cardoso D. ‘Loving many’: polyamorous love, gender and identity // Gender and Love: Interdisciplinary Perspectives. Oxford, 2012. P. 21–29. URL: https://www.researchgate.net/publication/261872379_%27Loving_Many%27_Polyamorous_Love_Gender_and_Identity (accessed: 18.07.2017).

Deri J. Polyamory or polygamy? Jealousy in open relationships. Burnaby, 2011.

Featherstone M. The possibility of primitiveness: towards a sociology of body Marks in cool societies // Body Modification. 2005. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446220207.n3> (accessed: 20.09.2017).

Fuko M. Istorija seksual'nosti. Т. 2. Ispol'zovanie udovol'stvij [The History of Sexuality. Vol. 2. The Use of Pleasure] // Po tu storonu vlasti, znaniya i seksual'nosti [The Other Side of Power, Knowledge and Sexuality]. М., 1996 (in Russian).

Fuko M. Istorija seksual'nosti. Т. 3. Zabota o sebe [The History of Sexuality. Vol. 3. The Care of the Self]. Kiev; М., 1998 (in Russian).

Fuko M. Germenevtika sub'ekta [The Hermeneutics of the Subject]. SPb., 2007 (in Russian).

Giddens A. Transformacija intimnosti [The Transformation of Intimacy]. SPb., 2004 (in Russian).

Haritaworn J., Klesse C., Lin C. Poly/logue: a critical introduction to polyamory // *Sexualities*. 2006. Vol. 9. N 5. P. 515–529. DOI: <http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1363460706069963> (accessed: 03.09.2017).

Klesse C. Notions on love in polyamory – elements in a discourse on multiple loving // *Laboratorim*. 2011. Vol. 3. N 2. P. 4–25. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/10/12/1267235503/01_CK.pdf (accessed: 03.09.2017).

Klesse C. The spectre of promiscuity: gay male and bisexual non-monogamies and polyamories. L., 2012.

Klesse C. Poly economics – capitalism, class, and polyamory // *International Journal of Politics Culture and Society*. 2014. N 27. P. 203–220. DOI: 10.1007/s10767-013-9157-4.

Kleese C. Polyamory and its 'others': contesting the terms of non-monogamy // *Sexualities*. 2016. Vol. 9. N 5. P. 515–529. URL: <http://sites.middlebury.edu/sexandsociety/files/2015/01/polyamory4-klesse-polyamory.pdf> (accessed: 03.09.2017).

Lee J.A. Colours of love: an exploration of the ways of loving. N.Y., 1973.

Maffesoli M. Okoldovannost' mira ili bozhestvennoe social'noe [Enchanted world or Divine Sociality] // *SOCIO-LOGOS*. M., 1991. P. 274–283 (in Russian).

Miller J. Strasti Mishelja Fuko [The Passion of Michel Foucault]. M.; Ekaterinburg, 2013 (in Russian).

Noel M.J. Progressive polyamory: considering issues of diversity // *Sexualities*. 2006. Vol. 9. N 5. P. 602–620. DOI: 10.1177/1363460706070003.

Osipova N.G., Chelischev V.I. Social mechanisms and technologies of manipulative management of the person // *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2016. Vol. 22. N 4. C. 3–21. DOI: 10.24290/1029-3736-2016-22-4-3-21 (in Russian).

Precht R. Ljubov' [Love]. M., 2011 (in Russian).

Riker P. Seksual'nost': Chudo, zabluzhdenie, zagadka [Sexuality: Miracle, Delusion, Mystery] // *Istorija i istina [History and Truth]*. SPb., 2002. P. 221–234 (in Russian).

Zimmel' G. Fragment o ljubvi [A Fragment on Love] // *Izbrannoe*. T. 2. [Selected. Vol. 2]. M., 1996. P. 201–212 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-2-156-172

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США ПО УСТАНОВЛЕНИЮ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

А.А. Плащинский, канд. полит. наук, первый проректор Учреждения образования Федерации профсоюзов Белоруссии «Международный университет “МИТСО”», ул. Казинца, д. 21/3, Минск, Белоруссия, 220099*

Академическая и политическая элита в США традиционно придерживается двух подходов к реализации внешней политики. Это изоляционизм, с одной стороны, и глобализм (интернационализм), с другой стороны. Данные подходы основываются на различных принципах внешнеполитических действий: с одной стороны, невовлеченности в дела Евразии и мира в целом (изоляционизм) и, с другой стороны, активной геополитической и геоэкономической экспансии (глобализм). Несмотря на определенные противоречия по вопросам выбора внешнеполитических инструментов, в частности, относительно выбора концепций “мягкой силы” или “жесткой силы”, односторонних или многосторонних действий, представители каждой из указанных школ мысли придерживаются главного фундаментального принципа американской внешней политики — защиты национальных интересов США перед лицом “образа врага”. Поэтому глобалисты и изоляционисты, “реалисты” и “идеалисты”, так называемые “ястребы” и “голуби” в американском внешнеполитическом истеблишменте совместно противодействуют “внешней угрозе”. Со времен холодной войны такая “угроза” традиционно обозначается в лице России. Вокруг нее, в первую очередь, и формируется “образ врага”.

В статье рассматриваются геополитические концепции внешней политики США, которые обусловили глобальную экспансию этой страны на международной арене. Среди них — концепция “подвижных границ”, концепция “анаконы”, концепция “Хартленда”, концепция “Римленда” и т.д. Принимая во внимание агрессивный характер внешнеполитического курса США, анализ данных концепций позволяет рассмотреть политику США как геостратегию, направленную на установление нового мирового порядка. Анализ ее геополитических основ позволяет раскрыть фундаментальные процессы в мировой политике и прогнозировать возможные сценарии будущего мироустройства. Исследование геополитических основ стратегии США также позволяет понять причины противодействия США евразийскому интеграционному процессу.

* Плащинский Александр Алексеевич, e-mail: a.plashchinsky@mail.ru

Ключевые слова: внешняя политика США, концепции, геополитика, геостратегия, мировая гегемония, новый мировой порядок.

GEOPOLITICAL FOUNDATIONS OF U.S. FOREIGN POLICY STRATEGY ON ESTABLISHING THE NEW WORLD ORDER

Plashchinsky Alexander A., Associate Professor, First Vice Rector, Higher Educational Establishment of the Federation of Trade Unions of Belarus International University “MITSO”, Kazinza st., 21/3, Minsk, Republic of Belarus, 220099, e-mail: a.plashchinsky@mail.ru

Academic and political establishment in the United States traditionally abides by two approaches towards the implementation of foreign policy. That is isolationism, on the one hand, and globalism (internationalism), on the other. These approaches are based on different principles of foreign policy actions, namely, non-involvement in the affairs of Eurasia and those of the world in general (isolationism) and, on the contrary, active geopolitical and geo-economic expansion (globalism). Despite certain contradictions in choosing foreign policy instruments, in particular, the concepts of “soft power” or “hard power”, unilateral or multilateral actions, representatives of each of these schools of thought adhere to the main fundamental principle of the U.S. foreign policy, that is, the defense of U.S. national interests in the face of the “image of enemy”. Therefore, globalists and isolationists, “realists” and “idealists”, the so-called “hawks” and “doves” in the American foreign policy establishment are jointly countering the “external threat”. Since the Cold War period, such a “threat” has been traditionally identified in the face of Russia. Around her, first and foremost, “the image of enemy” is being formed.

The article deals with geopolitical concepts of U.S. foreign policy, which preconditioned global expansion of that country on the international arena, such as the moving “Frontier” concept, the “Anaconda” concept, the “Heartland” concept, the “Rimland” concept and etc. Considering the aggressive nature of the U.S. foreign policy, the analysis of the above concepts allows to considering the latter as being the geostrategy, which is aimed at establishing the new world order. The analysis of its geopolitical foundations allows us to reveal fundamental processes in world politics and to predict possible scenarios of the coming world order. The research of the geopolitical foundations of the U.S. strategy also makes it possible understanding of the true reasons for the U.S. opposing the Eurasian integration process.

Key words: U.S. foreign policy, concepts, geopolitics, geostrategy, world hegemony, new world order.

Начиная с доктрины Монро, провозгласившей Западное полушарие сферой американских интересов, Соединенные Штаты осуществляют планомерное расширение сфер влияния, включая стратегически важные регионы земного шара в сферу своих “жизненных интересов”. После окончания Второй мировой войны

внешняя политика США была сфокусирована на трех важнейших регионах Евразии: Западной Европе, Ближнем Востоке (Персидский залив) и Юго-Восточной Азии. Идеология либерализма в сочетании с геополитическими требованиями “морской силы” сформировали внешнеполитическую стратегию США как *инструмент* установления нового мирового порядка.

Внешнеполитическая стратегия США – это геостратегия в широком смысле. Она основывается на ряде геополитических концепций, выдвинутых еще отцами-основателями англосаксонской геополитической мысли, такими как А. Мэхэн, Ф.Дж. Тернер, Х. Маккиндер, Н. Спайкмэн и др. Большинство внешнеполитических доктрин президентов США основаны на геополитических концепциях названных ученых и предполагают осуществление целенаправленной экспансии. В этой связи целесообразно проанализировать геополитическую основу внешнеполитической стратегии США, состоящую из концепции “подвижных границ”, концепции “анаконды”, концепции “Хартленда”, концепции “Римленда”, а также ряда других геополитических императивов и принципов.

Концепция “подвижных границ” (“теория о границе”) была выдвинута историком Ф.Дж. Тернером в его докладе на специальном заседании Американской исторической ассоциации 12 июля 1893 г. в Чикаго. Затем данная теория была опубликована в статье “Тезис о границе”, в которой Тернер обосновывал “подвижность” границ США. Он утверждал, что наличие свободных земель и продвижение американских поселений на Запад объясняют развитие Америки. Американский ученый подчеркнул, что овладение новыми землями дает экономическую власть, которая в свою очередь обеспечивает политическую власть. При этом Тернер обратил внимание как на преимущества, так и на опасность, которую представляет собой демократия. В частности, он справедливо указал, что “демократия, рожденная из свободной земли, сильная в эгоизме и индивидуализме, нетерпимая к административному опыту и образованию, и подавляющая личностные свободы за пределами собственных границ, имеет свои опасности, а также свои преимущества (курсив мой. – А.П.)”¹.

Далее Тернер писал о том, что Соединенные Штаты больше не имеют четкой границы в традиционном понимании демаркационной линии. Он обосновывал американскую экспансию с исторической и экономической точек зрения: “В этом продвижении граница является внешним краем волны [экспансии] – местом встречи

¹ Turner F.G. The significance of the frontier in American history // The Annenberg Foundation. URL: <http://www.learner.org/workshops/primarysources/corporations/docs/turner.html> (accessed: 12.06.2015).

дикости и цивилизации. Много было написано о границе с точки зрения пограничной войны и преследования, но как поле для серьезного исследования экономиста и историка она игнорировалась. Американская граница резко отличается от европейской границы – укрепленной пограничной линии, проходящей через плотные популяции”². Таким образом, территориальная экспансия США изначально осуществляется под предлогом расширения демократии и “цивилизации”.

Концепция “анаконды” (теория Мэхэна или “теория морской силы”) была разработана в конце XIX в. Ее автором являлся американский контр-адмирал А. Мэхэн. Данная концепция была впервые использована в отношении армии северян в гражданской войне в США (1861–1865) и предполагала блокирование территории противника с моря и по береговым линиям (по сути, введение режима санкций). Таким образом осуществлялось истощение сил и ресурсов противника, т.е. “удушение” в кольцах анаконды. Аналогичный принцип использовался США и в ходе блокады Кубы вплоть до 2015 г., а также в рамках политики изоляции и санкций в отношении многих других государств. Примечательно, что с 2006 г. США и их союзники по НАТО проводят учения “Анаконда” (раз в два года). В 2016 г. такие учения были проведены на территории Польши.

В глобальном масштабе теория Мэхэна была реализована в период холодной войны в отношении континентального пространства Евразии. В этот период происходило создание военно-морских баз США по периметру континента – по направлению к границам России. Вашингтону требовался контроль над прибрежными зонами и выходами к морским портам. Реализация концепции анаконды отчетливо прослеживается в рамках стратегии “сдерживания” СССР. В период холодной войны политика США была направлена на изоляцию Советского Союза в геополитическом, экономическом, технологическом и других отношениях. В частности, в отношении Советского Союза действовали ограничения Координационного комитета по многостороннему экспортному контролю (КОКОМ), созданного в 1947 г. для ограничения экспорта высокотехнологичных товаров в СССР и государства Варшавского блока.

Геополитическая изоляция СССР осуществлялась посредством создания военно-политических блоков, таких как НАТО, СЕНТО, АНЗЮС и АСЕАН. Хотя теория Мэхэна как геополитическая концепция не была официально признана Вашингтоном в качестве одной из основ геостратегии США, принцип анаконды и идеи американского контр-адмирала Мэхэна активно продвигал, на-

² Turner F.G. Op. cit.

пример, Г. Лодж, сенатор и историк. Данные идеи также повлияли на Президентов США У. Маккинли и Т. Рузвельта. Более того, Т. Рузвельт считал себя учеником Мэхэна, особенно, что касается идеи создания “большого флота”³.

Концепция “Хартленда” была разработана в начале XX в. Х. Маккиндером. Он обосновал геополитическую значимость Евразии как центральной арены мира. Согласно этой концепции, преобладающее влияние на евразийском континенте является ключом к достижению мировой гегемонии. В 1904 г. Британское Королевское Географическое Общество опубликовало статью Маккиндера, ставшую классикой геополитики. В статье, озаглавленной “Географическая ось истории”, Маккиндер сформулировал теорию Хартленда.

Центральное ядро Евразии, обозначенное границами бывшего СССР и современной России, определялось как “осевой регион”, вокруг которого происходит историческое развитие. Влияние и контроль в этом регионе имеют первостепенное значение с точки зрения геостратегии. Именно по этой причине Маккиндер предложил рассматривать “осевой регион”, исторически обозначенный границами России, как потенциальное пространство для создания мировой империи (при этом сам термин “Хартленд” еще не был им использован в упомянутой статье)⁴.

В 1919 г. Маккиндер опубликовал один из своих основных научных трудов под названием “Демократические идеалы и реальность: исследование политики реконструкции”. В этой статье он разработал положение о “мировом острове” и его геополитическом ядре — Хартленде. Контроль над ним, с точки зрения Маккиндера, означает достижение мировой гегемонии: “Кто управляет Восточной Европой, владеет Хартлендом; кто управляет Хартлендом, владеет Мировым островом; кто управляет Мировым островом, владеет миром”⁵.

Важно особо подчеркнуть, что данный постулат был сформулирован накануне Парижской мирной конференции. Идеи Маккиндера повлияли на решения Конференции. Это проявилось в создании полосы буферных государств между Россией и Германией. Такой подход препятствовал не только сближению данных госу-

³ См. например: *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в.: очерки военно-экономического потенциала / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1986.

⁴ *Mackinder H.J.* The geographical pivot of history // *Geographical Journal*. 1904. Vol. 23. N 4. P. 421–437; См. например: *Venier P.* The geographical pivot of history and early 20th century geopolitical culture // *Geographical Journal*. 2004. Vol. 170. N 4. P. 330–336.

⁵ *Mackinder H.J.* Democratic ideals and reality: a study in the politics of reconstruction. Washington, 1996. P. XXIII.

дарств после окончания Первой мировой войны, но и предотвращал саму возможность объединения Евразии по линии Восток-Запад.

В 1938 г. американский ученый Н. Спайкмэн обосновал важнейшую роль геополитических факторов при осуществлении внешнеполитического планирования. Он писал следующее: “Поскольку географические характеристики государств являются сравнительно неизменными и неизменяемыми, географические требования этих государств останутся одинаковыми на века”⁶. Учитывая географическое положение Соединенных Штатов, Спайкмэн предложил “разработать большую стратегию как для войны, так и для мира”, основанную на роли географического положения США в мире⁷.

Особо подчеркнем, что Спайкмэн рассматривал “национальный дух” как один из важнейших факторов государственной мощи наряду с размерами территории, численностью населения, количеством природных ресурсов, экономическим и технологическим развитием, стабильностью политической системы, военной силой, а также силой и военной мощью потенциальных противников⁸. Как показал распад Советского Союза, подрыв национального духа государства и его системы ценностей наряду с ослаблением других столпов государственной власти в конечном итоге приводит к ослаблению суверенитета (десуверенизации) и распаду системы государственной власти.

Концепция “Римленда” была разработана Н. Спайкмэном в 1944 г. По его мнению, именно Римленд является ключом к глобальному контролю. Развивая концепцию Маккиндера, он предложил следующий геополитический постулат: “Кто контролирует Римленд, правит Евразией; кто правит Евразией, контролирует судьбы мира”⁹. Римленд включает внешнее окаймление ядра Евразии (России) по периметру, т.е. Западную Европу, Ближний Восток, Юго-Западную Азию, Китай и Дальний Восток. Эти регионы, согласно концепции Спайкмэна, в сочетании с “прибрежными островами” (Британией и Японией), обладают как силой суши, так и силой моря¹⁰. Таким образом, Спайкмэн расширил принцип “анаконды” приме-

⁶ *Spykman N.J.* Geography and foreign policy I // *The American Political Science Review*. 1938. Vol. 32. N 1. P. 29.

⁷ *Spykman N.J.* America's strategy in world politics: the United States and the balance of power. N.Y., 1942. P. 8.

⁸ *Ibid.*

⁹ *Spykman N.J.* The geography of the peace. N.Y., 1944. Vol. XII. P. 43.

¹⁰ См. например: *Sempa F.P.* Spykman's world // *American Diplomacy*. URL: http://www.unc.edu/depts/diplomat/item/2006/0406/sempr/sempr_spykman.html (accessed: 11.06.2015).

нительно к государствам Азии и Африки, включая Индию и Китай. Однако главной целью “большой стратегии” по-прежнему оставалась Россия.

Спайкмэн также обосновал геополитический принцип превентивных действий в отношении потенциальных конкурентов Соединенных Штатов: “...наша постоянная забота в мирное время должна заключаться в том, чтобы ни одному государству или альянсу государств не было позволено появиться в качестве доминирующей силы в любом из двух регионов Старого Света, из которых наша безопасность может оказаться под угрозой”¹¹. Принцип превентивных действий послужил основой стратегии “сдерживания”. По мнению Дж. Кеннана, именно по этой причине Спайкмэн также известен как “крестный отец сдерживания”¹².

Согласно Спайкмэну, главной угрозой безопасности США является “возможность того, что регионы Римленда, евразийской континентальной массы, окажутся под доминирующим влиянием какой-либо одной державы”¹³. Он убеждал в том, что Соединенные Штаты “обязаны защищать свое положение и сделать так, чтобы ни одна превосходящая сила не достигла главенствующего положения в этих регионах [Римленда – Западная Европа; Ближний Восток; Дальний Восток]”¹⁴. Таким образом, блокирование американских геополитических конкурентов и предотвращение появления новых соперников являлись необходимым условием для установления нового мирового порядка. Этот фундаментальный геополитический подход остается неизменным до настоящего времени.

Вклад Спайкмэна в развитие геополитической мысли и формирование “большой стратегии” США состоит еще и в том, что он впервые обратил внимание на принцип геополитической гравитации (силы притяжения государств). Он считал, что “Сфера международной политики является таким же силовым полем, как и магнитное поле. В каждый определенный момент есть определенные крупные державы, которые действуют в этом поле как полюса. Изменение относительной силы полюсов или появление новых полюсов изменяет это поле и силовые линии”¹⁵.

В послевоенных условиях США не были заинтересованы ни в сильной Германии, ни в сильном СССР. В отношении России

¹¹ *Spykman N.J.* The geography of the peace. P. 34.

¹² См. например: *Kennan G.F.* Measures short of war: the lectures at the National War College, 1946–1947 / Ed. by G.D. Harlow, G.C. Maerz. Washington, 1991. Vol. XXXIII.

¹³ *Spykman N.J.* The geography of the peace. P. 44.

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *Spykman N.J.* Geographic objectives in foreign policy I // The American Political Science Review. 1939. Vol. 33. N 3. P. 395.

и Германии Спайкман заявил, что “русское государство от Урала до Северного моря не лучше, чем немецкое государство от Северного моря до Урала”¹⁶. Применительно к Азиатско-Тихоокеанскому региону он подчеркнул, что Китай возникнет как “континентальная держава огромных размеров”, и это вынудит Соединенные Штаты вступить в союз с Японией для сохранения “азиатского баланса сил”¹⁷. Примечательно, что доктрина Б. Обамы, нацеленная на “перебалансировку” Китая, также предполагала установление более тесного союза США с Японией и другими государствами в рамках проекта Транс-тихоокеанского партнерства (ТТП).

Россия является ключевым государством, контроль над которым необходим для установления нового мирового порядка. Согласно известному выражению, чтобы владеть миром, нужно владеть Россией¹⁸. Данный постулат соответствует изложенным выше геополитическим схемам Маккиндера, Спайкмана и других западных ученых. Россия представляет собой самый крупный центр геополитического притяжения в Евразии. Именно этот центр способен сгенерировать вокруг себя силу геополитического притяжения, достаточную для общеевразийской интеграции и, таким образом, создания справедливого миропорядка. Вот почему евразийский интеграционный процесс нейтрализует саму возможность достижения глобального контроля над человечеством.

В этой связи целесообразно рассмотреть стратегическое значение России в Евразии. Во-первых, как подчеркнуто выше, Россия является “ключом” для установления нового мирового порядка. Она представляет собой центр геополитического притяжения в Евразии. Именно этот центр силы способен объединить государства в рамках евразийской интеграции и, таким образом, установить справедливый баланс сил в мире. Во-вторых, обладая православным наследием Византии, Россия представляет собой “Катехон”, т.е. созидательную и удерживающую силу, которая согласно христианской традиции способна противодействовать “мировому злу”. Возможно, именно по этой причине З. Бжезинский заявил, что “После разрушения коммунизма единственным врагом Америки осталось Русское Православие”¹⁹.

¹⁶ *Spykman N.J.* America’s strategy in world politics: the United States and the balance of power. P. 460.

¹⁷ *Ibid.* P. 469.

¹⁸ См. например: *Чертович В.* Война по законам подлости // Profilib: электронная библиотека. URL: <http://profilib.com/chtenie/129716/vladimir-chertovich-voyna-po-zakonom-podlosti-118.php> (дата обращения: 02.05.2015).

¹⁹ Цит. по: *Михалков Н.С.* Культура — не надстройка! Возможно ли, расстреляв прошлое, двигаться с реформами в будущее // Независимая газета. 1997. 14 февр. С. 2.

Заслуживает внимания точка зрения К. Болтона о том, что “Россия всегда не очень хорошо укладывалась в планы тех, кто стремился навязать человечеству единообразную и стандартную систему. Эта страна оставалась неприрученной с точки зрения утонченных западных либералов, пытавшихся создать однополярный миропорядок, и была похожа в этом на буров, иракцев, иранцев, сербов и других. Но разница в том, что русские до сих пор представляют собой значимую оппозицию, которую необходимо ниспровергнуть”²⁰. Вот почему Россия традиционно рассматривается как угроза “свободному” миру и либеральным ценностям – будь то Российская империя (монархия) или большевистская Россия, которая утвердила доктрину коммунизма в качестве основы своего развития; Советский Союз (“империя зла”) или постсоветская рыночно-ориентированная Россия.

Руководитель Службы внешней разведки КГБ СССР, генерал-майор Л. Шебаршин считал, что “Запад хочет от России только одного – чтобы ее не было”²¹. Он пояснил данный факт тем обстоятельством, что “единое, мощное, сплоченное государство на огромных европейских пространствах не будет оставлено в покое ни Западом, ни Востоком. Причина не в том, что оно угрожает чьей-то безопасности. До тех пор, пока оно существует в таком качестве, в мире невозможна монополия власти – военной, политической или экономической, невозможно господство никакой коалиции”²². Н. Стариков также подчеркнул, что “нас никогда не оставят в покое. Просто потому, что мы, исходя из географических реалий, – это центр Евразии, центр цивилизации Суши. Мы, говоря шахматным языком, являемся белым королем, и черные не угомонятся, пока не поставят нам мат, пока не загонят нас в угол”²³.

О намерении Запада расчленив Россию уже после Первой мировой войны свидетельствуют материалы Парижской мирной конференции, а также рассмотренные ранее документы комиссии “Расследование”. Влиятельный в политическом истеблишменте США полковник Э. Хаус, советник В. Вильсона, в начале 1918 г. отмечал: “Она [Россия] слишком велика и слишком гомогенна для нашей

²⁰ *Bolton K.R.* Origins of the cold war: how Stalin foiled a ‘New world order’. Relevance for the present // *Foreign Policy Journal*. 2010. 31 May. URL: <http://www.foreign-policyjournal.com/2010/05/31/origins-of-the-cold-war-how-stalin-foiled-a-new-world-order> (accessed: 09.05.2012).

²¹ *Шебаршин Л.* Хроники Безвременья. Заметки бывшего начальника разведки // Сайт Леонида Шебаршина. URL: <http://shebarshin.ru/timeless.html> (дата доступа: 11.06.2015).

²² *Шебаршин Л.* Рука Москвы: записки начальника советской разведки // Сайт Леонида Шебаршина. URL: <http://shebarshin.ru/timeless.html> (дата доступа: 11.06.2015).

²³ *Стариков Н.* Геополитика. Как это делается. СПб., 2014.

безопасности. Я бы хотел видеть Сибирь как отдельное государство, а Европейскую Россию расчлененную на три части”²⁴.

Как показало исследование, такой подход в отношении раздела России является стратегической константой внешней политики США несмотря на разнообразие ее концептуальных форм. В этой связи важно учесть, что еще в 1950 г. известный русский философ И. Ильин в работе “Что сулит миру расчленение России” писал о том, что это вызовет необратимые процессы и таит в себе главную опасность для человеческой цивилизации²⁵. Такое развитие событий повлекло бы за собой столкновение интересов основных мировых центров силы, т.е. новую мировую войну, прежде всего, по причине последующей борьбы за контроль над российскими ресурсами (Россия имеет 30% разведанных запасов природных ресурсов (от общемировых), обладая при этом 3% населения Земли).

Несмотря на то, что “новая Россия” возникла вследствие рыночных реформ, осуществляемых под руководством американских советников в 1990-е гг., она по-прежнему рассматривалась Западом как “не до конца демократизированная страна”. В 2006 г. Совет по международным отношениям подготовил специальный доклад, озаглавленный “Неправильное направление России: что Соединенные Штаты могут и должны делать”²⁶. Таким образом, даже после окончания холодной войны американский политический истеблишмент продолжает рассматривать Россию как геополитического соперника. При этом коммунистический СССР (Сталина) настойчиво приравнивается Вашингтоном к нацистской Германии (Гитлера). Причины такого подхода, т.е. попытки “переписать” историю, детально рассмотрены в книге А.И. Уткина “Мсть за победу – новая война”²⁷. Наконец, администрация Обамы попыталась приравнять “русскую угрозу” к ИГИЛ.

Именно сдерживающий экспансию США геополитический потенциал России (т.е. сила “геополитической гравитации”) является основным вызовом для установления нового мирового порядка. Поэтому исторически глобальные элиты намеревались разделить Россию на несколько частей и установить контроль над Евразией. Такая политика проводилась Западом в ходе Первой мировой войны в отношении Российской империи, затем в рамках Второй мировой

²⁴ Цит. по: *Levin N.G. Woodrow Wilson and world politics. America's response to war and revolution. Oxford, 1968. Vol. XII.*

²⁵ *Ильин И.* Что сулит миру расчленение России? // Православие. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/2444.htm> (дата доступа: 04.06.2015).

²⁶ *Russia's wrong direction: what the United States can and should do: rep. of an independent task force / Ed. by J. Edwards, J. Kemp, S. Sestanovich. N.Y., 2006. Vol. XIV.*

²⁷ *Уткин А.И.* Мсть за победу – новая война. М., 2005.

войны и холодной войны в отношении СССР, а сегодня установление контроля над постсоветским пространством предполагает в первую очередь контроль над сознанием, т.е. над духовными и ценностно-мировоззренческими основами государственности. Как справедливо отметил Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко, “борьба ведется за сознание людей”²⁸.

Основным геополитическим императивом внешнеполитической стратегии США является противодействие возникновению центра силы в Евразии или объединению государств, способных противодействовать созданию секулярного нового мирового порядка. Г. Киссинджер и У. Ростоу обратили внимание на геополитическую аксиому внешней политики США, согласно которой усилия Вашингтона должны быть направлены на предотвращение объединения ресурсов Евразии или возникновения на ее территории противника интересам США в лице одного государства или их группы, способных бросить вызов Америке²⁹. Этот базовый принцип американской внешней политики использовался Белым домом уже после принятия доктрины “сдерживания” коммунизма, разработанной Дж. Кеннаном в 1947 г. Однако если в период холодной войны основные стратегические ресурсы США были направлены против СССР, то сегодня усилия Вашингтона направлены на “сдерживание” Китая и процесса евразийской интеграции.

Геополитическая установка США на подрыв мощи своих соперников в Евразии также остается неизменной. Полковник ВВС США Дж. Бойд развил идеи китайского военного стратега Сунь Цзы следующим образом: “Морально – духовно – физически изолировать наших противников от их союзников и внешней поддержки, а также изолировать их друг от друга, чтобы усилить их внутренние трения, породить паралич, вызвать развал и/или добиться изменения их политического/экономического/социального мышления, чтобы они были не в состоянии мешать нашим жизнеспособности и росту”³⁰. Использование таких методов во внешнеполитическом и военном планировании США позволило

²⁸ Оперативный сбор командного состава Вооруженных Сил: 30 окт. 2015 г. // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/operativnyj-sbora-komandnogo-sostava-vooruzhennyx-sil-12462 (дата доступа: 06.02.2017).

²⁹ См. например: *Rostow W.* The United States in the world arena: an essay in recent history. N.Y., 1960. Vol. XXII. P. 543–544; *Kissinger H.* Diplomacy. N.Y., 1994. P. 337, 813; *Brzezinski Z.* The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives. N.Y., 1998. Vol. XIV.

³⁰ См. например: *Ричард Ч.У.* Мобильные, неуязвимые вооруженные силы: “Обзор оборонной политики США” глазами Сунь-Цзы и Джона Бойда / Под ред. В. Белоуса, И. Сафранчука. М., 2002.

архитекторам нового мирового порядка существенно повлиять на распад Советского Союза, привести к власти радикальные элементы в ряде государств. По такому сценарию Вашингтон содействовал “смене власти” на Украине, осуществил организационную поддержку “цветных революций” на постсоветском пространстве. Именно на такой геополитической платформе разработана так называемая доктрина “управляемого хаоса”.

В секретном документе Пентагона “Руководство по оборонной политике на финансовый период с 1994 по 1999 гг.” от 18 февраля 1992 г., подготовленном под руководством одного из ведущих неоконсервативных стратегов США П. Вулфовица, отмечалось: “Наша главная цель – предотвратить возникновение на территории бывшего Советского Союза или где-либо еще нового соперника, который стал бы представлять угрозу такого же порядка, какую представлял ранее Советский Союз. Основное условие, лежащее в основе новой региональной оборонной стратегии, состоит в том, чтобы не допустить регионального доминирования враждебной державы, чьи консолидированные ресурсы будут достаточными для генерирования глобального центра силы. Эти регионы включают Западную Европу, Восточную Азию, территорию бывшего Советского Союза и Юго-Восточную Азию”³¹. В документе также предлагалось “поддерживать механизмы, сдерживающие потенциальных соперников даже от самих претензий играть более весомую региональную или глобальную роль”³².

В 2000 г. в докладе “Проект для нового американского столетия” подтверждалось значение вышеуказанного документа в стратегии США. В частности, указывалось намерение Вашингтона сохранить лидирующие позиции и предотвратить появление конкурирующих центров силы: “Руководство по оборонной политике (РОП), разработанное в начале 1992 г., предоставило модель для сохранения доминирования США, предотвращения возникновения соперника в лице сверхдержавы и формирования международного порядка безопасности в соответствии с американскими принципами и интересами... Хотя опыт прошедших восьми лет изменил наше представление об особых военных потребностях для реализации такой стратегии, основные положения РОП, на наш взгляд, остаются обоснованными”³³. Уже с начала 1990-х гг. прошлого столетия по-

³¹ 1992 draft defense planning guidance // Right Web. URL: http://rightweb.irc-online.org/profile/1992_Draft_Defense_Planning_Guidance (accessed: 03.06.2015).

³² Ibid.

³³ Rebuilding America’s defenses: strategy, forces and resources for a new century: a report of the Project for the New Amer. Century. Washington, 2000. URL: <http://www.informationclearinghouse.info/pdf/RebuildingAmericasDefenses.pdf> (accessed: 11.06.2015).

литический истеблишмент США рассматривает Китай в качестве потенциального соперника, который необходимо сдерживать³⁴.

В докладе Проекта отмечается, что «В период холодной войны основной центр противостояния сверхдержав, стратегический “центр гравитации”, располагался в Европе... и теперь, когда Европа находится, в основном, в состоянии мира, новый центр стратегического беспокойства, как представляется, перемещается в Южную Азию»³⁵. Такой подход нашел свое отражение и в концепции “Азиатской оси”, выдвинутой администрацией Б. Обамы. Доктрина Обамы направила мощь США на сдерживание “роста и влияния” Китая в Юго-Восточной Азии, а также на противодействие евразийскому интеграционному процессу.

На современном этапе попытки США осуществить геополитический раскол Евразии, в частности, “вбить клин” в отношения между объединенной Европой и ЕАЭС проявились в рамках политики санкций. Предлогом для санкций в отношении России послужила поддержанная извне “смена режима” и гражданская война на Украине в 2014 г. Такая политика обусловлена неизменным стремлением Запада подорвать мощь России, окружить ее территорию плотным кольцом военных баз в соответствии с тактикой “анаконды”, создать систему ПРО, способную подавить ракетно-ядерную мощь страны и таким образом исключить возможность возмездия. Вашингтон также использовал кризис на Украине в целях наращивания военной мощи НАТО в Восточной Европе и государствах Балтии.

Обозначенное выше стремление США предотвратить возникновение потенциальных соперников, реализация принципа “разделяй и властвуй” и, как следствие, попытки Вашингтона противопоставить и столкнуть центры силы в Евразии прочно утвердились в геостратегии США. Как справедливо считал белорусский ученый В.Н. Конобеев, «столкновения двух континентальных геополитических сил Евразии в первой половине XX века (России/СССР и Германии) дважды (в 1914 и 1941 гг.) состоялись в русле реализации англо-американских геополитических концепций. И оба раза, что тоже общеизвестно, главный финансово-политический приз доставался Вашингтону. В третий раз этот приз США получили в 1991 г., по окончании “холодной войны”, которую они вели совместно с Западной Европой, включив в ее состав обезвреженную как центр силы Германию»³⁶.

³⁴ Rebuilding America’s defenses...

³⁵ Ibid.

³⁶ Конобеев В. Битва за Римленд: ресурс стран Восточной Европы в геостратегии США в Евразии // Беларус. думка. 2009. № 3. URL: http://beldumka.belta.by/isfiles/000167_422107.pdf (дата доступа: 05.06.2015).

Вот почему все без исключения попытки достижения мировой гегемонии были направлены на подчинение России. Среди них – военная кампания Наполеона 1812 г., Первая мировая война и реализация доктрины мировой революции, Вторая мировая война и реализация доктрины “нового порядка” Гитлера, холодная война и провозглашение США доктрины нового мирового порядка после ее окончания. Важно учесть, что создание Германской империи произошло при поддержке “англо-американского истеблишмента” с целью направить ее мощь против Российской империи³⁷. Роль крупного бизнеса и корпораций США в приходе Гитлера к власти также подтверждается многочисленными источниками³⁸.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что “англо-американский истеблишмент” противодействует формированию консолидированного центра силы в Евразии, который может бросить вызов либеральному миропорядку. Такой подход требует постоянного сталкивания евразийских центров силы друг с другом в целях их взаимного ослабления – по принципу “разделяй и властвуй”. После окончания Второй мировой войны одним из главных геостратегических императивов внешней политики США стало предотвращение возможности объединения евразийского геополитического пространства. Вашингтон стремился в первую очередь не допустить сближения России и Германии, а также блокировать своих потенциальных конкурентов. Так проявились два диаметрально противоположных вектора цивилизационного развития. В противодействие вступили, с одной стороны, стратегический курс США на установление нового мирового порядка, а с другой – евразийский вектор, предполагающий объединение континента вокруг ключевых центров силы в Евразии. От того, какой вектор станет преобладающим, зависит будущее мироустройства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в.: очерки военно-экономического потенциала / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1986.

Ильин И. Что сулит миру расчленение России? // Православие. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/2444.htm>. (дата доступа: 04.06.2015).

Конобеев В. Битва за Римленд: ресурс стран Восточной Европы в геостратегии США в Евразии // Беларус. думка. 2009. № 3. URL: http://beldumka.belta.by/isfiles/000167_422107.pdf (дата доступа: 05.06.2015).

³⁷ См. например: *Стариков Н.* Указ. соч.

³⁸ См. подробнее: *Препарата Г.Д.* Гитлер, Инс.: как Британия и США создавали Третий рейх. М., 2007; *Лофтус Дж., Ааронс М.* Тайная война против евреев // Хроники Иерусалима. 2009. URL: <http://gazeta.rjews.net/Lib/secret/2.html#4> (дата обращения: 15.04.2016).

Лофтус Дж., Ааронс М. Тайная война против евреев // Хроники Иерусалима. 2009. URL: <http://gazeta.rjews.net/Lib/secret/2.html#4> (дата обращения: 15.04.2016).

Михалков Н.С. Культура — не надстройка! Возможно ли, расстреляв прошлое, двигаться с реформами в будущее // Независимая газета. 1997. 14 февр.

Оперативный сбор командного состава Вооруженных Сил: 30 окт. 2015 г. // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/operativnyj-sbora-komandnogo-sostava-voozhzhennykh-sil-12462 (дата доступа: 06.02.2017).

Препарата Г.Д. Гитлер, Инс.: как Британия и США создавали Третий рейх. М., 2007.

Ричард Ч.У. Мобильные, неуязвимые вооруженные силы: “Обзор оборонной политики США” глазами Сунь-Цзы и Джона Бойда / Под ред. В. Белоуса, И. Сафранчука. М., 2002.

Стариков Н. Геополитика. Как это делается. СПб., 2014.

Уткин А.И. Месть за победу — новая война. М., 2005.

Чертович В. Война по законам подлости // Profilib: электронная библиотека. URL: <http://profilib.com/chtenie/129716/vladimir-chertovich-voyna-po-zakonom-podlosti-118.php> (дата доступа: 02.05.2015).

Шебаршин Л. Рука Москвы: записки начальника советской разведки // Сайт Леонида Шебаршина. URL: <http://shebarshin.ru/intell.html> (дата доступа: 11.06.2015).

Шебаршин Л. Хроники Безвременья. Заметки бывшего начальника разведки // Сайт Леонида Шебаршина. URL: <http://shebarshin.ru/timeless.html> (дата доступа: 11.06.2015).

REFERENCES

1992 draft defense planning guidance // Right Web. URL: http://rightweb.irc-online.org/profile/1992_Draft_Defense_Planning_Guidance (accessed: 03.06.2015).

Beskrovnyj L.G. Armija i flot Rossii v nachale XX v.: ocherki voenno-jekonomiceskogo potenciala / Otv. red. A.L. Narochnickij. M., 1986 (in Russian).

Bolton K.R. Origins of the cold war: how Stalin foiled a “New world order”. Relevance for the present // Foreign Policy Journal. 2010. 31 May. URL: <http://www.foreignpolicyjournal.com/2010/05/31/origins-of-the-cold-war-how-stalin-foiled-a-new-world-order> (accessed: 09.05.2012).

Brzezinski Z. The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives. N.Y., 1998. Vol. XIV.

Chertovich V. Vojna po zakonom podlosti // Profilib: jelektronnaya biblioteka. URL: <http://profilib.com/chtenie/129716/vladimir-chertovich-voyna-po-zakonom-podlosti-118.php> (data obrashhenija: 02.05.2015) (in Russian).

Il'in I. Chto sulit miru raschlenenie Rossii? // Pravoslavie. URL: <http://shhshhshh.pravoslavie.ru/put/2444.htm> (data obrashhenija: 04.06.2015) (in Russian).

Kennan G.F. Measures short of war: the lectures at the National War College, 1946—1947 / Ed. by G.D. Harlow, G.C. Maerz. Washington, 1991. Vol. XXXIII.

Kissinger H. Diplomacy. N.Y., 1994.

Konobeev V. Bitva za Rimlend: resurs stran Vostochnoj Evropy v geostrategii SShA v Evrazii // Belarus. dumka. 2009. N 3. URL: http://beldumka.belta.by/isfiles/000167_422107.pdf (data obrashhenija: 05.06.2015) (in Russian).

Levin N.G. Woodrow Wilson and world politics. America's response to war and revolution. Oxford, 1968. Vol. XII.

Loftus Dzh., Aarons M. Tajnaja vojna protiv evreev // Hroniki Ierusalima. 2009. URL: <http://gazeta.rjeshhs.net/Lib/secret/2.html#4> (data obrashhenija: 15.04.2016) (in Russian).

Mackinder H.J. The geographical pivot of history // Geographical Journal. 1904. Vol. 23. N 4. P. 421–437.

Mackinder H.J. Democratic ideals and reality: a study in the politics of reconstruction. Washington, 1996. Vol. XXIII.

Mihalkov N.S. Kul'tura – ne nadstrojka! Vozmozhno li, rasstreljav proshloe, dvigat'sja s reformami v budushhee // Nezavisimaja gazeta. 1997. 14 fevr. (in Russian).

Operativnyj sbor komandnogo sostava Vooruzhennyh Sil: 30 okt. 2015 g. // Oficialnyj internet-portal Prezidenta Respubliki Belarus'. URL: http://president.gov.by/ru/neshhs_ru/vieshh/operativnyj-sbora-komandnogo-sostava-vooruzhennyh-sil-12462 (data obrashhenija: 06.02.2017) (in Russian).

Preparata G.D. Gitler, Inc.: Kak Britanija i SShA sozdavali Tretij rejh. M., 2007.

Rebuilding America's defenses: strategy, forces and resources for a new century: a report of the Project for the New Amer. Century. Washington, 2000. URL: <http://www.informationclearinghouse.info/pdf/RebuildingAmericasDefenses.pdf> (data obrashhenija: 11.06.2015).

Richard Ch. U. Mobil'nye, neujazvimye vooruzhennye sily: "Obzor oboronnoj politiki SShA" glazami Sun'-Czy i Dzhona Bojda / Pod red. V. Belousa, I. Safran-chuka. M., 2002 (in Russian).

Rostow W. The United States in the world arena: an essay in recent history. N.Y., 1960. Vol. XXII.

Russia's wrong direction: what the United States can and should do / Ed. by J. Edwards, J. Kemp, S. Sestanovich. N.Y., 2006. Vol. XIV.

Sempa F.P. Spykman's world // American Diplomacy. URL: http://www.unc.edu/depts/diplomat/item/2006/0406/semp/sempa_spykman.html (accessed: 11.06.2015).

Shebarshin L. Hroniki Bezvremen'ja. Zametki byvshego nachal'nika razvedki // Sayt Leonida Shebarshina. URL: <http://shebarshin.ru/timeless.html> (data obrashhenija: 11.06.2015) (in Russian).

Shebarshin L. Ruka Moskvy: zapiski nachal'nika sovetской razvedki // Sayt Leonida Shebarshina. URL: <http://shebarshin.ru/intell.html> (data obrashhenija: 11.06.2015) (in Russian).

Spykman N.J. America's strategy in world politics: the United States and the balance of power. N.Y., 1942.

Spykman N.J. Geographic objectives in foreign policy I // The American Political Science Review. 1939. Vol. 33. N 3. P. 391–410.

Spykman N.J. Geography and foreign policy I // The American Political Science Review. 1938. Vol. 32. N 1. P. 28–50.

Spykman N.J. The geography of the peace. N.Y., 1944. Vol. XII.

Starikov N. Geopolitika. Kak jeto delaetsja. SPb., 2014 (in Russian).

Turner F.G. The significance of the frontier in American history // The Annenberg Foundation. URL: <http://www.learner.org/workshops/primarysources/corporations/docs/turner.html> (accessed: 12.06.2015).

Utkin A.I. Mest' za pobedu – novaja vojna. M., 2005 (in Russian).

Venier P. The geographical pivot of history and early 20th century geopolitical culture // Geographical Journal. 2004. Vol. 170. N 4. P. 330–336.

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-2-173-184

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ГРЕЦИИ

В.Р. Янакова, асп. кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

В конце XX – начале XXI в. в международных отношениях вопрос об идентичности выходит на передний план. Это связано с перестройкой международной системы после распада СССР. В условиях кризиса вопрос об идентичности задает направление для развития и достижения стабильности.

Формирование национальной идентичности – один из ключевых моментов для демократических стран, зависящий от внешних и внутренних факторов. Глобальные изменения во всем мире выявили фундаментальные различия, лежащие в основании существующей национальной идентичности. Очевидно, что потребность в крепкой национальной идентичности стоит сегодня перед большинством развитых стран. Данный вопрос значим для большинства европейских государств, строящих противоречивое мультикультурное общество. Обращение к практике таких государств позволит проанализировать национальную идентичность. Анализ национальной идентичности Греции представляет особый интерес и может способствовать лучшему пониманию происходящих событий. Изучение национальной идентичности в современной Греции имеет большое значение для правильного понимания того, как идентифицируют себя это государство и его граждане. Экономический кризис в Греции нанес удар не только по финансовому сектору, но также вызвал кризис национальной идентичности. Исследование опирается на общенаучные принципы познания общественных явлений. Используется системный, исторический и сравнительный подходы, позволяющие раскрыть специфику национальной идентичности в Греции в наши дни. Системный подход позволил использовать комплекс методов для анализа научной литературы, материалов конференций и научных статей по данной проблематике. С помощью исторического подхода удалось выявить, какова роль православия и византийского наследия в формировании национальной идентичности в Греции.

Ключевые слова: национальная идентичность, нация, кризис идентичности, мультикультурализм, Европа, Греция.

* Янакова Валерия Р., e-mail: Valeria2003@bk.ru

FEATURES OF NATIONAL IDENTITY IN MODERN GREECE

Yanakova Valeria R., Post-graduate student of the Department of Sociology of International Relations, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: Valeria2003@bk.ru

At the end of the XX – beginning of the XXI century in international relations the issue of identity comes to the fore. This is connected with the restructuring of the international system after the collapse of the USSR. In a crisis, the question of identity sets the direction for development and achieving stability.

Formation of national identity is one of the key moments for democratic countries, depending on external and internal factors. Global changes around the world have revealed the fundamental differences underlying the existing national identity. Obviously, the need for a strong national identity is now faced by most developed countries. This issue is significant for most European countries building a contradictory multicultural society. Appeal to the practice of such states will allow to analyze the national identity. An analysis of the national identity of Greece is of particular interest and can contribute to a better understanding of current events. The study of national identity in modern Greece is of great importance for a correct understanding of how this state and its citizens identify themselves. The economic crisis in Greece struck not only the financial sector, but also caused a crisis of national identity. The research is based on general scientific principles of cognition of social phenomena. Systemic, historical and comparative approaches are used to reveal the specifics of national identity in Greece these days. The system approach allowed using a set of methods for analyzing scientific literature, conference materials and scientific articles on this topic. With the help of the historical approach, it was possible to identify the role of Orthodoxy and Byzantine heritage in the formation of national identity in Greece.

Key words: national identity, nation, identity crisis, multiculturalism, Europe, Greece.

Принципы, лежащие в основе национальной идентичности, должны представлять собой определенный баланс. С одной стороны, они должны признаваться общими для всех граждан, быть предметом их консенсуса. С другой — они должны оставлять поле для проявления различными группами и меньшинствами своей индивидуальности. “В противном случае между политическими принципами и культурными особенностями возникает противоречие: политические принципы выполняют функцию унификации, тогда как культурно отличные группы, стремясь оказать сопротивление ей, усиливают актуализацию своей одинаковости”¹.

¹ Куропяткин А.И. Идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 2. С. 57.

Национальная идентичность нации-государства для сохранения своей интеграции снижает возможность использования культурных и других различий. Это становится особенно актуальным в условиях мультикультурализма и глобализации.

В современной Европе сохраняется серьезный конфликтный потенциал национальной идентичности вопреки стремлению политического класса создать солидарное общество с единой общеевропейской моделью идентичности.

На протяжении многих веков начиная с Августина Блаженного в раннем Средневековье существует идея образования единого государства в Европе. Многие философы, антропологи, социологи, политологи и политики пытались назвать и определить моральные и правовые границы европейской национальной (государственной) идентичности.

Ситуация, с которой европейцы столкнулись сегодня, стоя на перепутье между сохранением своих ценностей и суверенитета и работой по созданию единой идентичности, говорит о проблемах прогнозирования и анализа сценариев проведения политики мультикультурализма, проблеме толерантности, влияния данных концептов на интеграцию европейских стран в единое сообщество и формирование единой европейской идентичности, а также на взаимоотношения с мигрантами из бывших колоний и других стран и иные моменты, связанные с формированием европейской идентичности на современном этапе. По мере того как экономический кризис набирает обороты, а приток беженцев из стран Ближнего Востока и Африки продолжает расти, становится все труднее говорить о единой европейской идентичности.

Представители Европейского союза невзирая на все проблемы по-прежнему говорят о процессе создания собственной национальной идентичности, называя это общим делом для всех. Для того чтобы положить конец конфликтам внутри Европы, нужна общая цель к которой европейские граждане могли бы в полной мере приобщиться.

Национальная идентичность теряет смысл, когда нет чувства принадлежности к какому-либо государству и чувства включенности в демократическую форму правления государством.

Эта проблема занимает видное место в сознании граждан ЕС. Мало того, что они часто чувствуют себя отстраненными от политических дискуссий, происходящих на европейском уровне, они также указывают на нежелание быть услышанными со стороны глав более развитых европейских государств. Это можно увидеть и на примере Греции, где летом 2015 г. был проведен референдум, на котором греки решали, следует ли правительству Греции принять

меры, предложенные Европейским Союзом, Международным валютным фондом и Европейским центральным банком или нет. В результате 61,31% выбрали ответ “нет”, но так и остались не услышанными. После референдума правительство Греции провело очередные переговоры с кредиторами; однако результаты референдума, вопреки ожиданиям греков, не стали дополнительным козырем, а наоборот, ужесточили требования кредиторов, особенно правительства Германии. В итоге, Греции пришлось пойти на даже более жесткие меры экономии, чем те, которые были отвергнуты населением в ходе голосования: повышение и уравнивание НДС, реформа пенсионной системы и повышение пенсионного возраста до 67 лет, сокращение субсидий, приватизация государственных активов и т.д.

Такого рода дискриминация – отнюдь не новое явление в Европе. Но в Европейском Союзе она предполагает существование проблемы двойных стандартов, когда речь идет о концепции европейской идентичности.

На повестке дня всех европейских государств стоит вопрос о формировании новых идентичностей, способных заменить идентичность национальную в ситуации размывания культурной однородности граждан страны. “Формирование надгосударственной идентичности откровенно буксует, поскольку европеизации общественной жизни вполне успешно противостоит явление глобализации. Сами по себе демократические нормы и ценности политической жизни современных европейских государств не способствуют формированию новых моделей идентичности”². Поскольку Греция входит в состав Европейского союза с 1981 г., для того чтобы лучше понять национальную идентичность современной Греции нужно рассмотреть ее национальную идентичность в контексте европейской. Исходя из это можно сформулировать следующие вопросы. Сформировалась ли в Греции общеевропейская национальная идентичность или же греки пытаются отстоять свою идентичность? И как нахождение государства в составе ЕС может влиять на его национальную идентичность? Каковы исторические, культурные, политические, и другие особенности, отличающие греков и Грецию от остальной Европы?

После обретения независимости в 1821 г. перед греческим государством стояла непростая задача объединить как древнее, античное, так и византийское, христианское, наследие. В это время

² *Попова О.В.* Развитие теории политической идентичности в отечественной и зарубежной политической науке // Идентичность как предмет политического анализа: Сб. ст. по итогам всерос. науч.-теор. конф. ИМЭМО РАН. М., 2011. С. 13–29.

религия была связующим звеном между греческой историей прошлых лет и будущим, в котором нужно было выстроить новую идентичность и новую нацию. Православная церковь была духовным авторитетом, ответственным за сохранение коллективной идентичности. После обретения независимости и создания современного государства православие остается неотъемлемой частью исторической, культурной и национальной идентичности современной Греции. Кроме того, греческая церковь может выступать в качестве альтернативного института гражданской власти в результате краха экономики и медленного социального развития, растущей социальной незащищенности и давления со стороны Европейского Союза и текущей тенденции к глобализации. Существует историческая связь между государством и церковью, но в современной Греции наблюдается некая напряженность в этом партнерстве. В результате высокого роста темпов миграции усиливается давление Греции на переход от монокультурной нации к многокультурному обществу, что может привести к нестабильности государства и как следствие к кризису национальной идентичности. За последние 15 лет численность иностранных граждан в Греции увеличилась в четыре раза, что вывело Грецию на первое место среди государств-членов Евросоюза по темпам роста миграции в страну за этот период³. Среди основных факторов, способствующих увеличению притока мусульманских мигрантов в Грецию, можно назвать географическое положение, более высокий уровень жизни по сравнению с мусульманскими странами, а также большая доля неформального сектора и сезонный характер многих производств в экономике страны, особенно в таких отраслях, как туризм, строительство и сельское хозяйство. Особое внимание стоит уделить религиозным конфликтам как индикаторам сложностей в адаптации мигрантов. Часто проблемы касаются взаимного непонимания: как коренного населения, озабоченного ростом числа инородцев, так и мигрантов, желающих жить по собственным традициям, составляющим основу их мировосприятия.

Назовем факторы, которые формируют культурную дистанцию между мигрантами и принимающим обществом. Среди этих факторов не только реальная величина мигрантской общины, но и вероисповедание, культурные особенности, а также социальный статус, благосостояние, бытовые условия жизни. Антипатию у местного населения вызывает также поведение мигрантов, не желающих принимать культуру страны и следовать местным правилам поведения.

³ Бибикова О.П. Иммигранты из мусульманских стран в Европе: этноконфессиональный и социокультурный аспекты. М., 2015. С. 180.

Негативизм греков по отношению к выходцам из мусульманских стран находится в непосредственной связи с экономическим кризисом. Главную проблему Греции в миграционной сфере представляет не наличие легально зарегистрированных мигрантов, а тот факт, что это прибрежное государство с большим количеством островов и островков стало своеобразным перевалочным пунктом на пути из Азии и Африки в ЕС.

Грецию как желанное место работы и жизни выбирают только 20% всех иммигрантов, при этом 40% свой мотив пребывания в стране вообще не указывают⁴. Факт превращения Греции в перевалочный пункт на пути транзита мигрантов в ЕС подтверждает и динамика перечислений мигрантами денежных средств на родину: в 2011 г. было перечислено 1,2 млрд евро, в 2012 г. — 922 млн, в 2013 г. — 599 млн, в 2014 г. — 454 млн⁵. Большая часть этих мигрантов — молодые мусульмане, поэтому их интеграция в Греции крайне затруднительна и требует больших усилий и ресурсов. Как и во всей Европе в Греции низкая рождаемость. Одной из основных причин такого положения дел является затянувшейся экономической и финансовый кризис. Но если среди коренного населения Греции на семью в среднем приходится два ребенка, то среди мигрантов рождаемость значительно выше, что говорит о возможности замещения коренного греческого населения выходцами из других стран, а также утраты многообразных традиций и культуры, что ведет к разрушению национальной идентичности. Другая проблема, с которой столкнулись греки, — это мигранты, приехавшие в Грецию в поисках работы. Их присутствие воспринимается греками негативно, так как работодатели часто нанимают мигрантов за более низкую заработную плату. Греки воспринимают иностранных рабочих не только как конкурентов на рынке труда, но и как некий элемент глобализации, который свидетельствует об утрате национального облика страны. Против увеличения численности мусульман в стране за счет иммигрантов возражает исторически антиисламская составляющая национального сознания⁶.

Таким образом, ставится под вопрос основная составляющая греческой национальной идентичности: быть греком, принадлежать к греческой нации означает быть православным, но эллено-христианская связь в современном греческом государстве проверяется

⁴ Ελλάδα. Ετήσια έκθεση πολιτικής. 2012. σ. 87. URL: <http://shhshhshh.emmedia.gr/shhp-content/uploads/2013/01/EMN-2012-gr-EMMEDIA-19.7.13-FINAL.pdf> (accessed: 15.03.2017).

⁵ Πολιτικό Βαρόμετρο 149/10–2015. Ειδικό αφιέρωμα: στάσεις απέναντι στους πρόσφυγες. URL: http://shhshhshh.publicissue.gr/shhp-content/uploads/2015/10/var-149-oct-2015_ref.pdf

⁶ Бибикова О.П. Указ. соч. С. 180.

на прочность напряженностью между православным традиционализмом и растущей современностью, а также между греческой национальной идентичностью и европейской.

Построение современной национальной идентичности, способной успешно противостоять и защищать греческие национальные интересы, стало важнейшей задачей для греческого государства. Центральным столпом, на котором должна строиться новая национальная идентичность, была историческая преемственность греческой нации с древнейших времен до настоящего времени.

Социологические опросы, проведенные в 2015 г., показывают, что 65,5% греков боятся, что их интеграция в ЕС приведет к потере национальной идентичности, 50% считают, что они граждане Греции, а не Евросоюза, тогда как жители большинства стран Евросоюза (89%) считают себя гражданами ЕС⁷. Существует три больших периода в истории Греции, когда происходили изменения в национальной идентичности: 1) после обретения независимости от османской империи происходило становление греческой идентичности, 2) греческая гражданская война 1946–1949 гг., в результате которой Греция вступила в НАТО и подверглась влиянию США, и 3) период “наших дней”, когда царит греко-западная национальная идентичность. После гражданской войны Греция столкнулась с большими трудностями, убийствами, переворотами и установлением военной диктатуры. Демократия была восстановлена в ноябре 1974 г., когда К. Караманлис был избран премьер-министром от недавно сформировавшейся партии “Новая демократия”. Это событие послужило восстановлению демократии, а также стало толчком к интеграции в европейское сообщество.

Современные греки склонны рассматривать самих себя с точки зрения достижений их предков. Идентичность имеет два аспекта — то как вы видите себя по отношению к другим и то как другие видят вас по отношению к себе.

Греки, как правило, считают себя “основой Европы”. Это мнение базируется в значительной степени на точке зрения, что именно древние греки заложили основы европейской цивилизации. Тем не менее, по вполне понятным причинам многие греки до сих пор глубоко чтят свои культурные особенности, которые отличают их от других европейцев. Годы, прошедшие с того времени, как Греция стала членом Европейского Союза в 1981 г., вели к кризису в греческой национальной идентичности. Этот кризис можно рассматривать как выражение чувств тревоги и незащищенности у греческого населения, возникающих как следствие рисков, связанных, с одной

⁷ European Commission on Public Opinion. URL: <http://ec.europa.eu/COMM-FrontOffice/publicopinion/index.cfm/Archive/index> (accessed: 22.02.2017).

стороны, с европейской интеграцией, а с другой – с возможным выходом страны из-под контроля Евросоюза. Греция – единственное православное государство (православие закреплено в конституции страны как господствующая религия), входящее в состав европейского союза, и она имеет ряд отличий от других европейских государств. Греческий язык является единственным языком в регионе, который имеет такую богатую и древнюю историю, до 2007 г. (вступление Болгарии в ЕС) греческий язык был единственным языком, использовавшим нелатинский алфавит, до присоединения к Европейскому Союзу в 2004 г. новых государств Греция была самой бедной страной в ЕС, но ее ВВП был больше, чем у всех бывших коммунистических балканских стран, позднее присоединившихся к ЕС. Исходя из этого, можно выделить особенности национальной идентичности в Греции. Древнее наследие (литература, искусство, архитектура, мифология, философия, демократия, история) заставляет греков испытывать гордость за свою страну и рождает у них чувство собственной уникальности, даже учитывая кризис и нелестное мнение о Греции в мировом сообществе. Долгое время Греция была частью Османской империи, что не могло не отложить отпечаток на ее национальную идентичность. Большое влияние на все социальные аспекты жизни общества оказала православная церковь. Еще один повод для гордости греков – демократический строй, кроме того, исходя из опросов населения, Греция – самая антиамериканская страна Европы. В контексте греческого кризиса, расширения Еврозоны, а также учащающихся в последние годы кризисов в ЕС национальная идентичность представляется основным источником сопротивления процессам модернизации, европеизации и глобализации. Так называемая антиевропейская национальная идентичность была сформирована греками в ответ на противоречивое отношение ЕС к Греции. Демократическая национальная идентичность пытается противостоять европейской интеграции и оспорить ее ход. Таким образом, в греческих исследованиях двух последних десятилетий национальная идентичность “аутсайдеров” рассматривается не только как одна из основных идеологических единиц современной греческой политической системы, но и как основной источник сопротивления модернизации страны, ее движению в направлении Европы и остального Западного мира. «Многие утверждают, что эта так называемая “антиевропейская” национальная идентичность с ее популистским и евроскептическим подтекстом была оживлена и радикализована государством»⁸. Такое развитие событий можно объяснить особен-

⁸ Βασιλοπούλου Σ. Ελλάδα στην κρίση: λιτότητα, λαϊκισμός και πολιτική κακομεταχείρισης. Εφημερίδα των Μελετών Κοινής Αγοράς. 2013. σ. 1–15.

ностями как радикально левых, так и радикально правых политических сил Греции. Все это в сочетании с распадом политической системы, основными составляющими которой были политические партии “ПАСОК” и “Новая демократия”, позволило новым политическим партиям, таким как “Сириза” или “Золотая заря”, выйти на первый план. Последний факт также можно объяснить тем, что существует некая напряженность между Грецией и остальной Европой, проявившаяся в недостаточной солидарности, в формировании негативных национальных стереотипов, в публичных заявлениях глав Еврокомиссии в отношении Греции, а также в ведении неэффективных мер жесткой экономии. Все это привело к негативному отношению граждан Греции к ЕС и желанию выйти из его состава. Исходя из этого национальную идентичность греков можно трактовать как выступающую как “за” так и “против” Европы и общеевропейской идентичности. Общеевропейская национальная идентичность, которую ЕС стремится создать и поддерживать как часть своего желаемого политического имиджа, необходима Европейскому союзу, “чтобы избежать фрагментации, хаоса и конфликтов всякого рода (военных, социальных, экономических, политических) и содействовать достижению единства, солидарности, субсидарности, согласия и сотрудничества”⁹. Политические идеалы ЕС оформлены в официальных документах по европейской идентичности, таких как “Декларация европейской идентичности”, “Хартия европейской идентичности”, “Удинская декларация”. Проблема заключается в том, что в Греции нет единого мнения относительно политики ЕС: модернизирующаяся “просвещенная” элита противопоставляет себя основной массе граждан, которые строят свои аргументы на основе понимания собственного социального и политического опыта. Хотя модернистская элита и является единственным сторонником социальных изменений, большинство населения Греции враждебно относится к любым структурным изменениям, культурным сдвигам, административным и политическим реформам. Элита страны считает Грецию неотъемлемой частью ЕС и выступает за укрепление европейской идентичности страны, а большинство рассматривает европейскую идентичность как чужую, отдельную от него идентичность. По опросам студентов, проведенных в 2013 г., видно, что большинство из них считает, что Европейский Союз был создан для того, чтобы в Европе был мир и сотрудничество между странами, но, по их мнению, на практике это не было достигнуто. Студенты говорят о том, что разочарованы

⁹ *Delgado-Moreira J.M.* Cultural citizenship and the creation of European identity. URL: <http://www.sociology.org/content/vo1002.003/delgado.html> (accessed: 23.03.2017).

политикой лидеров ЕС, и что они голосовали за партии, выдвигающие лозунги “против ЕС”, но выступающие за такие европейские политические идеалы, как толерантность, демократия, свобода. Студенты также заявили, что гордятся демократической традицией своей страны, выраженной в протестах и демонстрациях.

Еще один вопрос, по которому ведутся активные дискуссии и который влияет на национальную идентичность греков, затрагивает их историческое прошлое и национальную гордость, это так называемый македонский вопрос. Македонский вопрос – это клубок взаимных противоположных по направленности претензий и противоречий, связанных с историческим наследием, он активно обсуждается специалистами по международным отношениям, политологами, историками и журналистами. Македонский вопрос – это поиск ответа относительно того, является ли бывшая часть Югославской Республики законным носителем названия Македония? Или же имя принадлежит греческой исторической традиции и культуре, на чем и настаивает греческое государство. Эти моменты также влияют на построение национальной идентичности. Прилагательное “македонский” имеет как этнический, национальный, так и географический смысл. В Греции понятие “македонец” имеет тот же смысл, что и критянин, т.е. грек с острова Крит.

После признания независимости Республики Македония от Югославии и ее официального статуса другими странами, Греция выступила с протестом против посягательства на историческую память греков и против использования в названии государства эллинского названия и символики. Бывший президент Греции Константинос Караманлис выразил позицию Греции в официальном выступлении, сказав: “Есть одна Македония, и она греческая”¹⁰. Греция считает, что ни с лингвистической, ни с исторической, ни с географической точек зрения, современная Македония таковой не является, а употребление этого названия для суверенного европейского государства неприемлемо. Но большую обеспокоенность у греков вызывает не само название “Республика Македония”, а предложенная современными македонскими историками версия национальной истории бывшей югославской республики. По мнению последних, современные македонцы состоят в родстве с Александром Македонским и считают принадлежность Древней Македонии к Греции большим вопросом. Все эти доводы вызывают большое негодование как у представителей греческого государства, так и у простых греков. Но парадокс состоит в том, что подобные

¹⁰ <http://xronos-kozanis.gr/o-proedros-tis-dimokratias-pou-timithike-apo-tin-periferiadi-titikis-makedonias-ke-ton-ke-dimo-kastorias/> (accessed: 29.03.17).

моменты способствуют еще большему укреплению национальной идентичности страны. Простые греки с еще большим рвением акцентируют свою национальную принадлежность и связь с государством, еще активней выступают против интеграции с Европой.

Можно сказать, что греческая национальная идентичность переживает кризис и разлом, так как в представлении государственной элиты греческое государство должно интегрироваться в Евросоюз и максимально принять западные ценности, а в представлении простого греческого народа греческое государство должно сохранить свою национальную идентичность и избрать собственный вектор развития. Помимо этого, сейчас Греция позиционирует себя как слабое и уязвимое с точки зрения финансовой безопасности государство, и в соответствии с этой позицией выстраивает отношения на международной арене. Более того, лидеры основных политических партий, Новая Демократия и “ПАСОК” часто говорят о будущем в Евросоюзе и о том, что Греция будет твердо привержена принципу равных возможностей в институтах ЕС и поддержит основную роль так называемых национальных институтов, а именно Европейской комиссии и Европейского парламента. Подразумевается, что Европа должна выступать единым фронтом не только по торгово-экономическим вопросам, но и по вопросам безопасности. Эту позицию греческой государственной элиты не разделяют граждане Греции. Они выступают за выход из зоны евро и переход на драхмы, не желают принимать ценности, диктуемые Западом, помнят свою историю и гордятся ею, а также и позиционируют себя как греков, а не как европейцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бибикова О.П. Иммигранты из мусульманских стран в Европе: этноконфессиональный и социокультурный аспекты. М., 2015.

Куропяткин А.И. Идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 2.

Попова О.В. Развитие теории политической идентичности в отечественной и зарубежной политической науке // Идентичность как предмет политического анализа: Сб. ст. по итогам всерос. науч.-теор. конф. ИМЭМО РАН. М., 2011. С. 13–29.

REFERENCE

Βασιλείος Ν., Μακρύδης Β. Ο ορθόδοξος χριστιανισμός στην Ελλάδα 21ο αιώνα. Ορολόγ της φρίσκακς για την κουλτούρα, την καφετέρια και την πολιτική. Epikentro, 2016.

Βασιλοπούλου Σ. Ελλάδα στην κρίση: λιτότητα, λαϊκισμός και πολιτική κακομεταχείρισης. Εφημερίδα των Με-λετών Κοινής Αγοράς. 2013.

Bibikova O.P. Immigranty iz musul'manskikh stran v Evrope: jetnokonfessional'nyj i sociokul'turnyj aspekty. M., 2015 (in Russian).

Blinkhom M., Veremis T. Modern Greece: nationalism and nationality. Athens, 2000. P. 22.

Charter on European identity. URL: <http://www.eurit.it/Eurplace/diba/citta/cartaci.html> (accessed: 5.03.2017).

Delgado-Moreira J.M. Cultural citizenship and the creation of European identity. URL: <http://www.sociology.org/content/vo1002.003/delgado.html> (accessed: 23.03.2017).

Ελλάδα. Ετήσια έκθεση πολιτικής. 2012. σ. 87. URL:<http://shhshhshh.emmedia.gr/shhp-content/uploads/2013/01/EMN-2012-gr-EMMEDIA-197.13-FINAL.pdf> (accessed: 15.03.2017).

European Commission on Public Opinion. URL: <http://ec.europa.eu/COMMFrontOffice/publicopinion/index.cfm/Archive/index> (accessed: 22.02.2017).

Ένας διάλογος για τη λειτουργική ταυτοποίηση και το κρύο. Edc Velios A. Roes. 2016.

<http://xronos-kozanis.gr/o-proedros-tis-dimokratias-pou-timithike-apo-tin-periferia-ditikis-makedonias-ke-ton-ke-dimo-kastorias/> (accessed: 29.03.17).

Kuropjatkin A.I. Ideologija i politika social'noj stabil'nosti polijetnicheskikh obshhestv // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2000. T. 3. N 2 (in Russian).

Μεϊμάρης Φ. Εφηνικός Προϋδισμός και Κάτοικοι στην Ελληνική Κράτος. Αντώνης, 2012.

Παπαριγόπουλος Γ. Επιτομή, Ιστορία του Ελληνικού Έθνους, Περγάμι. Αθήνα, 1995.

Πλάντζος Δ. Παγκοσμιοποίηση και επέκταση koultoyra. Aleksandreia, 2005.

Πολιτικό Βαρόμετρο 149/10–2015. Ειδικό αφιέρωμα: στάσεις απέναντι στους πρόσφυγες. URL: http://shhshhshh.publicissue.gr/shhp-content/uploads/2015/10/var-149-oct-2015_ref.pdf

Ρορova O.V. Razvitie teorii politicheskoy identichnosti v otechestvennoj i zaru-bezhnoj politicheskoy nauke // Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza: Sb. st. po itogam vseros. nauch.-teor. konf. M., 2011. S. 13–29 (in Russian).

Roymelios P. Η ολκοκληρία της ευρωπαϊκής οικονομίας και ο ρόλος της Ελλάδας στο ΕΟΚ. 2005.

The Udine Declaration. URL: <http://aer.eu/events/2/2007/aer-general-assembly-udine.html> (accessed: 05.03.2017).

Tirau M. Ορφοδόκησις σεναρίου και εκδοχής της Βαλάνιας. Epikentro, 2015.

Τουλουμάκος Ι. Η συντονισμένη συνείδηση και η επιτυχία της νέας ιδεολογίας. Κυριακίδη Αφοί, 2008.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И МЕНЕДЖМЕНТ

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-2-185-202

НЕСТАНДАРТНЫЕ ФОРМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И САМОРЕАЛИЗАЦИИ СОТРУДНИКОВ: ДАУНШИФТИНГ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А.И. Пашко, асп. кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

М.А. Семихова, асп. кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

К.Г. Аликова, магистр социологии кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234***

А.Д. Юрасов, асп. кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234****

Переход к постиндустриальному обществу сопровождается стремительным развитием новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В связи с этим развитие социального капитала человека становится необходимым и очень важным. Наряду со стремлением людей к приращению социального капитала увеличивается их интерес и к предпринимательской деятельности. Все большее распространение получают такие нестандартные формы занятости, как дистанционная профессиональная деятельность, фриланс (в частности, электронный фриланс), свободная занятость (дауншифтинг), вследствие чего формируется новый тип социально-трудовых отношений, увеличивается количество людей, стремящихся к самоорганизации труда. Таким образом, подробное рассмотрение нестандартных форм организации трудовой деятельности, предпринимательства, а также способов профессионального развития работников является актуальным.

В статье рассматриваются особенности таких феноменов, как предпринимательство и дауншифтинг, в контексте путей профессионального развития человека, а также анализируются причины и способы

* Пашко Александр Игоревич, e-mail: alexander_pashko@bk.ru

** Семихова Мария Александровна, e-mail: semikhova.maria@yandex.ru

*** Аликова Ксения Германовна, e-mail: writetoxen@gmail.com

**** Юрасов Александр Дмитриевич, e-mail: A.D.Yurasov@gmail.com

вовлечения как в идеологию предпринимательства, так и в идеологию дауншифтинга. Отличительной чертой авторского взгляда является то, что понятия “предпринимательство” и “дауншифтинг” не противопоставляются как противоположные по смыслу вектора развития карьеры. Эти способы организации трудовой деятельности, наоборот, рассматриваются как схожие между собой в предпосылках, побуждающих оставить стабильную работу в компании, а также в глобальных целях этих изменений.

Для более полного понимания комплементарности феноменов в контексте профессионального развития человека приведены краткая историческая справка о возникновении каждого из феноменов, а также экскурс в историю развития каждого из феноменов в России.

Ключевые слова: предпринимательство, дауншифтинг, нестандартная занятость, фриланс, постиндустриальное общество, профессиональное развитие.

NON-STANDARD FORMS OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT AND SELF-REALIZATION OF EMPLOYEES: DOWNSHIFTING AND ENTREPRENEURSHIP

Pashko Alexander I., postgraduate student, Department of Economic Sociology and Management of Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: alexander_pashko@bk.ru

Semikhova Maria A., postgraduate student, Department of Economic Sociology and Management of Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: semikhova.maria@yandex.ru

Alikova Kseniya G., master sociology, Department of Economic Sociology and Management of Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: writetoxen@gmail.com

Yurasov Alexander D., postgraduate student, Department of Economic Sociology and Management of Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: A.D.Yurasov@gmail.com

Transition to postindustrial society is accompanied by the onrush development of new information and communication technologies. Consequently, social capital of humans development becomes necessary and very important. Along with the willingness to increase social capital many people are interested in realizing their entrepreneurial activities. Spreading of such non-standard forms of employment as remote work, freelancing (in particular, electronic freelancing) and downshifting, providing a new type of social-labor relations, increasing number of people seeking to self-organization labor activity. Thus, detailed consideration of non-standard forms of labor organization, entrepreneurship and ways of employee's professional development is very actual.

The article discusses such phenomena as entrepreneurship and downshifting in context of personality's professional development, and also exploring reasons and ways of engagement in ideologies of both two phenomena. A distinctive feature of the author's view is that concepts of "entrepreneurship" and "downshifting" are not in the opposition as different vectors of career development. These methods of labor organization are considered as similar by backgrounds that motivate person to leave stable job in a global context or in a concrete company.

In the article for more complete understanding complementarity of entrepreneurship and downshifting in context of personality's professional development, there is a brief historical background, regarding history of each phenomena – globally, and particularly in Russia.

Key words: *entrepreneurship, downshifting, non-standard employment, freelance, post-industrial society, professional development.*

В высокодинамичном постиндустриальном обществе сфера занятости, профессиональное развитие и карьера претерпевают существенные трансформации. Эти изменения обусловлены тем, что многие специалисты могут быть независимыми и автономными, поскольку их интеллектуальный и творческий труд, как правило, не нуждается в оборудовании, которое они не могут себе позволить. Являясь, таким образом, собственниками на средства производства, они самостоятельно распоряжаются собственным временем и выбирают "работать вместе с компанией, а не на компанию"¹.

Важно подчеркнуть, что значительные изменения происходят в производстве, что, в первую очередь, выражается в его демассификации и дестандартизации. Меняется и содержание труда, поскольку производство становится наукоемким и требует инновационных решений. Теперь работа становится творческой и интеллектуальной.

Переход от труда к творчеству представляет собой одну из важнейших черт постиндустриальной трансформации². Помимо этого, существенно меняются и ценностные ориентиры работников. Возможность для самореализации, содержательность и удобство стали не менее важными критериями при выборе работы, чем зарплата. Все большую роль начинают играть постматериалистические ценности, что выражается в изменении отношения к собственности и потреблению. Некоторые люди даже отказываются от владения дорогой собственностью как таковой. Примером тому может послужить динамично развивающаяся в последние годы sharing-экономика.

Развиваются новые информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), уделяется большое внимание развитию социаль-

¹ *Иноземцев В.Л.* Расколота цивилизация: системные кризисы индустриальной эпохи // Вопросы философии. 1999. № 5. С. 11.

² Там же. С. 20.

ного капитала людей, активно распространяется предпринимательская деятельность. Благодаря этим изменениям появляются такие новые формы занятости, как дистанционная профессиональная деятельность, фриланс (электронный фриланс), некоторые формы свободной занятости, в частности, дауншифтинг. Формируется новый тип социально-трудовых отношений, увеличивается количество людей, стремящихся к самоорганизации труда. Все эти трансформации требуют более подробного рассмотрения распространяющихся форм занятости и профессионального развития людей, вовлеченных в различные варианты трудовой деятельности.

В условиях изменяющихся трудовых отношений, при которых все большая часть людей работает вне компании, в качестве объекта профессионального развития нужно рассматривать не только персонал конкретной организации, но и личность³. В связи с этим в статье особое внимание уделяется рассмотрению профессионального развития личности. В то же время итогом процесса развития вне зависимости от акцента на той или иной движущей силе профессионального развития является увеличение социального капитала человека, применяемого в трудовой деятельности на протяжении всей жизни.

Сегодня рассмотрение профессионального развития производится с точки зрения системного подхода, определяются основные принципы и функции развития трудовых ресурсов и способы реализации этого процесса. Компании уделяют особое внимание развитию собственного персонала внутри компании, считая это внутренними делами самой организации. При этом упускается из виду то, что многие аспекты профессионального развития, не находясь под непосредственным контролем компании.

Рассмотрение профессионального развития с позиции личности работника представляет не меньший интерес и научную ценность. В XX в. специалисты в области общей психологии в Европе и Америке проводили в этом направлении множество научных исследований, рассмотрение которых в социологическом контексте в настоящее время приобретает большую актуальность.

Одним из первых и значимых научных направлений является дифференциально-диагностическое, предложенное Ф. Парсонсом⁴ в 1909 г. Основные тезисы этого подхода можно сформулировать следующим образом:

³ Дудуева Ф.А., Липатова А.Е., Пашко А.И., Семихова М.А., Третьяков Я.А. Современные исследования персонала. Проблемы управления персоналом и занятостью в темах диссертационных исследований // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4.

⁴ *Parsons F. Choosing a vocation. Cambridge, 2008.*

1) удовлетворенность профессией и профессиональная успешность обусловлены степенью соответствия индивидуальных качеств и требований профессии;

2) по своим индивидуальным качествам, прежде всего по профессионально значимым способностям, каждый человек оптимально подходит к какой-либо одной сфере деятельности;

3) профессиональный выбор является, в сущности, сознательным и рациональным процессом, в котором сам индивид определяет индивидуальную диспозицию психологических или физических качеств и соотносит ее с уже имеющимися диспозициями требований различных профессий⁵.

Однако со временем менялись и научные взгляды на теорию Ф. Парсонса, и профессиональные требования к сотруднику под воздействием интенсивного развития технологий.

К примеру, внедрение различных автоматизированных систем управления предприятием потребовало от специалистов уверенного владения соответствующим программным обеспечением для выполнения существенного ряда работ в тех или иных организациях. В то же время сотрудники, проработавшие на предприятиях не один десяток лет, оказались не способны в полной мере освоить производственные нововведения. На этапе приема этих сотрудников в организацию и их продолжительной трудовой деятельности соответствие “индивидуальные качества – профессиональные требования” не вызывало сомнений, но в результате изменения технологии производственного процесса такое соответствие было нарушено. Такие изменения нашли отражение в теории развития, связанной с именами Д. Сьюпера, Ш. Бюлера⁶, Э. Шпрангера⁷.

В 1952 г. Д. Сьюпер выдвинул ряд положений своей теории профессионального развития, среди которых выделяется изменчивость во времени объективных и субъективных условий профессионального развития, признание “соответствия” ряда профессий сотрудникам с различными индивидуальными характеристиками, значимость социально-демографических и экономических факторов в процессе выбора профессии, а также наличие различных фаз развития работника⁸.

Эта теория подразумевает наличие различных стадий, на каждой из которых приоритеты профессионального развития меняются,

⁵ Кондаков И.М., Сухарев А.В. Методологические основания зарубежных теорий профессионального развития // Вопросы психологии. М., 1989. С. 158–164.

⁶ Buhler C. Psychology in the life of our times. Zurich, 1962.

⁷ Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М., 1980. С. 286–300.

⁸ Super D.E. Vocational development. N.Y., 1957.

а знания об этих стадиях могут быть полезны для создания карты развития и создания различных путей удержания сотрудника внутри компании. Эти стадии описывают всю жизнь человека, начиная с рождения и заканчивая пенсией:

1. Пробуждение (до 14 лет; проигрывание профессиональных ролей, формирование профессионально значимых предпочтений; попытки реализовать индивидуальные способности, формирование представлений о профессиональных требованиях и профессиональном образовании).

2. Исследование (15 лет – 24 года; самореализация в различных профессиональных ролях с ориентацией на собственные реальные профессиональные возможности).

3. Консолидация (25 лет – 44 года; стремление обеспечить устойчивую личностную позицию в выбранном профессиональном поле).

4. Сохранение (45 лет – 64 года; стремление поддерживать в актуальном состоянии знания в рамках выбранной профессии).

5. Спад (после 65 лет; наблюдение за профессиональным развитием других людей, сокращение собственного участия в профессиональной жизни).

Разделение профессионального развития человека в течение всей жизни на стадии позволило дифференцированно подойти к вопросу обеспечения необходимых мероприятий по отношению к различным социальным группам, которые организация предполагает привлекать к себе на работу. Одним из примеров такой деятельности может быть предложение молодым специалистам – учащимся старших курсов или недавним выпускникам учебных заведений – попробовать себя на стажировках в нескольких подразделениях компании. Значительная часть современных компаний использует такую практику, прежде чем зачислять в штат молодого сотрудника. Этот механизм отвечает потребностям молодых людей в выборе сферы трудовой деятельности и их стремлению реализовать себя в нескольких профессиональных областях, сделав впоследствии между ними выбор⁹.

Этот же механизм и объясняет готовность развиваться в сторону предпринимательства, в особенности в группах исследования и консолидации (15–44 года). С некоторых пор, также как и предпринимательство, набирает популярность и свободная занятость. Сотрудник организации может изменить приоритеты и стать даун-

⁹ Юрасова М.В. Оценки систем качества подготовки выпускников в вузах России // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2013. № 1. С. 55–66.

шифтером, иногда не справляясь с грузом ответственности, соответствующей его должности в компании, или из-за стремления к большему количеству свободного от работы времени.

Компаниям может быть интересно сохранение сотрудников старшего поколения, как более знающих и опытных специалистов. Как показывает ряд исследований в сфере общего образования, именно в этой группе идет широкое распространение курсов повышения квалификации для поддержания собственных знаний в актуальном состоянии (например, обучение работе с новым оборудованием в образовательной организации).

Однако наличие подробных теоретических описаний не позволяет полностью решить проблему удержания сотрудников компаний¹⁰. Даже крупнейшим компаниям зачастую не удается удержать сотрудника, поскольку меняется вектор ценностных ориентаций работников. Характерной чертой современного глобализирующегося общества является слабая связь человека и организации¹¹.

Все более популярным становится феномен дауншифтинга, а вместе с ним и философия отказа от бесконечного потребления, от демонстрации своего высокого статуса, уровня жизни. “Гонке по вертикали” многие предпочитают семью, размеренную жизнь, которую можно проживать каждый день, а не только по выходным.

Профессиональное развитие персонала зависит, таким образом, от успешности совмещения в этом процессе возможностей организации и индивидуальных, личностных характеристик и потребностей сотрудников (потенциальных сотрудников). Однако первичными всегда будут являться потребности сотрудников, на которые стоит ориентироваться отделу персонала в своей работе. В связи с этим особенно важно учитывать трансформации в ценностях и мотивах многих современных работников, для которых труд все меньше предопределяется экономическими потребностями. И если еще 40 лет назад перспектива быстрого карьерного роста ценилась очень высоко, то теперь далеко не все считают оправданным такой рост, если ради него придется пожертвовать временем на семью, образование или хобби. Человек сегодня все чаще предпочитает принадлежать себе, а не организации и выбирает “свой” самостоятельный путь.

Данный тезис подтверждается, с одной стороны, развитием такого социального феномена, как дауншифтинг, а с другой – ин-

¹⁰ Юрасова М.В. Интегрированные системы исследований качества (качество исследований и исследование качества) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 1. С. 174–193.

¹¹ Семихова М.А. Нестандартная занятость в условиях современности // Материалы Международного молодежного научного форума “Ломоносов–2015” / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М., 2015.

тенсивным распространением предпринимательской деятельности. В данной статье понятия “дауншифтинг” и “предпринимательство” рассматриваются не как противоположные по своему смыслу, а как альтернативы личностного развития с частичным пересечением поля деятельности.

Каждый из путей развития позволяет иметь высокую мобильность, как горизонтальную, так и вертикальную. Кроме того, многие люди совершают вертикальную мобильность, сознательно отказываясь от более доходной или престижной работы в определенные периоды их жизни или из-за стремления к более интересной деятельности, дающей больше творчества и возможностей для самореализации и самосовершенствования.

Именно в этом ключе понятия “предпринимательство” и “дауншифтинг” схожи между собой. Однако здесь же заложено и противоречие: можно отказаться от успешной, но полной стрессов работы, в пользу более спокойной деятельности (в том числе и, в некоторых пределах, предпринимательской деятельности), позволяющей реализовать собственные мечты¹², а можно, наоборот, погрузиться в среду более неопределенную и рискованную, реализуя свои профессиональные знания, умения и навыки, становясь работодателем.

Для того чтобы более полно раскрыть области пересечения предпринимательства и дауншифтинга следует обратиться к определениям этих понятий. Более того, подробного рассмотрения требует феномен дауншифтинга в силу своей новизны, а также особый интерес представляют пересекающиеся моменты обеих категорий.

И предпринимательство, и дауншифтинг имеют собственную историю, отличающуюся от страны к стране и сохраняющую лишь общие черты, поэтому стоит упомянуть об истоках и о специфике развития данных явлений в России.

Итак, феномен предпринимательства известен достаточно давно и впервые был описан еще в XVIII в. французским экономистом Р. Кантьееном¹³. Однако существенное, если не сказать решающее, значение на дальнейшее развитие теории предпринимательства оказал австрийский экономист Й. Шумпетер, в работах которого особое внимание уделяется личности предпринимателя¹⁴. Он же впервые указал на то, что желание стать предпринимателем порождает не только жажда получения материальной выгоды, но и

¹² Семихова М.А. Новые формы занятости в постиндустриальном обществе // Управление человеческими ресурсами: В 2 ч. Ч. 1. М., 2016. Гл. 7. С. 126–142.

¹³ *Cantillon R. Essai sur la nature du commerce en general*, edited with an English translation and other material by Henry Higgs. L., 1959.

¹⁴ *Шумпетер Й. Теория экономического развития*. М., 1982. С. 159.

ряд других мотивов, лежащих за пределами материального мира, например, проявление воли к победе, осуществление собственной мечты или желание основать собственную компанию. Но, как указывают многие ученые, предпринимательство неразрывно связано с риском, неопределенностью и большими временными вложениями, которые, однако, зависят от масштаба деятельности (больше масштаб – большие риски).

Явление же дауншифтинга берет свое начало в 90-х гг. XX столетия в США. Переводя дословно с английского языка слово “дауншифтинг”, можно сказать, что это “смещение вниз”, а поскольку оно является заимствованием из терминологии автомобилистов, то в данном контексте обозначает переключение автомобильной коробки передач на меньшую скорость. Первые же упоминания о дауншифтинге как о социальном явлении, подразумевающим отказ от стрессовой работы в пользу собственного спокойствия и благополучия, появились в книге Эми Солтсмен “Дауншифтинг: достижение нового успеха на пониженной передаче”, впервые изданной в США в 1990 г.¹⁵ Чуть позже, в 1991 г. в статье “Жизнь на пониженной передаче: дауншифтинг и новый взгляд на успех в 90-е”, опубликованной в “Washington Post”, дауншифтинг представал перед более широкой аудиторией. Первыми странами, где люди прерывали успешную карьеру и выбирали простую и спокойную жизнь со своей семьей, были США, Великобритания и Австралия. Именно тогда в этих странах первые дауншифтеры смогли осознать себя как группу, что можно считать началом истории феномена дауншифтинга.

Что же касается развития феноменов предпринимательства и дауншифтинга в России, то тут интересным фактом является условно схожий возраст понятий, поскольку почти весь советский период предпринимательство находилось под запретом (вплоть до 1986 г.¹⁶), а предпринимательская деятельность с использованием наемного труда была узаконена лишь указом Б. Ельцина в конце 1990 г.¹⁷ Наличие этого перерыва обусловило становление предпринимательской деятельности с самого начала в России, т.е. пересоздания ее как таковой, несмотря на обширную историю предпринимательства в царской России.

¹⁵ Корниенко О.Ю. Историко-социологический анализ феномена дауншифтинга как нового движения в карьере успешного человека // Вестник КемГУ. 2014. № 1 (57). С. 92–95.

¹⁶ Постановление от 19 ноября 1986 г. № 6051-ХІ о введении в действие закона СССР “Об индивидуальной трудовой деятельности”.

¹⁷ Закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-І “О предприятиях и предпринимательской деятельности” (с изменениями и дополнениями).

Если понятие предпринимательства вернулось в Россию в 1990 г., то понятие “дауншифтинг” было введено в русский язык несколько позже, в 2004 г. Именно тогда широкая общественность получила представление о дауншифтинге с появлением историй и их последующих публикаций в научных и популярных изданиях, повествующих о разочарованных миллионерах, продавших свои особняки и уехавших в глухие деревни¹⁸.

Одним из ярких примеров подобной истории может служить биография Германа Стерлигова, основателя и владельца первых торговых бирж, первого легального долларового миллионера в России. Получив среднее образование в Москве, отслужив в армии в Монголии и проработав некоторое время на заводе, Герман Стерлигов поступил на юридический факультет МГУ, откуда, однако, вскоре ушел из-за конфликта с профессором истории СССР. После МГУ, с 1990 г., начинается трудовая деятельность Германа Стерлигова, которая принесла ему известность и внушительный доход. В это время начинает существовать торговая биржа “Алиса”, ставшая впоследствии холдинговой компанией “Алиса” с 84 дочерними предприятиями не только в России, но и за рубежом¹⁹. Герман Стерлигов вел активную политическую и общественную деятельность начиная с 1999 г. В 2002 г. он кандидат в губернаторы Красноярского края, в 2003 — кандидат в мэры города Москвы, на выборах 2004 г. выдвигался в Президенты Российской Федерации, но не прошел регистрацию. Это событие стало определяющим для принятия решения о переезде всей семьей в деревню. Герман Стерлигов продал свой бизнес, бросил офис в 500 кв. м с видом на Красную площадь, особняк на Рублевском шоссе, отошел от дел и уехал в д. Слобода Истринского района Московской области, где обосновался, завел крестьянское хозяйство и стал называть себя православным христианином²⁰.

О Германе Стерлигове активно писали на протяжении многих лет. Подобные новости об успешных некогда бизнесменах, неожиданно бросающих все, стали настоящими сенсациями. Так, набирая популярность, в 2006 г. дауншифтинг появился в рейтинге журнала “Большой город” в списке “открытый года”, а в 2007 г. слово было названо “героем года”²¹.

¹⁸ *Товбин К.М.* Проект “Герман Стерлигов” как пример псевдотрадиционализма // Аналитика культурологии. 2015. № 1 (31). С. 194–215.

¹⁹ Биография Германа Стерлигова // Официальный сайт Германа Стерлигова. URL: <http://sterligoff.ru/biografiya.html> (дата обращения: 19.08.2017).

²⁰ *Тихомиров Д.* Герман Стерлигов: “Сам не знаю, насколько я был богат” // Коммерсантъ Деньги. 2007. № 5. С. 32.

²¹ *Кронгауз М.* Слово—2007. Слово — герой года // Большой город. 2008. 9 янв. URL: http://bg.ru/society/slovo_2007-7181/ (дата обращения: 19.08.2017).

Переход от классического пути построения карьеры к предпринимательству или дауншифтингу происходит при достижении определенного уровня развития сотрудника, либо под влиянием различных событий, происходящих в его жизни. Например, стремление сохранить семью и уделить больше времени воспитанию детей может повлечь отказ от более загруженной работы с высокой зарплатой в пользу меньшей заработной платы и, соответственно, меньшей загруженности. Некоторые люди вынуждены прекратить погоню за высокой зарплатой и карьерным ростом, поскольку эти материальные успехи сопровождаются многочисленными стрессами и грозят ущербом здоровью. Более того, возникающие профессиональные неудачи только усугубляют эмоциональное напряжение. В этих случаях дауншифтинг, можно сказать, “дарит второй шанс”²².

Главной причиной предпочтения дауншифтинга является осознание необходимости изменить жизнь и работу с целью обретения спокойствия и удовлетворения от той деятельности, которая преобладает в жизни человека.

Готовности людей вступить в ряд дауншифтеров и сменить свои высокие должности на менее престижные, прежде всего, способствует стремление изменить трудовую деятельность. Дауншифтинг ради смены работы или профессиональной переориентации — наиболее популярная стратегия российского дауншифтинга, при которой человек находит более комфортную для себя сферу деятельности, сохраняя прежний уровень доходов.

Желание работать в престижной компании также может стать причиной ухода с более высокого поста, занимаемого в менее значимой на рынке организации. Ради “компании мечты” человек готов отказаться от лучших материальных условий, перейти на более низкую должность, чтобы присоединиться к крупной и успешной организации. Более того, высокая должность, как правило, подразумевает большой уровень ответственности, множество стрессовых ситуаций и, в целом, ко многому обязывает. Зачастую эмоциональная и психологическая нагрузка настолько велика, что человек осознает, что работа — это единственное, что он видит в своей жизни. Тогда и наступает тот самый переломный момент, когда человек осознает, что жизнь для себя гораздо важнее, чем существование ради работы.

Одной из довольно распространенных причин следования дауншифтингу является учеба, а именно нехватка времени на совмещение работы с получением первого, второго или дополнительного

²² Овечкина Я.В. Особенности организации трудовой деятельности современных дауншифтеров // Научный результат. Серия “Социология и управление”. 2015. № 3. С. 83–88.

образования. В данном случае, возможен временный дауншифтинг, после которого работа будет приносить больше удовольствия.

Наиболее частой причиной прекращения успешной карьеры становятся рождение и воспитание ребенка. Стремление быть участником всех важных событий своей семьи, своих детей – главный мотивирующий фактор приверженности дауншифтингу²³.

Таким образом, дауншифтингу могут предшествовать разнообразные события, происходящие в жизни человека: понимание того, что работа не приносит удовольствия, накопившиеся нерешенные внутренние вопросы и неразрешенные кризисные состояния личности, стремление быть независимым от других людей, стремление избавиться от стрессов и чрезмерных обязанностей, а также желание быть ближе к родным людям.

Причины перехода к предпринимательской деятельности отчасти могут совпадать с причинами следования дауншифтингу, например, открытие собственного дела, при должном опыте работы, в самом начале будет занимать больше времени, чем работа по найму в уже устоявшейся компании. Но при выходе на определенный уровень удержание компании на плаву не будет требовать большого вложения времени предпринимателя, что приведет к увеличению времени, скажем, на семью и воспитание детей. Также может произойти и с хобби, когда оно перерастает в небольшой бизнес, приносящий доход.

Это очень напоминает один из вариантов дауншифтинга, к которому будет относиться смена деятельности. Например, переход от стрессовой работы к менее престижной, но творческой и приносящей удовлетворение. Это может быть и изменение способа организации труда: переход на удаленную работу, фриланс или вовсе отказ от деятельности на предприятии в пользу собственного бизнеса, организованного, например, на основе хобби.

Перечисленные выше варианты говорят о разнообразии видов деятельности, которые могут вести как дауншифтеры, так и предприниматели, что позволяет говорить о различных степенях вовлеченности в процесс.

Нередки случаи совмещения работы по найму в стабильной организации в основное рабочее время и ведение собственного дела в свободное от работы по найму время. Также и в дауншифтинге есть различные степени вовлеченности, определяющие существен-

²³ Овечкина Я.В. Перспективы распространения явления дауншифтинга в современном обществе: анализ ценностных ориентаций специалистов Москвы и Санкт-Петербурга // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 10 (54). С. 92–102.

ность изменений образа жизни: существует как абсолютная трансформация жизненного уклада, так и все градации, находящиеся на пути к этим существенным переменам.

У дауншифтеров популярна смена места жительства: переезд из мегаполиса в глубинку или в теплые страны²⁴. Часто себя причисляют к дауншифтерам люди, переселившиеся, например, на острова и существующие там за счет средств, которые они получают от сдачи недвижимости в своей стране. Такие дауншифтеры представляют собой особую группу, которую называют рантье²⁵. Что же касается дауншифтеров, переселившихся из крупных городов в более мелкие населенные пункты, то их деятельностью часто становится сельское хозяйство и животноводство. Соответственно, их доход состоит из того, что удалось произвести.

В этом контексте следует сказать о новом законе РФ, вступившем в силу 1 июня 2016 г., который может стать стимулом к действию для потенциальных дауншифтеров. Речь идет о Законе о “Дальневосточном гектаре”, который предоставляет возможность гражданину РФ получить в безвозмездное пользование земельный участок на пять лет, площадью не более одного гектара, находящийся в государственной или муниципальной собственности и расположенный на определенных данным законом территориях Дальнего Востока.

Нельзя не отметить сходство этого закона со Столыпинской аграрной реформой 1900-х гг. Тем не менее, при реализации обозначенных мер вероятно возникновение трудностей, связанных с недостаточной поддержкой государством граждан, решившихся на переселение. При проведении Столыпинской аграрной реформы люди полностью опекались государством, не несли никаких дополнительных затрат на переселение. Современный же закон о “дальневосточном гектаре” подразумевает перенесение большей части расходов и всей ответственности исключительно на человека, отважившегося “попытать судьбу” на Дальневосточных землях. Однако для людей, решившихся на дауншифтинг, такие условия окажутся только выигрышными, поскольку поддержка государства может существенно приблизить их к воплощению в жизнь своих планов.

Важно отметить, что данная государственная мера не является специальной зоной для дауншифтинга, а может рассматриваться

²⁴ Мерзлякова В. Альтернативные модели успешности в современной культуре: дауншифтинг // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 4. С. 33–42.

²⁵ Моляренко О.А. Распределенный образ жизни и контрурбанизационные процессы как факторы развития сельских и городских поселений // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 1. С. 43–63.

лишь как ситуация, открывающая возможности для населения на территории Дальневосточного федерального округа. Соответственно, переселенцы 1900-х гг. не будут относиться к категории дауншифтеров, так же как и современные профессионалы, например, в агросфере, решившие воспользоваться предложенными в вышеобозначенном законе условиями.

Но наряду с теми, кто уже решился на перемены в собственной жизни, существуют и те, кто только задумывается об этом. Таким образом, следует отдельно сказать и о потенциальных предпринимателях и дауншифтерах.

Так, потенциальные дауншифтеры еще не осуществили никаких радикальных изменений, но уже о них задумываются и мысленно готовы сделать решающий шаг. Такую стратегию можно обозначить как “планирование побега”²⁶. Близкими по духу изменений для них будут и потенциальные предприниматели, но с тем отличием, что для того, чтобы стать предпринимателем необходимо освоить достаточно большой пласт знаний, касающихся юридических, экономических и прочих административных вопросов, который может служить потенциальным барьером для выбора этого вида деятельности. В то же время государство заинтересовано в том, чтобы предпринимателей становилось больше, поскольку именно они обеспечивают рост экономики. Обучение предпринимательскому ремеслу в плане снижения трудности преодоления административных или каких-либо других барьеров, увеличения процента успешных предпринимателей должно быть сформировано в какую-либо образовательную программу. А с учетом того что экономический рост актуален в нашей стране в контексте выхода из экономического кризиса, то в качестве меры, позволяющей максимизировать в перспективе количество предпринимателей в стране, можно предложить введение курсов предпринимательства в школе, хотя бы в качестве дополнительных занятий.

В завершение стоит отметить, что несмотря на то что жизнь среднестатистического человека протекает по общепринятому стандартному сценарию, предполагающему получение хорошего образования и построение успешной карьеры, в котором успешность измеряется материальными благами, приоритеты людей сегодня меняются. И это подтверждается тем, что основной чертой, присущей как дауншифтерам, так и предпринимателям является стремление уйти, отказаться от навязанных извне целей и чужих желаний, а главной обшей ценностью — свобода и реализация собственных желаний.

²⁶ Тарасова О.В., Яцевич О.Е. Экзистенциальные модели деятельности человека // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 145–148.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Биография Германа Стерлигова // Официальный сайт Германа Стерлигова. URL: <http://sterligoff.ru/biografiya.html> (дата обращения: 19.08.2017).

Закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 “О предприятиях и предпринимательской деятельности” (с изменениями и дополнениями).

Постановление от 19 ноября 1986 г. № 6051-XI о введении в действие закона СССР “Об индивидуальной трудовой деятельности”.

Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация: системные кризисы индустриальной эпохи // Вопросы философии. 1999. № 5.

Кондаков И.М., Сухарев А.В. Методологические основания зарубежных теорий профессионального развития // Вопросы психологии. М., 1989. С. 158–164.

Корниенко О.Ю. Историко-социологический анализ феномена дауншифтинга как нового движения в карьере успешного человека // Вестник КемГУ. 2014. № 1 (57). С. 92–95.

Кронгауз М. Слово–2007. Слово – герой года // Большой город. 2008. 9 янв. URL: http://bg.ru/society/slovo_2007-7181/ (дата обращения: 19.08.2017).

Мерзлякова В. Альтернативные модели успешности в современной культуре: дауншифтинг // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 4. С. 33–42.

Моляренко О.А. Распределенный образ жизни и контрурбанизационные процессы как факторы развития сельских и городских поселений // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 1. С. 43–63.

Образовательные запросы учителей на совершенствование/формирование профессиональных компетенций. URL: http://www.dpomos.ru/page/requests_demo.php. (дата обращения: 16.11.2016).

Овечкина Я.В. Особенности организации трудовой деятельности современных дауншифтеров // Научный результат. Серия “Социология и управление”. 2015. № 3. С. 83–88.

Овечкина Я.В. Перспективы распространения явления дауншифтинга в современном обществе: анализ ценностных ориентаций специалистов Москвы и Санкт-Петербурга // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 10 (54). С. 92–102.

Семихова М.А. Нестандартная занятость в условиях современности // Материалы Международного молодежного научного форума “Ломоносов–2015” / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М., 2015.

Семихова М.А. Новые формы занятости в постиндустриальном обществе // Управление человеческими ресурсами: В 2 ч. Ч. 1. Гл. 7. М., 2016. С. 126–142.

Дудуева Ф.А., Липатова А.Е., Пашко А.И., Семихова М.А., Третьяков Я.А. Современные исследования персонала. Проблемы управления персоналом и занятостью в темах диссертационных исследований // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4.

Тарасова О.В., Яцевич О.Е. Экзистенциальные модели деятельности человека // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 145–148.

Тихомиров Д. Герман Стерлигов: “Сам не знаю, насколько я был богат” // Коммерсантъ Деньги. 2007. № 5.

Товбин К.М. Проект “Герман Стерлигов” как пример псевдотрадиционализма // Аналитика культурологии. 2015. № 1 (31). С. 194–215.

Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консультирование / Под ред. В.В. Щербины. М., 2004.

Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М., 1980. С. 286–300.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982.

Юрасова М.В. Современные подходы к управлению качеством // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 1. С. 112–125.

Юрасова М.В. Проективные сценарии общественного устройства в сознании будущих обществоведов России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 1. С. 155–169.

Юрасова М.В. Оценки систем качества подготовки выпускников в вузах России // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2013. № 1. С. 55–66.

Юрасова М.В. Интегрированные системы исследований качества (качество исследований и исследование качества) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 1. С. 174–193.

REFERENCES

Biografija Germana Sterligova [Biography of Herman Sterligov] // Oficial'nyj sajt Germana Sterligova. URL: <http://sterligoff.ru/biografiya.html> (data obrashhenija: 19.08.2017) (in Russian).

Buhler C. Psychology in the life of our times. Zurich, 1962.

Cantillon R. Essai sur la nature du commerce en general, edited with an English translation and other material by Henry Higgs. L., 1959.

Dudueva F.A., Lipatova A.E., Pashko A.I. i dr. Sovremennye issledovanija personala. Problemy upravlenija personalom i zanjatost'ju v temah dissertacionnyh issledovanij [Modern research of personnel] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2016. N 4 (in Russian).

Hrestomatija po istorii psihologii [Chrestomathy of psychology history] / Pod red. P.Ja. Gal'perina, A.N. Zhdan. M., 1980. S. 286–300 (in Russian).

Inozemcev V.L. Raskolotaja civilizacija: sistemnye krizisy industrial'noj jepohi [Split civilization: systemic crises of the industrial era] // Voprosy filosofii. 1999. N 5 (in Russian).

Kondakov I.M., Suharev A.V. Metodologicheskie osnovanija zarubezhnyh teorij professional'nogo razvitija // Voprosy psihologii. M., 1989. S. 158–164 (in Russian).

Kornienko O.Ju. Istoriko-sociologičeskij analiz fenomena daunshiftinga kak novogo dvizhenija v kar'ere uspeshnogo čeloveka [Historical and sociological analysis of the phenomenon of downshifting as a new movement in the career of a successful person] // Vestnik KemGU. 2014. N 1 (57). S. 92–95 (in Russian).

Krongauz M. Slovo—2007. Slovo – geroj goda [The Word of 2007. The word – hero of the year] // Bol'shoj gorod. 2008. 9 janv. URL: http://bg.ru/society/slovo_2007-7181/ (data obrashhenija: 19.08.2017) (in Russian).

Merzljakova V. Al'ternativnye modeli uspešnosti v sovremennoj kul'ture: daunshifting [Alternative models of success in modern culture: downshifting] // Vestnik obshhestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii. 2008. N 4. S. 33–42 (in Russian).

Moljarenko O.A. Raspredeľennyj obraz zhizni i kontrurbanizacionnye processy kak faktory razvitiya sel'skih i gorodskih poselenij [The distributed lifestyle and counter-urbanization processes as factors of development of rural and urban settlements] // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. 2013. N 1 S. 43–63 (in Russian).

Obrazovatel'nye zaprosy uchitelej na sovershenstvovanie/formirovanie professional'nyh kompetencij [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.dpomos.ru/page/requests_demo.php (data obrashhenija: 16.11.2016) (in Russian).

Ovechkina Ja.V. Osobennosti organizacii trudovoj dejatel'nosti sovremennyh daunshifterov [Features of the organization of the work of modern downshifters] // Nauchnyj rezul'tat. Serija "Sociologija i upravlenie". 2015. N 3. S. 83–88 (in Russian).

Ovechkina Ja.V. Perspektivy rasprostraneniya javlenija daunshiftinga v sovremennom obshhestve: analiz cennostnyh orientacij specialistov Moskvy i Sankt-Peterburga // SISP. 2015. N 10 (54). S. 92–102 (in Russian).

Parsons F. Choosing a vocation. Cambridge, 2008.

Semihova M.A. Nestandardnaja zanjatost' v uslovijah sovremenности [Non-standard employment in the conditions of the modernity] // Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma "Lomonosov–2015" [Materials of the International Youth Scientific Forum "Lomonosov–2015"] / Otv. red. A.I. Andreev, A.V. Andrijanov, E.A. Antipov. M., 2015 (in Russian).

Semihova M.A. Novye formy zanjatosti v postindustrial'nom obshhestve [New forms of employment in post-industrial society] // Upravlenie chelovecheskimi resursami. V 2 ch. Ch. 1. Gl. 7. Uchebnik i praktikum dlja akademicheskogo bakalavriata. M., 2016. S. 126–142 (in Russian).

Shumpeter J. Teorija jekonomicheskogo razvitiya [Economic development theory] M., 1982 (in Russian).

Super D.E. Vocational development. N.Y., 1957.

Tarasova O.V., Jacevich O.E. Jekzistencial'nye modeli dejatel'nosti cheloveka [Existential models of human activity] // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2015. N 3. S. 145–148 (in Russian).

Tihomirov D. German Sterligov: "Sam ne znaju, naskol'ko ja byl bogat" [Herman Sterligov: "I don't know how I was rich"] // Kommersant# Den'gi. 2007. N 5 (in Russian).

Tovbin K.M. Proekt "German Sterligov" kak primer psevdotradicionalizma [The project "Herman Sterligov" as an example of pseudotraditionalism] // Analitika kul'turologii. 2015. N 1 (31). S. 194–215 (in Russian).

Upravlenie chelovecheskimi resursami: menedzhment i konsul'tirovanie [Human resources management] / Pod red. V.V. Shherbiny. M., 2004 (in Russian).

Yurasova M.V. Sovremennye podhody k upravleniju kachestvom [Modern ways to quality management] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2011. N 1. S. 112–125 (in Russian).

Yurasova M.V. Proektivnye scenarii obshhestvennogo ustrojstva v soznanii budushhih obshhestvovedov Rossii [Projective scenarios of social order in the minds of future social scientists of Russia] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2012. N 1. S. 155–169 (in Russian).

Yurasova M.V. Ocenki sistem kachestva podgotovki vypusnikov v vuzah Rossii [Estimates of quality systems of training of graduates in higher education institutions of Russia] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 20. Pedagogicheskoe obrazovanie. 2013. N 1. S. 55–66 (in Russian).

Yurasova M.V. Integrirovannye sistemy issledovanij kachestva (kachestvo issledovanij i issledovanie kachestva) [Integrated quality research systems (quality research and quality research)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2014. N 1. S. 174–193 (in Russian).

Zakon “O predpriyatijah i predprinimatel'skoj dejatel'nosti” [Entrepreneurship law]. 25 dekabnja 1990 g. (in Russian).

Zakon “Ob individual'noj trudovoj dejatel'nosti”. 1986 g.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-2-203-207

КОНФЕРЕНЦИЯ “ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ВЕК СПУСТЯ” В РИМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ “САПИЕНЦА”

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

П.С. Каневский, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

Материал посвящен конференции “Октябрьская революция. Век спустя”, прошедшей в Римском университете “Сапиенца” 19 октября 2017 г. Конференция была организована социологическим факультетом МГУ и Департаментом социальных и экономических наук Римского Университета.

Ключевые слова: революция, коммунизм, Питирим Сорокин, социальные изменения, социальные конфликты, республиканизм.

CONFERENCE “LA RIVOLUZIONE BOLSCEVICA. UN SECOLO DOPO” IN SAPIENZA UNIVERSITY OF ROME

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of sociology Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: soc@socio.msu.ru

Kanevskiy Pavel S., PhD in political science, Associate Professor of the Political science and sociology of political processes department, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: baggio-18@yandex.ru

Current article is dedicated to conference “La rivoluzione bolscevica. Un secolo dopo” (Bolshevik revolution. A century after) that took place in Sapienza University of Rome on 19 October 2017. Conference was organized by the Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University and Department of Social and Economic Sciences of University of Rome.

Key words: revolution, communism, Pitirim Sorokin, social changes, social conflicts, republicanism.

* Осипова Надежда Геннадьевна, e-mail: soc@socio.msu.ru

** Каневский Павел Сергеевич, e-mail: baggio-18@yandex.ru

19 октября 2017 г. в Риме прошла конференция “Октябрьская революция. Век спустя”, организованная совместно социологическим факультетом МГУ и департаментом социальных и экономических наук Римского Университета “Сапиенца”. На конференции рассматривались вопросы истории революции 1917 г., ее влияния на общественное и политическое развитие Европы и России, которые требуют широкой дискуссии.

Для современной Италии и прочих западноевропейских стран анализ коммунистического и социалистического наследия имеет особое значение. С одной стороны, оно оказало огромное влияние на развитие представлений о социальном государстве, социальном равенстве и социальной справедливости. В ходе строительства социализма в СССР получили развитие новые трактовки социальных, политических и экономических процессов, трудовых отношений, общественных конфликтов. С другой стороны, отношение к революции в России, равно как и к векторам развития Советского Союза, в итальянском обществе всегда было неоднозначным и полным противоречий. В данной связи мнения, озвученные на конференции, и развернувшиеся вокруг них дискуссии имели большую значимость для понимания того, как революция 1917 г. и ее последствия воспринимаются сегодня в российской и итальянской среде. В работе конференции участвовали ведущие итальянские и зарубежные социологи, политики, историки, журналисты.

Конференция была торжественно открыта деканом факультета социологии, политических наук и коммуникации профессором Рафаэллой Мессинетти, директором департамента социальных и экономических наук профессором Сандро Бернардини, руководителем магистерских программ департамента профессором Антимо Фарро. От социологического факультета в конференции приняли участие декан, профессор Н.Г. Осипова и заместитель декана, доцент П.С. Каневский, выступившие на пленарном заседании. Модератором пленарного заседания стал Эрик Жозеф – корреспондент французской газеты “Либерасьон”. Встреча освещалась итальянскими (“Эспрессо”), французскими (“Либерасьон”, “Марианн”), швейцарскими (Швейцарская телерадиокомпания) и российскими (ИТАР-ТАСС) СМИ.

Профессор Н.Г. Осипова выступила с докладом, в котором были проанализированы идеи великого русского социолога Питирима Александровича Сорокина о причинах, природе и последствиях революции, не теряющие своей значимости. Н.Г. Осипова отметила, что П.А. Сорокин уже после Февральской революции практически ежедневно публиковал многочисленные заметки, в которых резкой критике подвергал нерешительность нового буржуазного прави-

тельства, его “запаздывание” в решении насущных социальных проблем. Среди них: “Обязанности власти и обязанности гражданина”, “Сущность и авторитет власти”, “Интересы национальностей и единство государства”, “Социализм и социальное равенство”. Октябрьский переворот социолог встретил с еще большим пессимизмом, предвидя многие социальные и политические катаклизмы, которые он влек за собой, ставя под угрозу будущее страны. П.А. Сорокин считал, что большевики не только прибегали к крайним методам при достижении власти, но и “извратили заветы социализма и свободы”¹. При этом Н.Г. Осипова подчеркнула, что ученый осознавал зыбкость нового режима, покоящегося на бесконечном насилии, понимал ограниченность его исторических возможностей. И хотя он, конечно, не мог предвидеть в точности, как будет развиваться советский проект после революции, он предупреждал, что настанет момент, “когда из обломков старой России нужно будет строить новую Россию, новую родину” и “к этой задаче нужно готовиться”². Этот вывод, по мнению Н.Г. Осиповой, звучит крайне актуально и сегодня, когда Россия сталкивается со множеством вызовов в ходе развития государства и построения нового общества.

С пленарным докладом на конференции выступил также известный специалист по истории восточной Европы, автор ряда монографий о природе и развитии коммунизма, профессор Университета Тор-Вергата (Рим-2) Сильвио Понс³. В своей речи С. Понс напомнил собравшимся, что коммунизм зародился в эпоху расцвета империализма, гражданских войн и революций. Большевицкий проект был преподнесен в 1917 г. как универсальный способ разрешения новых социальных конфликтов, ставших результатом неравномерного развития конца XIX – начала XX в. Тем не менее, главной целью нового режима, вышедшего из октябрьского переворота, по мнению С. Понса, стала защита самого себя от внешних и внутренних сил. В конечном счете защитная стратегия советской власти и стремление отгородиться от мира, привели к тому, что коммунизм начал проигрывать прочим интернациональным проектам, построенным на умеренном балансе между капитализмом и социализмом; коммунистические способы решения проблем неравенства и бедности стали терять актуальность, а проблемы гражданских свобод и прав человека так никогда и не стали приоритетами для советской власти. “Клаузевизация” структуры советского комму-

¹ Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб., 2000. С. 206.

² Там же. С. 205.

³ См.: Pons S. The global revolution: a history of international communism 1917–1991. Oxford, 2014.

низма, рожденного в эру войн, просто перестала отвечать вызовам нового времени, долгосрочным видениям развития и привела к его исчезновению как “альтернативного модерна”.

Среди основных спикеров также был Акилле Оккетто – последний лидер Коммунистической партии Италии (1988–1991) и первый лидер Демократической партии левых сил (1991–1994). А. Оккетто является одним из отцов-основателей современной итальянской социал-демократии. В своем выступлении он затронул неоднозначность революции и рожденной ею трактовки коммунизма. Как и С. Понс до него, А. Оккетто много времени уделил причинам усиления и упадка коммунистического проекта. Ключевой проблемой для него является понимание свободы: если нет свободы, то нет и политической воли, направленной на изменение человека и общества. Без свободы человечество не проявляло бы способности к росту и совершенствованию и мало чем отличалось бы от простых биологических организмов. А. Оккетто рассматривает коммунизм и его трактовку свободы сквозь призму идей К. Маркса, А. Грамши, Б. Спинозы, Ф. Ницше, выстраивая собственное понимание политики⁴. Крах коммунизма, на его взгляд, открыл двери новой дискуссии о том, как сделать так, чтобы свобода, политика и долгосрочное развитие не шли вразрез друг с другом, а приводили к гармоничному симбиозу.

П.С. Каневский выступил с докладом о забытом юбилее 1917 г. – 100-летию Российской республики. 14 сентября по старому стилю Временное правительство впервые за всю историю страны провозгласило в России республику, которой было суждено просуществовать до октябрьского восстания. П.С. Каневский отметил, что, хотя республиканская идея была на подъеме в первые годы советской власти, довольно скоро она стала выхолащиваться в формальность, реальной демократии не возникло, а с течением времени и усилением режима люди стали терять интерес к активному участию в политической жизни. Тем не менее, как демонстрировал в своих работах социолог Георгий Дерлугян, социальная активность не исчезала, напротив, многие горизонтальные коммуникации развивались параллельно с формальными партийно-идеологическими институтами и стали одной из причин делегитимации режима⁵. Однако республиканскому мышлению исторически не суждено было стать основой российского политического устройства и граждан-

⁴ Подробнее см.: *Occhetto A. Pensieri di un ottuagenario. Alla ricerca della libertà nell'uomo. Palermo, 2016.*

⁵ См., напр.: *Дерлугян Г. Адепт Бурдьё на Кавказе: эскизы к биографии в мисросистемной перспективе. М., 2010.*

ского общества, так как сам социум все еще фрагментирован, в нем сосуществует множество политических культур и республиканизм является лишь частью массового сознания.

По итогам конференции развернулось множество дискуссий о том, как отражаются события 100-летней давности в современном сознании и общественных дискурсах, как революция в России изменила векторы развития во всем мире, об отличительных чертах европейских коммунистических и левых движений. Участники не раз подчеркивали значимость подобных междисциплинарных дискуссий с привлечением лучших специалистов ведущих вузов, так как данная тема не теряла и в ближайшем будущем не потеряет своей актуальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дерлугьян Г. Адепт Бурдьё на Кавказе: эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М., 2010.

Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб., 2000.

REFERENCES

Derlug'jan G. Adept Burd'e na Kavkaze: Jeskizy k biografii v mirosistemnoj perspektive [Adept Bourdieu in the Caucasus: sketches for biography in the world-system perspective]. M., 2010 (in Russian).

Occhetto A. Pensieri di un ottuagenario. Alla ricerca della libertà nell'uomo. Palermo, 2016.

Pons S. The global revolution: a history of international communism 1917–1991. Oxford, 2014.

Sorokin P.A. Zametki sociologa. Sociologicheskaja publicistika [Notes of the sociologist. Sociological journalism]. SPb., 2000 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-2-208-213

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ БЕДНОСТИ В УНИВЕРСИТЕТЕ ЗАЛЬЦБУРГА

И.А. Вершинина, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

Т.С. Мартыненко, ассист. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

Материал посвящен международной научной конференции по междисциплинарным исследованиям бедности, состоявшейся в Университете Зальцбурга. Главной темой конференции стало изучение взаимосвязи проблемы бедности и религии.

***Ключевые слова:** бедность, социальное неравенство, религия, Университет Зальцбурга, Центр исследований этики и бедности.*

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE IN INTERDISCIPLINARY POVERTY RESEARCH HELD AT THE UNIVERSITY OF SALZBURG

Vershinina Inna A., PhD Sci., Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: urbansociology@yandex.ru

Martynenko Tatyana S., assistant of the Department of Contemporary Sociology, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ts.martynenko@gmail.com

The article is devoted to the International scientific conference in interdisciplinary poverty research held at the University of Salzburg. The focus theme of the Conference was the study of the relationship between the problem of poverty and religion.

***Key words:** poverty, social inequality, religion, University of Salzburg, Center for Ethics and Poverty Research.*

В конце сентября 2017 г. в Центре исследований этики и бедности (*Center for Ethics and Poverty Research, CEPR*) Университета Зальцбурга прошла ежегодная конференция по междисциплинарным исследо-

* **Вершинина Инна Альфредовна**, e-mail: urbansociology@yandex.ru

** **Мартыненко Татьяна Сергеевна**, e-mail: ts.martynenko@gmail.com

ваниям бедности. Организаторы подчеркивают, что даже в такой стране с высоким уровнем жизни, как Австрия, необходимо помнить о том, что для подавляющего большинства населения нашей планеты сегодня актуальны проблемы, связанные с бедностью и нищетой.

Центр исследований этики и бедности был создан в 2006 г. на базе Университета Зальцбурга и представляет собой междисциплинарное научно-исследовательское учреждение. Цель Центра – изучение бедности и социальной эксклюзии во взаимосвязи с вопросами этики и философии. Одной из задач, способствующих достижению этой цели, является привлечение максимально широкого круга экспертов из разных областей научного знания. Так, в работе организации принимают участие философы, социологи, экономисты, социальные географы, теологи, историки и представители других наук.

Начиная с 2013 г. Центр исследований этики и бедности проводит конференцию, в рамках работы которой обычно предполагается обсуждение определенного аспекта бедности, социального неравенства и социальной эксклюзии. Предметом обсуждения становились этические проблемы борьбы с бедностью (2014 г.), бедность в Европе (2015 г.) и детская бедность (2016 г.).

Конференция 2017 г. была посвящена проблемам взаимосвязи бедности и религии и охватывала широкий спектр вопросов. Участники конференции пытались ответить на вопрос о статусе и роли религии в решении проблем бедности и социальной эксклюзии в условиях постсекулярной современности.

Пленарное заседание было открыто приветственным словом декана факультета теологии, после чего слово было передано одному из ключевых спикеров – британцу Полу Клоку (Paul Cloke)¹, занимающемуся социальной географией. В своем выступлении профессор Эксетерского университета изложил основные результаты исследования, проведенного им и его командой в Великобритании. В центре внимания ученых находились организации по предоставлению услуг бездомным. Результаты исследования позволили выявить основные характеристики подобных организаций и, что особенно подчеркивал спикер, показать, что они не являются носителями неолиберализма и олицетворением постсекулярности, но вполне явно представляют собой конкретные этические и политические реакции на социальную несправедливость.

¹ См. подробнее: *Cloke P., May J., Johnsen S. Swept up lives? Re-envisioning the homeless city. Malden, Oxford, 2010; Envisioning human geographies / Ed. by P. Cloke, P. Crang, M. Goodwin. L.; N.Y., 2014.*

Стоит отметить, что на конференции широко обсуждался такой способ помощи и поддержки бедных, как “банки еды” или “банки продовольствия” (“*foodbank*”)². Впервые подобные организации появились в США в 70-е гг. XX в. В нашей стране первый фонд продовольствия был создан в 2012 г. Цель подобных организаций заключается в сборе и передаче нуждающимся продуктов питания. В связи с тем что развитие продовольственных банков, с одной стороны, демонстрирует наличие гражданского общества, с другой — частично освобождает государство от решения проблемы голода, тема вызвала широкие дискуссии участников конференции. По причине недавнего оформления продуктовых банков в России отечественные ученые пока не обращаются к подробному анализу подобных организаций и их эффективности в сокращении масштабов бедности и социального неравенства.

Пленарное заседание было продолжено докладом профессора Университета Лидса Эммы Томалин (Emma Tomalin)³. Э. Томалин представила результаты исследования, в ходе которого британские ученые пытались выявить взаимосвязь и влияние религии и целей устойчивого развития Организации Объединенных Наций (ООН), изложенных в докладе “Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года”⁴. Цель Э. Томалин заключалась в том, чтобы понять, насколько религиозные акторы были услышаны в ходе формулирования целей устойчивого развития и ощущают себя непосредственными участниками развития современных обществ. Она провела сравнительный анализ того, насколько активно представители разных конфессий внедряют предложения, разрабатываемые ООН для решения глобальных проблем современности в ходе собственной деятельности.

Дальнейшая работа конференции продолжалась на круглых столах и секциях. За несколько дней исследователи и ученые обсудили широкий круг вопросов. Участники конференции пытались ответить на вопросы о том, как религия и религиозность влияют на проблему бедности, может ли религия способствовать эконо-

² См., например: *Garthwaite K. Hunger pains: life inside foodbank Britain. L., 2016.*

³ См. подробнее: *The Routledge handbook of religions and global development / Ed. by E. Tomalin. L., N.Y., 2017; Tomalin E. Hinduism and international development: religions and development background paper. Birmingham, 2009.*

⁴ Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. 21 сентября 2015 года. Генеральная Ассамблея ООН. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&referer=http://www.un.org/sustainabledevelopment/development-agenda/&Lang=R (дата обращения: 10.10.2017).

мическому росту или, наоборот, сдерживает его. Особый интерес вызвали доклады, посвященные социально исключенным группам населения (безработным, бездомным и т.п.), особенностям их жизни, а также роли религии в современной школьной системе образования. Исключительное внимание исследователи ряда европейских стран уделяли проблеме бедности и социальной эксклюзии в современной Африке, в частности в Нигерии, Египте, Гане, Кении, Судане, а также в азиатских странах – Камбодже, Вьетнаме, Таиланде и др.

Особое внимание на Конференции было уделено участию представителей различных религиозных конфессий в решении проблем бедности и социального неравенства. Несомненно, наиболее широко был представлен анализ влияния католицизма, тем не менее, работа ряда секций была посвящена исламу. Исследователи, с одной стороны, представляли результаты анализа ислама и различных социальных проблем, а с другой – пытались выявить эвристическую ценность современных социологических подходов к изучению социального неравенства и бедности в исламских странах.

Междисциплинарный и международный статус Конференции способствовал не только обсуждению значительного числа примеров из разных стран (в Конференции приняли участие ученые из почти всех стран ЕС, России, Индии, Бразилии, Турции и др.). Особенностью Конференции стала возможность рассмотреть актуальные проблемы современных обществ с опорой на различные научные направления и подходы. Примечательным примером подобного сотрудничества стало обсуждение проблемы базового дохода⁵ как способа снижения социального неравенства и решения проблемы бедности. В то время как философы и социологи делали акцент на приемлемости базового дохода для общества, опираясь на данные исследований, экономисты продемонстрировали расчеты возможности выплаты этих сумм, а также их экономическую несостоятельность.

Конференция продемонстрировала способность представителей различных социальных наук к активному взаимодействию и сотрудничеству. Обращение к одним и тем же исследователям, подходам и терминам позволяет сделать вывод о возможности формирования общего поля современных социальных наук. Наиболее

⁵ См. подробнее: *Вершинина И.А., Мартыненко Т.С.* Неравенство в современном мире: обзор международных докладов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 3. С. 74–91.

востребованными теоретическими основаниями для анализа отношений между бедностью и религией стали сетевой подход, теория Ю. Хабермаса, концепции социальной эксклюзии таких британских социологов, как Р. Левитас и П. Таунсенд, феминистская социология и др. Единственной довольно обособленной группой на Конференции были теологи. Работа теологических секций выстраивалась вокруг различных разделов богословия.

По итогам Конференции участники подчеркнули продуктивность подобного формата мероприятий, а также необходимости дальнейшего изучения проблемы бедности. Важно подчеркнуть, что обсуждения не ограничивались временем проведения секции, но продолжились и в перерывах, а также после окончания официального времени проведения Конференции.

На очередной Конференции 2018 г. планируется обсуждение бедности и пространства. Организаторы предлагают обсудить пространственные измерения бедности, проблемы бездомных, условий проживания мигрантов, городского планирования и распространения/воспроизводства бедности, приватизации общественных пространств, пространственного исключения и сегрегации, доступа к необходимым услугам и объектам, картографирования бедности и т.д. Обсуждение этих вопросов предполагает анализ текущих тенденций в области неравенства и социальной изоляции, последствий бедности для здоровья, благосостояния и развития современных обществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Неравенство в современном мире: обзор международных докладов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 3. С. 74–91.

Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. 21 сентября 2015 года. Генеральная Ассамблея ООН. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&referer=http://www.un.org/sustainabledevelopment/development-agenda/&Lang=R (дата обращения: 10.10.2017).

REFERENCES

Cloke P., May J., Johnsen S. Swept Up Lives? Re-envisioning the homeless city. Malden; Oxford, 2010.

Envisioning human geographies / Ed. by P. Cloke, P. Crang, M. Goodwin. L.; N.Y., 2014.

Garthwaite K. Hunger pains: life inside foodbank Britain. L., 2016.

Preobrazovanie nashego mira: povestka dnja v oblasti ustojchivogo razvitija na period do 2030 goda. 21 sentjabrja 2015 goda. General'naja Assambleja OON. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&referer=http://www.un.org/sustainabledevelopment/development-agenda/&Lang=R (data obrashhenija: 10.10.2017) (in Russian).

The Routledge handbook of religions and global development / Ed. by E. Tomalin. L.; N.Y., 2017.

Tomalin E. Hinduism and international development: religions and development background paper. Birmingham, 2009.

Vershinina I.A., Martynenko T.S. Neravenstvo v sovremennom mire: obzor mezhdunarodnyh dokladov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2016. N 3. S. 74–91 (in Russian).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Общие требования к рукописям, предлагаемым для опубликования в журнале “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология”

Материалы, представленные на рассмотрение для публикации в журнале, обязательно должны соответствовать тематике журнала (основные тенденции современного социального развития и изменения, методологические и теоретические проблемы современной социологии и политологии, конкретные области социологического и политологического анализа, исследования проблем и специфики современного общества и институционального порядка, политических процессов, вопросы социальной и государственной политики, социального и организационного менеджмента). Все материалы должны представлять собой самостоятельное научное исследование (то есть должны содержать вклад автора в постановку и разработку выбранной для научного исследования проблемы). В целях обеспечения качества публикуемых материалов и соблюдения авторских прав все поступающие статьи проходят проверку через систему “Антиплагиат”. Материалы должны быть актуальными (содержать элементы научной и информационной новизны). Рукопись обязательно должна соответствовать принятым в журнале техническим требованиям к оформлению.

В случае соответствия требованиям предлагаемая статья может быть рассмотрена в редакции и отправлена на рецензирование (экспертную оценку), а при необходимости может быть обсуждена на редколлегии. В последующем будет принято решение о возможности/невозможности публикации рукописи с учетом публикационных планов журнала. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. По вопросам, связанным с публикацией представленных в редколлегию материалов, необходимо обращаться по электронной почте vestnik@socio.msu.ru, ilinih@socio.msu.ru, а также по телефону ответственного секретаря журнала Ильиных Ольги Владимировны +7 (903) 268-89-69.

Желающие опубликовать статью в журнале “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология”, могут присылать материалы

- в № 1 (январь–март) – до 20 августа,
 - в № 2 (апрель–июнь) – до 20 ноября,
 - в № 3 (июль–сентябрь) – до 20 февраля,
 - в № 4 (октябрь–декабрь) – до 20 мая
- каждого года.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи не возвращаются. Гонорар авторам за публикацию рукописей не выплачивается. Плата с авторов (в том числе с аспирантов) за публикацию рукописей не взимается.

**Рукописи, подаваемые в журнал,
должны соответствовать следующим требованиям**

Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде (в том числе рисунки (диаграммы, графики, схемы и т.п.)).

Все предоставляемые в редколлегию материалы должны содержать:

1) название статьи на русском и английском языках;
2) сведения обо всех авторах на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора, город, страна, индекс. Авторская транслитерация ФИО должна учитывать то обстоятельство, что ее изменение, возможно, затруднит поиск прежних публикаций автора, которые перестанут учитываться в перечне его работ (то есть необходимо транслитерировать ФИО так, как в загранпаспорте или в предыдущих работах, т.е. унифицировать).

3) аннотации на русском и английском языках (не менее 200–250 слов каждая);

4) ключевые слова (6–8 слов/словосочетаний) на русском и английском языках;

5) основной текст. К рассмотрению принимаются материалы и статьи преподавателей и научных сотрудников объемом от 1 авторского листа (40 тыс. знаков) до 1,3 авторского листа (приблизительно 53 тыс. знаков). Объем аспирантских статей от 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков). (Указано общее число знаков вместе с пробами, знаками рисунков, оформительскими страницами);

6) список литературы в конце статьи (число русскоязычных работ + число работ на иностранных языках = 20–30). Отсутствие приставительного списка литературы может стать причиной отказа в рассмотрении статьи.

Список литературы помещается после основного текста статьи, и оформляется следующим образом:

а) список литературы на русском языке (по алфавиту (кириллическому) без нумерации). Этот список имеет подзаголовок “Список литературы”;

б) Второй список имеет подзаголовок “References”. Этот список в свою очередь включает в себя транслитерацию (по системе BSI. При создании транслитерации возможно использование программы транслитерации текста, к примеру, translit.net) и перевод на английский вышеприведенного списка литературы на русском языке, а также список литературы на иностранных языках (транслитерация русскоязычных работ + список работ на иностранных языках, все общим списком по алфавиту (латинскому)).

Более подробно требования к оформлению статей представлены на сайте журнала <http://vestnik.socio.msu.ru/jour> Там же можно посмотреть образцы оформления ссылок, списков литературы и т.п. Кроме того, на сайте есть электронная форма, с помощью которой необходимо подать статью в редколлегию.

*С уважением,
редколлегия журнала “Вестник Московского университета.
Серия 18. Социология и политология”*

Адрес редколлегии:

*119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ,
3-й учебный корпус, социологический факультет, каб. 514*
(e-mail: vestnik@socio.msu.ru, ilinih@socio.msu.ru),
тел.: (495) 939-08-54, 8 (903) 268-89-69.

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № 012687 от 21 июня 1994 г.

Подписано в печать 00.00.2018. Формат 60×90/16. Бумага офс. № 1.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 00,0. Тираж экз.
Изд. № 11042. Заказ № .

Издательство Московского университета.
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15
(ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>